

«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РОМАН» В БРАЗИЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ

**Составление и вступительная
статья М.В. Кирчанова**

Воронеж

<http://ejournals.pp.net.ua>

2009

УДК 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ББК 66.1 (66.5) / 83.3
Р 43

Республиканский роман в Бразилии в первой половине
1940-х годов / сост. и вступительная статья М.В.
Кирчанова.- Воронеж: <http://ejournals.pp.net.ua>,
2009. - 150 с.

© <http://ejournals.pp.net.ua>, 2009

Содержание

Афонсу Шмидт

ПОХОД

4 – 141

М.В. Кирчанов

«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ» РОМАН КАК УЧАСТОК
КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ПАМЯТИ В БРАЗИЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1940-Х ГОДОВ

142 – 150

Афонсу Шмидт

ПОХОД

Источник:
Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / пер.
с порт. Г. Калугина. – М., 1958.

I

На краю Сертана¹

Строительство железной дороги началось, но на каждом шагу возникали новые трудности; на многих фазендах² инженеров встречали враждебно. Суд был завален исками и жалобами, множество бумаг поступало в канцелярию и отправлялось оттуда. В коридорах судебного присутствия спорили адвокаты-крючкотворы. Тощие, высохшие, в очках, еле держащихся на кончике носа, они знали наизусть все законы и тянули их наподобие кантилен. Они без конца твердили о том, что права землевладельцев гарантируются военной силой, возмущались актами произвола и со стороны помещиков и со стороны строителей и угрожали при получении компенсации за землю содрать три шкуры с хозяев железной дороги.

Несмотря на опасность захвата, земля в районе строительства дорожала с головокружительной быстротой. Каждая пядь отстаивалась с оружием в руках. Пришельцы не подчинялись решениям суда – для них все земли были «ничейными». Это определение их очень устраивало и не сходило у них с языка. В тавернах с развешанными у входа гирляндами лука наемные головорезы, капанги, строили дерзкие планы. Все они были вооружены. Кроме револьвера, который они, садясь за стол, откидывали на бок, капанги носили также большой нож – им крошили табак.

На углах улиц мужчины в высоких сапогах, широкополых шляпах и порыжевших от пыли парусиновых костюмах рассказывали друг другу анекдоты, судачили о тех, кто не расставался с мотками колючей проволоки: если этим людям попадалась подходящая земля, они разматывали проволоку, сколачивали ранчо, выпускали на огороженный участок кур и на следующий день уже требовали закрепления за ними земли.

Педру Алвим, которого знакомые звали Педрука, был судебным приставом в Иту. То, что рассказывали о нем в коридорах во время бесконечных судебных заседаний, – это просто выдумки и сплетни... Неправда, будто он ел, ставя тарелку в ящик стола, чтобы при появлении посетителя быстро спрятать ее. И уж совсем неправда, будто по вечерам

¹ Сертан – внутренние засушливые области Бразилии. – Здесь и далее примечания переводчика.

² Фазенда – имение, поместье, плантация.

он рыскал по городу с незажженной самокруткой во рту, высматривая, не покажется ли где курильщик. А едва завидит огонь сигареты, добавляли клеветники, начинает кричать:

– Не туши! погоди! Дай прикурить! *

Он вовсе не был скрягой, как о нем злословили. Просто всегда и во всем проявлял умеренность и бережливость. Его душой владели необузданные, честолюбивые стремления, но он старался смирять их. Педрука был настолько экономен, что, занимая скромную должность судебного пристава и притом будучи обременен семьей, он все же сумел приобрести неплохой домик неподалеку от центра города. Жена его готовила с помощью невольницы сласти, которые двое негритят продавали на улице. Сынишка Алвима пошел весь в отца: у него еще не было никаких определенных занятий, но, если верить слухам, уже была копилка...

В 1870 году, когда начался ажиотаж в связи с прокладкой железной дороги, к Педруке явился некто из Сан-Пауло и предложил:

– Хотите продать свой домишко? Я дам за него четырнадцать конто.³

Педрука только сплюнул в ответ. Однако в нем заговорила старая, необузданная жадность. Он повернулся лицом к собеседнику, окинул его зорким профессиональным взглядом дом судебного чиновника и рискнул:

– Мало. Надо бы прибавить.

Покупатель остался непреклонным.

– Четырнадцать конто, ни мильрейса больше...

– Ну, а условия?

– Наличными при регистрации купчей.

Они отправились в бар, заказали пива, за которое расплатился незнакомец, и ударили по рукам.

Педрука уже давно подумывал о продаже домика; эта мысль не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Как за последнее время все изменилось – деньги буквально валяются на земле, стоит только нагнуться и протянуть руку. Все богатели, кроме него. А между тем у него есть главное, чтобы разбогатеть: цепкие руки с длинными, черными, загнутыми ногтями, похожими на когти хищника. Почему бы ему не попытаться? Он посоветовался с женой и сыном. Те согласились, что стоит рискнуть – будь что будет! Он при-

³ Конто – бразильская денежная единица, равна тысяче мильрейсов или тысяче крузейро.

нял предложение, продал домик, обратил в деньги все, что представляло хоть какую-то ценность, и взялся за дело.

для начала он купил партию из восьми забитых вшивых невольников, с которыми бродячий работорговец застрял в Тиете. Негры никудышные, но, если их немного подкормить, они, пожалуй, смогут копать и рыхлить землю. Там же на рынке приобрел пару ослов и, побегав по лавкам, закупил соли, керосина, жгут табака и бутыл пинги.⁴

Наконец-то он становится фазендейро. Но Алвим не хотел, как говорится, дразнить зверей, отнимая у них мясо; он предпочел действовать хитростью: оформил на свое имя участок на краю сертана – в нескольких лигах⁵ от Сан-Жоан-до-Капивари в направлении на Сан-Карлос, благо в тех местах еще не вспыхнула железнодорожная лихорадка.

Педрука немало поездил по округе, внимательно изучал в нотариальных конторах земельные реестры и наконец выбрал себе участок в сто алкейре⁶ на берегу реки. В один прекрасный день во главе полудюжины негров и двух ослов, навьюченных корзинами, он вступил в город Сан-Жоан-до-Капивари. Не зря Педрука двадцать лет прослужил судебным приставом в Иту: он знал тут всех. Жители здоровались с ним нараспев, как принято в этой провинции:

– Добрый день, сеньор!

И он отвечал так же:

– Добрый день, сеньор!

Через день он уже был в Пайнейрасе. Необозримый густой лес, казалось, не имел хозяев. Новый фазендейро углубился в чащу и, проложив просеку, дошел до лужайки на берегу реки. Здесь он на скорую руку соорудил две хижины – одну для себя, другую для негров. Расчистив огнем небольшой участок, он принялся хозяйничать на своей земле.

Ночью, растянувшись на койках из жердей, прикрытых циновками, все обитатели новой фазенды прислушивались к рычанию ягуаров. Кабоккло⁷ – их ближайший сосед, жив-

⁴ *Пинга* – бразильская плохо очищенная водка.

⁵ *Лига* (легуа) – бразильская мера длины, равна 6600 м.

⁶ *Алкейре* – бразильская мера земли, различная для разных штатов – от 2,42 до 4,84 га.

⁷ *Кабоккло* – метис.

ший в двух лигах от участка Педруки, – рассказал, что лет десять тому назад он нашел у дороги путника, пораженного стрелой прямо в сердце. Конечно, кабокло все это выдумал, однако с тех пор пришельцы стали побаиваться индейцев.

Работать приходилось много. С утра до вечера звенели топоры, вонзаясь в стволы перобейр. Раздавался предупреждающий возглас, дерево начинало медленно клониться набок и с грохотом обрушивалось, нарушая вековую тишину леса. Не одну сотню кряжистых жакаранд постигла та же участь... Вдалеке виднелся развесистый паудальо, словно воплощение плодородия земли. Это огромное дерево с чудовищными ветвями, переплетенными лианами, обросшее мхом, опутанное «птичьей травкой», пушистое от «стариковских бород», казалось, оцетинилось бесчисленным множеством растений-паразитов. На его раскинувшейся высоко в небе верхушке отдыхали майтаки и тирибы, они прилетали такими густыми стаями, что в лесу становилось темно. С наступлением сумерек сабиа-колейра, эта крохотная птичка, заводила грустную песню сертана. А ночью на землю спускались полчища хвостатых гамб, которые живут на стеблях кара-гуаты. На сто брас⁸ вокруг пахло, будто на кухне, мятым чесноком.

Пока топоры рубили деревья, серпы уходили вперед, скашивая высокую траву и подрезая кустарники.

Освоение этой земли стоило огромных усилий. Дона Петронилья, жена Педруки, оставалась на ранчо с невольницами и готовила еду для работников. В подвешенном на двух шестах пузатом котле варилась фасоль. Под ним, дымя, пылали покрытые мхом зеленые стволы и ветви. Негры трудились не покладая рук. Они выходили на работу чуть свет и возвращались, когда солнце уже садилось. Результаты не замедлили сказаться: лес постепенно редел.

Работники – тщедушные, полуобнаженные – перекидывались шутками, понятными только им одним. Теренсио, мрачный негр невысокого роста, рассказывал товарищам:

– Бастиан сунул лапу в кумбуку!⁹

И Бастиан испуганно и в то же время весело откликался:

– Я? Ах ты, гад!.. В кумбуке-то была ящерица...

⁸ Браса – бразильская мера длины, равна 2,2 м.

⁹ Кумбука – сосуд из тыквы с круглым отверстием в верхней части. Служит главным образом для хранения воды.

Растянувшиеся цепочкой по лесу негры корчились от смеха.

Те, что шли впереди, подрезали серпами высокую траву и причудливо переплетенные лианы. На землю падала накопившаяся за ночь роса; при каждом взмахе серпа выливалась целая куйя¹⁰ воды, от которой намокали лохмотья невольников. Ради хозяина негры не щадили сил. Освоение Пайнейраса стало не только делом плантатора, но и их личным, кровным делом. Они без устали трудились, терпели голод и, если бы это понадобилось, пожертвовали жизнью, лишь бы их белый хозяин стал богатым фазендейро.

В августе вырубленный участок расчистили огнем. Сначала в ворохе сухих веток вспыхнули крошечные языки пламени, затем огонь, потрескивая, побежал по зеленоватым ветвям, перебросился на кучи опавшей листвы, добрался до поваленных стволов, обволок их красноватой дымной завесой, которая, поднимаясь к небу, становилась голубой. Пламя охватило тонкие деревья, расплюснутые тяжестью рухнувших гигантских стволов, перекинулось по пересохшему мху дальше, лизнуло «стариковские бороды», осушило влагу ночной росы, скопившуюся в зелени карагуаты, сорвало золотую листву с засохших урукуран; ничего не разбирая на своем пути, подобно дикому быку, оно набросилось на ползучие растения и корни деревьев, выступавшие на поверхность земли, с оглушительным шумом и воинственным треском кинулось на заросли бамбука, продолжая расти и стремясь к небу в вихре дыма и искр. Стволы изгибались, трескали ветви, под корой шипел древесный сок. Тучи насекомых, обезумев от дыма, танцевали в воздухе; змеи, шурша листвой под ногами испуганных негров, позорно убегали. Позади оставалось пепелище, опаленная земля, гонимые ветром пляшущие клубы дыма.

Посреди расчищенного участка остался стоять одинокий паудальо. С приближением огня дерево словно затрепетало, и птицы тревожно кричали в его ветвях, но пламя пощадило его. В стеблях карагуаты гамбы тревожно нюхали дымный воздух пожарища. Время от времени дым окутывал дерево, но оно стояло недвижимо, и только все тревожнее кричали птицы...

Клубы дыма проникали в листву и, поднимаясь к небу, почти смешивались с облаками. Ночной ветер понес их в сторону сертана, они поплыли над рекой, холмами и поля-

¹⁰ *Куйя* – чаша из скорлупы куйи – плода дерева куйейра.

ми, подобно трепещущим траурным лентам, которые невидимые руки разворачивали при свете звезд.

Когда все кончилось, земля приняла печальный вид, словно оделась в траур. Обугленные пни походили на негров, сидящих на корточках.

Весть об освоении Пайнейраса быстро распространилась по округе, пробудила любопытство и обозлила тех, кто любит совать нос в чужие дела. Вскоре у Алвима возникли осложнения. Некий скотовод из Кампинаса предъявил права на эту землю, утверждая, что выиграл ее в карты на празднике Святого духа, и представил в подтверждение своих слов свидетелей. Но Алвим – испытанная в крючкотворстве судейская крыса – нашел подставное лицо, объявившее себя владельцем участка. Этот человек заявил, что выиграл его в лотерее, и в подтверждение своих слов указал фамилию устроителя лотереи. Тот в свою очередь представил документы, правда, спорные, но, во всяком случае, на гербовой бумаге... А это уже кое-что значило.

Пока судебное дело шло своим чередом, на дикой земле сертана понемногу вырастала фазенда. Процесс выиграл наемник Алвима, с которым будущий плантатор тут же оформил фиктивную купчую. Теперь никто уже не осмелится оспаривать у него право на владение; закон будет на его стороне.

Раз в месяц Алвим ездил в город за солью, табаком и керосином. Остановившись возле лавки, он привязывал лошадь у стены, усаживался на бочонке и часами болтал о всякой всячине. Когда разговор иссякал, он начинал шарить по карманам и жаловаться, что нечего курить:

– Даже табаку нет. В таком я сейчас затруднительном положении...

Собеседник понимал намек.

– А что вы курите?

– Да что угодно! – откликнулся Алвим.

Выклянчив табак, он долго скручивал сигарету: неторопливо крошил табак, растирал его в ладонях и откладывал в сторону; затем возился с кукурузным листом – отрезал кусочек, тщательно скоблил его и разглаживал. Не проходило и получаса, как сигарета была готова. Тогда Алвим начинал высекать из кремня огонь. В воздухе пахло тлеющим трютом... После первой затяжки он обычно распространялся о качестве табака.

– Да, крепкий табачок... Это из Присикабы или из Тие-тэра?

– Что вы! Это наш, здешний... плохой табак.

– По мне пусть будет хоть вошебойный табак. Я не гордый...

Жена, сын и невольники фазендейро питались сваренной в соленой воде мякотью молодой пальмы. Изредка на столе появлялось мясо котии, убитой на поле после уборки урожая. По воскресеньям, когда негры ходили рыбачить, к обеду варили еще котелок мелкой рыбы...

Шло время. Уже шумели плантации кофе и сахарного тростника, разросся огород. По изгородям вились ползучие растения. Тайобы раскрывали над рекой свои крупные шарообразные листья. К столу вместе с гарапой¹¹ подавали кофе со своей плантации. Позднее к нему стали подмешивать свою патоку. И наконец настал день, когда невольницы сварили в тазу сахар, первый сахар с плантации Алвима, черный и вязкий, как ил. Его очищали коровьим навозом, и он становился светлее.

Потом началась постройка дома. Рабы на своих плечах таскали с реки камни; глину носили в корзинах с невысокой горы, которую негры прозвали «Мунда»,¹² и это название осталось за ней навсегда. Построили большой глинобитный дом с черепичной крышей, с толстыми, как в монастырях, стенами. В столовой и спальне настлали деревянные полы и оклеили обоями стены. В остальных комнатах полы были земляные. Днем лучи солнца проникали через щели в крыше, рисуя на темном и сыром полу золотые узоры. А ночью, если подольше смотреть вверх, в просвете между черепицами можно было увидеть сияние звезд.

вслед за домом построили зензалу. Она стояла у речки неподалеку от жернова для размола кукурузы. Это был квадратный барак, разделенный на каморки, где ютились невольники и их семьи. Негров загнали в зензалу и перестали о них думать. Если уж все они черные, пусть и живут вместе... Наняли надсмотрщика. Поговаривали, что он прибыл издалека, его преследовала полиция за то, что он разрядил револьвер в непослушного негра. Но разве это дурно? Скорее похвально...

Молодой Антонио Алвим, сын Педруки, стал в ту пору ухаживать за стройной девушкой со светло-каштановыми, почти белокурыми волосами, дочерью состоятельного тор-

¹¹ *Гарапа* – напиток из меда с водой.

¹² *Мунда* (порт, «gaunda») – чистая, гладкая.

говца. Ее звали Ана, вернее Донана.¹³ А иногда даже дона Донана, в знак особого к ней почтения.

Когда объявили о помолвке, на фазенде появились каменщики и плотники; они соорудили пристройку, которая, по мнению невольниц-негрятенок, была гораздо лучше, чем дом самого фазендейро... Но ведь это для синьозиньо¹⁴... И для синьозиньи... Они вполне это заслуживают...

Жизнь на фазенде уже начала входить в нормальную колею, когда в местный суд поступила бумага от другого судьи; некий знатный сеньор, много лет проживший в Европе, по возвращении узнал о незаконном захвате его земель и, вооружившись документами, обратился к помощи правосудия. Алвим иска не признал и представил купчую, зарегистрированную в законном порядке. И снова началась тяжба, выносились и отменялись судебные решения... Кажалось, правосудие встало на сторону дьявола, покровительствовавшего Алвиму... Предугадывая окончательное решение, знатный сеньор, а может быть, кто-то по его поручению, организовал налет на фазенду Алвима...

Как-то утром свекровь и невестка были на кухне, чистили песком кастрюли; негры по обыкновению работали на плантации; хозяин пошел в загон взглянуть на свиней. Вдруг во двор с криками ворвалась банда капанг и принялась ломиться в двери и стучать в окна с явным намерением расправиться с обитателями фазенды.

– Эй! Выходите из дома все, кроме хозяев!

Женщины кричали, рвали на себе волосы. Педрука, который все понял, тут же схватил рог, висевший на столбе у загона, и принялся трубить изо всех сил, извлекая из него протяжные звуки, разносившиеся далеко по плантациям. Вскоре у жернова появился старый негр, прибежавший из любопытства. Фазендейро крикнул ему:

– Муже, зови всех! Скорее!

Муже в общем правильно понял распоряжение хозяина. Если он и не разобрал толком слов, то, посмотрев на людей, которые с воинственным видом расхаживали по двору, сообразил, что дело неладно. Он нырнул в кусты и исчез.

Немного погодя на границе плантации появились негры, крича и потрясая блестящими на солнце серпами. Они пришли вовремя: глава шайки капанг привязал Пед-

¹³ *Донана* – сокращенное от «дона Ана».

¹⁴ *Синьозиньо* – молодой хозяин, господин.

руку к столбу у ворот и с револьвером в руке требовал, чтобы тот подписал какую-то бумагу...

Между невольниками и капангами началась схватка. В воздухе скрещивались серпы, со страшным звоном сталь ударялась о сталь... Люди рубили друг друга, как рубят банановые деревья. Вздыхали изувеченные руки. От криков, стонов и проклятий волосы вставали дыбом. Кровь заливала землю. Борьба длилась до тех пор, пока налетчики не поняли, что им с неграми не справиться. Перескакивая через изгородь, они пустились наутек. Главарь капанг обернулся и разрядил револьвер – раздалось два выстрела.

Один из невольников упал замертво. Это был Бастиан, негр, больше всего на свете любивший шутку. Товарищи завернули тело в мешковину, покрыли циновкой и отнесли на противоположный склон Мунды, за четверть лиги от дома. Больше недели над вершиной парили урубу, описывая широкие круги. А товарищи убитого, сидя вокруг огня, вспоминали различные случаи из жизни Бастиана, иногда повторяли его слова: «В кумбуке-то была ящерица...»

И смеялись, смеялись.

* * *

Несколько дней Алвим не мог оправиться от испуга. Но, придя в себя, он сразу же оседлал коня и поехал в город жаловаться начальнику полиции. В своем заявлении он указывал, что нападение на его фазенду, по-видимому, дело рук шайки капанг мстящего ему знатного сеньора. Началось следствие, выступали с показаниями свидетели. Алвим вынужден был то и дело ездить в город...

Однажды вечером, возвращаясь домой, он проезжал лесом, в котором уже было вырублено немало деревьев, и размышлял о следствии, о вопросах, которые ему будут задавать и о своих ответах...

Неожиданно раздался выстрел. Кто-то, спрятавшись за пнем, выстрелил ему в спину. Педрука выпрямился было в седле, хотел посмотреть назад, но тут же уткнулся в шею лошади. Падая, он скользнул влево и скатился на землю. Он был мертв.

Животное, как бы понимая, что случилось, помчалось галопом на фазенду. Доскакав до ворот, лошадь стала тереться об изгородь и бить копытами. Сын фазендейро в это время был в сарае, смазывал дегтем ось повозки. Заслышав шум, он вышел посмотреть, в чем дело, и, как только уви-

дел лошадь без всадника, с волочащейся по земле уздечкой, понял, что произошло; из его груди вырвался крик:

– Бандиты! Убили отца!..

Управление фазендой принял на себя сын Педруки. На месте убийства был поставлен деревянный крест, перевитый лианами. На следующий год крест заменили другим, получше. Три года спустя, выполняя данный обет, сын поставил новый крест, на этот раз железный. Каждый путник, проходивший мимо, клал к подножью креста камень. И крест этот творил чудеса. Через некоторое время здесь построили часовню. День убийства Алвима – третье мая – стал церковным праздником Святого Креста Чащи. Возле часовни строились хижины и лавки. Часовня со временем превратилась в церковь. А вокруг нее постепенно возник поселок, который разрастался с каждым годом.

Так мошенничество положило начало имению, а крест – городу...

Жизнь в Пайнейрасе после убийства хозяина потекла по прежнему руслу. В будни негры работали в поле. По воскресеньям они в уплату за ангу¹⁵ трудились в усадьбе. С семи до одиннадцати они ходили на реку за камнями. Носили их либо на голове, подкладывая под камень тряпичный кружок, либо на плече, придерживая камень руками. То были округлые, гладкие, отполированные потоком камни. Некоторые из них, покрытые водорослями, казались похожими на человеческие головы с зелеными волосами. Они выскальзывали из рук и падали носильщикам на ноги. Двигаясь цепочкой, негры ухали в такт шагам...

Шли годы, на границах земель Пайнейраса выросла стена из гладкого камня. Кое-где она вышла за первоначальные пределы фазенды. Ну и что из этого? Ведь речь шла о завоевании земли, о создании латифундии! Пусть вопит кто угодно!

Когда надсмотрщик оставался позади, негры обычно заводили разговор: одни радовались тому, что столько сделали для синьозиньо, другие, наслушавшись всяких крамольных речей от бродяг, потихоньку переговаривались между собой и высказывали опасные мысли.

Из всех невольников самым любопытным был Муже – старый негр, привезенный в эти края из Африки контрабандистами, – он до сих пор так и не научился языку белых. Муже носил на шее под короткой рубашкой из полосатого

¹⁵ Ангу – кашка из кукурузной, маниоковой или рисовой муки.

ситца ожерелье из раковин. Покойный Бастиан любил подшучивать над этим амулетом...

Муже был из беглых и отличался строптивым характером. Ложась спать, он клал на ночь под подушку нож, чтобы отгонять злых духов. Во сне он бредил, скалил зубы и говорил на языке своей родной Гвинеи. Негры рассказывали, что он знает какие-то чудодейственные заклинания, и побаивались его.

Разговаривал он только с Жустино – своим единственным другом. Этот Жустино был странным негром. Раньше он жил в Парагвае и там набрался опасных идей. Должно быть, именно поэтому он был нем, как рыба, но белые догадывались, что он притворяется. И вот случилось нечто неожиданное. Хотя Жустино почти ни с кем не говорил, он сделался вожаком всех негров. Это не могло долго оставаться тайной. Однажды вечером надсмотрщик застал его в кругу невольников у огня, и Жустино... не молчал.

Надсмотрщик прислушался, говорил Муже.

– Негр работает и спит, спит и работает... Больше у него ведь ничего нет...

– Нет есть... У него есть цепи... – отвечал Жустино.

Африканец не понял и посмотрел на Теренсио, который, – с трудом подыскав слово, смачно сплюнул и пробормотал:

– Э... либамбо...

У Муже затуманились глаза, он закрипел зубами и продолжал размышлять вслух:

– А когда негр заболевает, что тогда?

И Жустино отвечал:

– Когда негр заболевает, он умирает с мотыгой в руках.

– А когда у негра рождается ребенок?

У Жустино был ответ на все вопросы:

– Белый хозяин оставляет у себя жену негра, а ребенка продает работоторговцу. Так бывает всегда. Так случилось и с...

Жустино не смог закончить, потому что все заговорили разом. Когда поднялся шум, Жустино оглянулся и увидел у перегородки надсмотрщика. Тот стоял неподвижно с револьвером в руке, не сводя глаз с Жустино...

Поняв, что он разоблачен, невольник поднялся и, как ни в чем не бывало, направился к проволоочной ограде, окаймлявшей зензалу. Подобно ягуару, он стремительно перепрыгнул через нее и помчался в поле, где под покровом ночи мог найти себе спасение. Надсмотрщик, с ненавистью следивший за Жустино, наконец спохватился. Но бы-

ло уже поздно: раб сбежал. Впоследствии стало известно, что этот негр, сам продавший себя за пару пригоршней табаку и цветной платок – так нередко случалось в те времена, – был одним из помощников бесстрашного Луиса Гамы;¹⁶ он бродил по глухим местам, чтобы просвещать невольников и поднимать зензалы на восстание.

Жустино исчез. Фазенда Пайнейрас снова вернулась к будничной жизни. По воскресеньям и в дни церковных праздников негры продолжали таскать на себе камни, оплачивая своим трудом ангу, которой их кормили. «Кто отдыхает, тот камни таскает!» Так родилась эта поговорка, грустная, как сама неволя. А каменная стена что ни год вырастала на целых пятьсот брас. Она уже выбралась за пределы фазенды, протянулась по чужим владениям, присоединяя к имению Алвимов землю до самого горизонта.

Теренсио – один из старых рабов, купленных основателем фазенды, знал наизусть всю ее историю. Возвращаясь к реке за камнями, он медленно брел вдоль стены и объяснял остальным неграм:

– Здесь убили Бастиана... Тут умер старый хозяин... Вот на этом месте я потерял мою Розу, упокой, господи, ее душу... Здесь, на фазенде, родился синьозиньо Лаэрте, и в один день с ним появился на свет негритенок Салустио, сын покойной Жертруде.

Его книга – летопись воспоминаний – была из камня, как и скрижали Моисея.

Время от времени негры видели, как над вершиной Мунды, где невольники находили вечное успокоение, кружат уруббу. Негры переглядывались и склоняли головы: еще один их товарищ, завернутый в мешковину, обрел после смерти свободу.

Шли годы, тяжелые, как камни с реки, бесконечные, как уходящие ввысь колокольни церквей.

II

1886 год

Наступал вечер; холмы синели, тени деревьев удлинялись. Из низин поднимался холодный, сырой туман, который сгущался над извилинами реки. У ворот под засохшим деревом, не обращая внимания на резкие трели карапинье, расхаживал бык.

¹⁶ Луис Гама (1830–1882) – негр, один из руководителей аболиционистского движения, адвокат и писатель.

Но вот со стороны пастбища слышались крики и тяжелый топот стада. Парнишка-негр с фазенды гнал скот к манговому дереву. Немного погодя он появился возле гойябейр, подхлестывая глупых животных, которые никогда не помнили дорогу домой.

– Оа! Оа, дьявол!

Он подбежал к воротам и стал понукать быка, остановившегося под деревом. От опаленной солнцем земли шел терпкий запах выгоревшей травы и навоза. Мычание нарушило тягостную тишину, царившую на фазенде Пайнейрас.

Дом Алвимов был убогий, приземистый и темный, с длинной верандой, полусгнившую балюстраду которой густо облепили вьющиеся растения. Перед домом находилась утрамбованная площадка с коновязью, а вокруг нее были разбросаны большие камни. У реки близ жернова виднелись хижины из жердей, обмазанных глиной, – это и была зензала. Она образовывала прямоугольник с небольшим, вымощенным камнем двором. В центре двора был врыт столб, который казался отполированным, – к нему привязывали провинившихся невольников.

За кофейными плантациями дремала темная, бесформенная громада леса; там ночь наступала раньше, чем в поле. В этот предвечерний час печально кричали птицы инамбу. Время от времени раздражались звенящим криком, похожим на удары по наковальне, и арапонги. Под неумолчный шум мельничного жернова квакали лягушки, как бы аккомпанируя печальной музыке сумерек.

У сарая появился Антонио де Кастро Алвим и крикнул пареньку:

– Салустию! Эй, Салустию!

Хозяин был невысок и коренаст. Густая черная борода покрывала его угловатое лицо; во рту торчала большая полупотухшая сигарета, свернутая из кукурузного листа. На Алвима были парусиновые штаны и кожаные сапоги, залепленные грязью.

Паренек подбежал к хозяину.

– К вашим услугам, сеньор.

– Скот собрал?

Салустию что-то пробормотал в ответ.

– А что за бык мычит в роще?

– Это Мальядо, сеньор. Я хотел его найти, но стало темнеть, и я решил сначала пригнать стадо. А теперь отправлюсь верхом Мальядо разыскивать.

– Хорошо, только сначала прозвони сбор.

Салустиио подбежал к сараю и принялся звонить в колокол, подвешенный на деревянной перекладине. И сразу же в вечернее небо поднялись тучи диких птиц, их крик разнесся в сумерках далеко по округе. В серой дали, словно глухое эхо колокола, слышались голоса. Это негры на полях приветствовали окончание работы. Кончился еще один день в длинной веренице мучительных дней, составлявших их жизнь.

Затем Салустиио вошел в сарай, взял уздечку и, волоча ее по пыльному двору, отправился на пастбище, где, пощипывая траву, бродила пегая лошадь. Салустиио взнуздal ее. Лошадь пыталась брыкаться, но он ловко вскочил на круп и пинками погнал ее к роще. И долго еще слышался его удалявшийся голос:

– Оа, оа, дьявол!..

Когда вечерние тени опустились на красную глину дорог, фазендейро, которому нечего было делать, выглянув из-под навеса, увидел на равнине силуэт всадника, преследовавшего быка. На горизонте вырисовывались очертания Мунды; должно быть, по ту сторону горы взошла луна. На дороге, ведущей к зензале, появились группы мужчин и женщин. Некоторые негритянки несли на спинах детей, привязанных куском синей байки; другие тащили вязанки хвороста и пучки трав. На плечах мужчин были серпы и мотыги.

Негритянки шли в коротких, подоткнутых сбоку юбках; казалось, они просто обернули вокруг бедер кусок ткани. Обычно, кроме юбки, они надевали еще рубашку, оставляя открытыми потную шею и руки. Некоторые из них носили широкополые соломенные шляпы, многие курили глиняные трубки с мундштуком из дерева такуари. Негры были в штанах по щиколотку из полосатой хлопчатобумажной ткани, в коротких и широких одноцветных рубашках и соломенных шляпах. Но большинство шествовало в одних штанах, ничем не прикрывая лоснившиеся грудь и спину.

Наконец шум голосов затих и в темном прямоугольнике зензалы одно за другим появились пятна света – это зажглись керосиновые лампы. Потянуло дымом от разложенных костров. Прежде чем сесть за ужин, состоявший из ангу с кусками тыквы, женщины отправились к реке мыть миски.

Человек, перетянутый широким поясом, протиснулся между жердями ворот и, приблизившись к навесу, снял старую помятую шляпу.

– Добрый вечер, сеньор!

– Добрый вечер, Симон!

Это был надсмотрщик. Его неподвижное, словно вырезанное из дерева, лицо заросло бородой, отчего глаза и рот казались темными щелками. Длинные, спутанные волосы падали на рассеченный шрамом лоб. У пояса, то и дело ударяясь о ногу, болтался большой дуствольный пистолет.

– Что слышно, Симон?

– Все в порядке.

– А новички?

– Еще не совсем освоились, но ничего, скоро я им вправлю мозги. Они у меня запляшут...

Он потряс в воздухе бакальяу – пятихвостой плеткой. Оба засмеялись. Из дома вышла толстая негрityанка с серьгами в виде колец и в белой косынке; она принесла и поставила на веранде зажженную лампу.

– Поддай нам кофе, Женовева.

– Слушаюсь, сеньор.

Несколько летучих мышей, обезумевших от яркого света, влетели под навес и заметались. Хозяин и надсмотрщик кинулись ловить их. Увидев Салустио, который появился в воротах с сообщением, что Мальядо уже в стойле, Антонио велел ему прогнать летучих мышей. Парень, казалось, только этого и ждал; он бросился в сарай и, вооружившись длинным бамбуковым шестом, встал посреди двора и принялся с такой силой размахивать им, что, казалось, поднимается ветер.

– Из-за такой вот пакости по утрам животные искусаны в кровь...

– Эти летучие мыши хуже чумы...

Шест описывал в воздухе широкие круги. Летучие мыши в панике метались, едва не задев его. Наконец Салустио удалось ударить шестом одну из них, она упала на землю, трепеща и хлопая своими перепончатыми, как остов зонта крыльями.

Взошла луна и посеребрила видневшиеся вдали воды реки. Из зензалы доносилось треньканье гитар и грустные, похожие на псалмы напевы. В ночной тиши слышался размеренный, медлительный стук жернова, незаметный днем.

– Смотри, Симон, негры слишком долго развлекаются, боюсь, завтра не отработают ангу.

Надсмотрщик вытащил из кармана никелированные часы-«луковицу».

– Семь часов. Придется сходить туда, а то они пропоют всю ночь.

Женовева появилась в дверях и доложила, что кофе подан.

Фазендейро пригласил надсмотрщика, тот из вежливости отказался, но в конце концов согласился. Они вошли на веранду, освещенную лампой. В центре стоял большой, почерневший стол и высокие табуретки. У стены высился буфет со сломанными дверцами, за которыми виднелся португальский голубой фарфор. Один конец стола был накрыт белой скатертью; на ней стоял эмалированный кофейник, фарфоровые чашки и два блюда с горячими ароматными коржиками.

Прежде чем сесть, Симон, желая положить шляпу куда-нибудь в угол, направился к боковой двери, выходящей на кухню, и невольно остановился посмотреть, что там делается. В большой плите пылали два толстых чурбана, покрытых мхом. Дона Ана, жена фазендейро, – еще красивая женщина с карими глазами, темными ресницами и густыми светлыми волосами, уложенными в пучок на затылке, – озабоченно расхаживала по кухне. Она была в черном платье с буфами и очень широкой юбкой. Домашние туфли из сыромятной кожи едва выглядывали из-под накрахмаленных юбок. Дона Ана наблюдала за работой негритянок, которые шили и гладили на столе в глубине кухни, где высилась гора белья, и не обращала внимания на надсмотрщика.

Лаэрте, ее сын, сидел на ящике с кофе и, казалось, был чем-то недоволен.

– Послушай, мой мальчик, – обратилась к нему дона Ана, – ты как малое дитя: только потому, что отец отослал Салустио в зензалу к товарищам, ты уже готов разреветься.

– Это не так, мама. Салустио вырос со мной, он мой друг детства, у нас была одна кормилица, я его научил читать... И несмотря на это...

– Что же случилось?

– Как – что? Теперь его удел – зензала, невольничья работа, ангу для рабов и кнут. Зачем же тогда его с детства воспитывали по-другому?

– Так что же, ему всю жизнь околачиваться здесь, на кухне? Это может прийти в голову только такому ветрогону, как ты. Но успокойся. Завтра ты уедешь в Сан-Пауло, переменишь обстановку и через месяц, самое позднее, даже не вспомнишь о нем. Вот увидишь...

Фазендейро заметил, с каким любопытством надсмотрщик заглядывал в кухню, и тоже подошел к двери, чтобы узнать, в чем дело. Найдя забавной чрезмерную чув-

ствительность сына, он громко рассмеялся. Симон, чтобы поддержать хозяина, тоже улыбнулся. Но дона Ана, несколько раздосадованная этим и уже готовая сжалиться над сыном, ограничилась тем, что сухо спросила мужа:

– А что, разве не так?

– Разумеется, ты права.

– И заметьте, Салустио годится не только для домашних услуг, но и для любой другой работы: он хорош и за мотыгой, – добавил надсмотрщик.

Лаэрте, не сказав ни слова, скривил губы, как бы готовясь заплакать.

Мать поняла эту гримасу и, чтобы удалить мужчин, которые раздражали сына, сказала:

– Кофе остынет...

Огонь в плите постепенно затухал. Лампа давала длинное коптящее пламя. Дона Ана, Лаэрте и служанки остались на кухне, слушая рассказы матушки Марии – негритянки, такой старой, что, казалось, ее прокоптили над огнем. Старуха, как обычно, села на ящик, набила глиняную трубку табаком и начала рассказывать на своем невольничьем жаргоне всякие истории. Говорила она не торопясь...

– До прихода белых, – вспоминала старуха, – был здесь просто сертан. На Мунде жили беглые негры. Каждый божий день на рассвете заблудившийся охотник слышал доносившиеся сверху звуки рога. Потом дядюшка Жоан, беглый негр с дурной славой, кричал своим товарищам: «Десять человек на охоту!» Еще звук рога. И опять раздавался грубый голос Жоана: «Десять негров на заделку промоин!» Наконец, звук рога слышался в последний раз, и дядюшка Жоан отдавал распоряжение оставшимся: «Эй вы, ленивые негры, в наказание – все помогать негритянкам!» Белые, заслышав звуки рога и громовой голос старого негра, перетрусив, пускались наутек. Э-хе-хе!.. Вот как оно было... Весть о поселении беглых негров на Мунде дошла до Сан-Жоан-до-Капивари. Белые рассвирепели. «Надо изловить этого Жоана, этого опасного негра!» Собралось много народу: фазендейро, охотники, полицейские, лесные капитаны.¹⁷ И все это хорошо вооруженное войско прибыло в Пайнейрас. Добравшись сюда, они окружили гору. Спустили собак. Подняли стрельбу. И полезли по склонам Мунды... Лезут... Револьвер в руке, палец на курке, глаза смотрят в чащу... Э-хе-хе! Никого, однако, они не нашли. А ко-

¹⁷ *Лесные капитаны* – так в Бразилии называли охотников за беглыми рабами.

гда добрались до верха, увидели дядюшку Жоана. Он сидел на камне под деревом и грел руки над тлеющими углями костра. Возле него лежал рог, которым он каждое утро оглушал Пайнейрас. Белые были поражены. Их начальник спросил:

– Жоан, а где же беглые?

– Э-хе-хе!.. Нет их у меня... ни одного. Здесь живет только дядюшка Жоан.

– Тогда зачем же ты каждое утро трубил в рог и отдавал команду неграм?

– Чтобы обмануть белого господина. Э-хе-хе!..

И негритянка засмеялась своим беззубым ртом. Она восхищалась хитростью старого Жоана, который сумел испугать белых господ...

Антонио и надсмотрщик сели за стол. Глядя на дымящийся кофейник и хрустящие коржики, фазендейро заговорил:

– Вот видишь? Вся нынешняя молодежь любит негров. За спиной любого черного им видятся крылья ангела. А при дворе и в Сан-Пауло и подавно: даже паркетные шаркуны и те шумят о свободе для черномазых. Говорю тебе: осторожнее с бродягами, торговцами и свободными неграми, которые появляются на фазенде! Все они жулик на жулике. Все, что им надо, – это посеять смуту среди рабов.

Симон обнажил свои пожелтевшие зубы.

– У меня есть для них испытанное средство... – и он положил на стол револьвер.

Фазендейро продолжал:

– Вот «Провинсия де Сан-Пауло». Я прочитал эту газету от первой до последней строки. Ты не можешь себе представить, что происходит в нашей провинции. Негры бегут с фазенд. Монархия оказалась в затруднительном положении, ей приходится лавировать. Если не отменить рабства, может вспыхнуть всеобщее восстание, с которым власти не в силах будут справиться, – армия уже сейчас отказывается арестовывать беглых негров.

Симон смотрел на хозяина, с трудом следя за ходом его мыслей. Но фазендейро, который чувствовал потребность высказаться, продолжал:

– Вся наша надежда на республику!

В этот момент большие, как шкаф, старинные часы, стоявшие в углу гостиной, пробили в темноте восемь гулких ударов. Этот звон доносился как будто из бездны вечности. Симон поднялся.

– Пойду укладывать негров. До завтра!

Симон взял со скамьи шляпу и вышел. От его шагов в буфете зазвенела стеклянная посуда. Хозяин проводил надсмотрщика до порога. Закоптила лампа, фазендейро взял с блюда на углу стола щипцы, срезал тлеющий фитиль и выбросил его во двор. Потом уселся в качалку и погрузился в размышления.

Ночь была прохладная. Жимолость возле веранды источала нежнейший аромат. Вокруг лампы танцевали лесные бабочки. От едва видимой в темноте зензалы доносился размеренный шум голосов. Дошел ли туда надсмотрщик? Ага! Вот теперь дошел... Все смолкло, словно по волшебству. Стали гаснуть огни. Ночь поглотила зензалу. Антонио продолжал потихоньку раскачиваться в кресле, раздумывая о предстоящем сборе урожая и своих барышах, когда появился Лаэрте и прервал его размышления.

– Благослови, отец. Я пришел проститься. Ведь я отправляюсь на рассвете.

– Ты велел приготовить лошадь?

– Да. Салустио позаботится об этом.

– Ну, так благослови тебя господь, сын мой! Передай дяде и тете наш поклон. Учись как следует, не ленись, избегай дурных знакомств, берегись карет и повозок – они там носятся по улицам как бешеные. Пиши нам каждую неделю и обязательно приезжай на каникулы. Возможно, в будущем месяце я съезжу в Сантос. Тогда заеду в Сан-Пауло и погощу пару дней у твоего дяди. Я убежден, что Алвес Нунес и дона Синьяра не допустят, чтобы ты в чем-либо испытывал недостаток. Кроме того, я уже написал в банкирский дом Райхерта на улице Императрицы, 33 – не забудь адрес, – чтобы тебе открыли кредит, двадцать мильрейсов в месяц на карманные расходы. Поскольку ты будешь на полном довольствии у дяди, этих денег тебе хватит. Больше я не даю тебе не из жадности, а потому, что студент со средствами, как правило, не учится...

Взволнованный этим напутствием, сын поцеловал отца руку и вышел. В наступившей тишине фазендейро прислушивался к удаляющимся шагам сына, к бою часов в гостиной, слышал, как какое-то животное – должно быть, гамба – копошится на чердаке, над верандой. Немного спустя, когда ветер изменил направление, до фазендейро донесся размеренный шум жернова, сопровождаемый журчанием воды. И тут ему пришла в голову мысль посмотреть, что делается в зензале. Он почувствовал, что не сомкнет глаз, если не взглянет на своих невольников.

Фазендейро спустился с веранды, вышел за ворота и направился по тропинке вниз. С убаюкивающей монотонностью в сырой траве стрекотали кузнечики. Он по бревну перешел речку и оказался вблизи колючей проволоки, со всех сторон окружавшей зензалу. Ему хотелось войти незамеченным, поэтому он не открыл ворот, а перелез через изгородь, не обращая внимания на проволоку, которая то и дело цеплялась за одежду. Наконец он оказался позади зензалы – ее фасад был обращен во внутренний двор – и бесшумно прошел вдоль длинной глинобитной стены... Из погружавшейся в сон зензалы доносились отдельные звуки: тут женский голос убаюкивал ребенка, там чуть не до удушья надрывно кашлял старик. Затем все стихло. Сон невольников был тяжел, как свинец.

Антонио через щель в стене всмотрелся внутрь дома. В лагуче была всего одна комнатуха; у каждой стены стоял топчан, покрытый циновкой. Там жили трое: Теренсио, который работал на фазенде уже больше пятнадцати лет, паренек Салустио и Муже, старый африканский негр, который уже несколько раз пытался бежать из неволи. Этот мятежный негр думал только о свободе... Он бежал из зензалы, бежал с дороги, бежал с поля... Достаточно было надсмотрщику отвернуться, как этот негр тут же норовил удрать.

Его заклеямили железом, как клеймят быков, выжгли ему на груди и на спине тавро в виде буквы F: он был *fujão* – беглый.

Муже не везло. Он бежал, но через несколько дней его ловили и под конвоем со связанными за спиной руками возвращали на фазенду. В последнее время надсмотрщик заковывал его в либамбо – железное ярмо, которое надевают на шею невольника. С задней стороны ярма находится металлический стержень с колокольчиком на конце; колокольчик подвешен очень высоко, невольнику до него не дотянуться. Посередине к стержню прикреплена изогнутая металлическая перекладина с заостренными концами. Эта хитроумная конструкция мешала беглым неграм пробираться через заросли, а колокольчик, звеня при каждом движении, выдавал лесным капитанам их присутствие. Чтобы избежать раздражения затвердевшей язвы на шее, Муже обертывал ярмо тряпками, но это мало помогало.

Когда Муже ложился спать, Симон снимал с него либамбо, но оставлял его на ночь у двери каморки невольника. Утром Муже сам надевал ярмо и шел к надсмотрщику, чтобы тот запер либамбо на ключ.

При свете сальной свечи фазендейро увидел троих обитателей лачуги, тихо разговаривающих между собой.

Теренсио курил глиняную трубку и время от времени почесывал свои курчавые, седоватые волосы. Муже, сидя в углу на корточках, проводил рукой по лицу, как бы отгоняя дурные мысли. Он никак не мог научиться говорить на языке белых, даже с трудом понимал его.

Говорил Салустио, и вот что он рассказывал обоим старым неграм:

– Я научился читать вместе с молодым хозяином. Негритянский парень теперь много знает. Он знает, что есть люди, которые трудятся, трудятся, трудятся, чтобы добиться освобождения рабов. Надо все изменить!.. Негр бежит с фазенды, становится киломболой¹⁸ и отправляется в Сантос, в Жабакуару!

Муже улегся на топчан и свернулся клубком. На своем ломаном языке он стал расспрашивать, как можно осуществить то, о чем говорит Салустио.

За этой беседой и застал их фазендейро... Надо будет сказать надсмотрщику! Как раз в эту минуту негры почувствовали, что там, за стеной, во мраке прекрасной тихой ночи, в которой слышался лишь размеренный шум жернова, сопровождаемый журчанием воды, кто-то притаился. Они оледенели от страха. Погасла свеча, и они замерли в темноте. Кто знает, сколько это длилось? Потом они заснули. И во сне грезили о счастье.

На рассвете Салустио поднялся, пошел на пастбище, взнуздal коня и привел его Лаэрте, который к тому времени уже ждал негра на веранде. Паренек попросил благословения. Лаэрте обнял его. У обоих выступили слезы на глазах.

Но, когда всадник исчез за поворотом дороги, к Салустио подошел Симон и заковал его в кандалы. Потом, подгоняя его пинками, отвел во двор зензалы и привязал к столбу. В этот момент к надсмотрщику подошел Муже со своим либамбо, чтобы тот запер его на ключ. Однако Симон снял с Муже либамбо, передал негру плетку и показал на его друга Салустио.

Африканец пришел в смятение и, не зная, как ему поступить, заметался по двору, беспомощно размахивая своими длинными руками. Надсмотрщик вытащил револьвер и приставил его к груди негра.

¹⁸ *Киломбола* – раб, скрывающийся в киломбо – поселении негров, сбежавших от хозяев.

– Сорок ударов!

Муже взмахнул плеткой...

– Сильнее, свинья, иначе застрелю!.. – и надсмотрщик взвел курок.

Салустио застонал; от каждого удара плетки на его теле появлялось пять багровых рубцов. В дверях зензалы столпились негры, в страхе жавшиеся друг к другу. Испуганные ребятишки прятались в юбках у матерей. Когда наказание закончилось, Салустио лежал ничком на земле и хрипел.

Послышался звон колокола, звавшего невольников на работу.

В их мотыгах и серпах отражалось бесстрастное небо, в котором созревало утро.

III

Студент

Утром прошел сильный ливень, затопивший линию железной дороги «Сан-Пауло Рэйлвэй»; поезд, который должен был прибыть в 11.40, пришел на вокзал Луз с опозданием.

Вокзал этот представлял собой темное здание, от которого вдоль платформ тянулись навесы. На перроне было много народу. Старички в чесучовых пыльниках казались растерянными. Девушки в шляпках, едва прикрывавших макушку, прятались под зонтиками.

Как только Лаэрте вышел из вагона с тяжелым чемоданом из сыромятной кожи в руках, его окружили носильщики и агенты отелей. К счастью для него, Кашуша, агент отеля «Империял», схватился с Тотокой из «Альбиона» из-за того, кому достанутся постояльцы. Полицейский агент Жануарио, который всегда выходил на дежурство к прибытию поездов, принялся их разнимать. Жануарио был невысокого роста, но старался казаться более солидным: надевал широкополую шляпу и всегда ходил с увесистой тростью.

– Каждый день драка между агентами отелей! Всегда «лохматый» с «рыжим»! Я буду жаловаться вашим хозяевам. Расскажу им все до мельчайших подробностей.

Все на вокзале двигалось, шумело, бурлило. Тем временем будущий студент успел спастись, выйдя с перрона на плохо замощенную привокзальную площадь, где еще не просохли большие лужи. По грязной мостовой сновала бедно одетая, говорливая толпа... Продавцы сладостей, фруктов, газет истошно вопили, хватая прохожих за полы. Шагая с чемоданом, оттягивавшим ему руку, Лаэрте наступал

на ореховую скорлупу, скользил на банановых и арбузных корках. У тротуара выстроились шарабаны и пролетки. Извозчики о чем-то громко спорили между собой. Некоторые из них курили крепкие сигары и говорили на ломаном языке – то были недавно прибывшие в эти края иммигранты. Рядом играли в кости и распевали песенки. Очутившись в этот пасмурный день под низким навесом вокзала, человек, только что покинувший тихую фазенду, от такого шума мог сойти с ума.

Стоя между двумя экипажами, Лаэрте оглядывал площадь; неподалеку находилась украшенная обвисшими и полинялыми флагами таверна; ее осаждали посетители: носильщики, негры, бродяги – босые, в рваных рубашках, в шапочках, промятых на манер велосипедных.

Из таверны доносился запах жареных сардинок, слышалось шипение сковородок. Хозяин этого заведения, лохматый мужчина в рубашке с засученными рукавами, подавал тарелки, наполнял стаканы.

Напротив в сквере деревья стояли, отяжелев от воды; среди темной листвы виднелась вышка обсерватории.

После минутного колебания Лаэрте сел в шарабан, поставил чемодан в ноги и дал вознице адрес.

– Вы, сеньор, знакомы с Сан-Пауло?

– Немного. Я тут жил совсем маленьким...

– Хорошо.

Сеньор Алвес Нунес, женатый на тете Синьяре, жил улице Табатингуэра. Извозчик, проехав часть пути, остановил шарабан, выругался и вернулся назад. Он решил воспользоваться тем, что седок не знал дороги, и поехал кружным путем. Поездка длилась довольно долго. Лошадь выбивала искры из темных, неровных камней мостовой. Наконец экипаж остановился.

– Приехали!

Они находились у двери особняка.

– Сколько?

– Десять тостанов.¹⁹

– Но мне сказали, что проезд стоит всего полмильрейса...

– Я сказал, десять тостанов. Ведь чуть не час езды...

Так как Лаэрте колебался, извозчик снял его чемодан, поставил на землю и довольно недружелюбно потребовал:

– Давайте платите, не скупитесь!

¹⁹ *Тостан* – старинная бразильская монета, равна ста рейсам (или одной десятой мильрейса)

Лаэрте расплатился, и извозчик, взмахнув кнутом, повернул обратно.

Подошел негритенок, он явно хотел завязать знакомство с приезжим.

– Это Касапава. Он каиафа... – сообщил мальчик.

Лаэрте сейчас был в превосходном настроении. Сан-Пауло представлялся ему обширным, великолепным городом. И посреди стольких красивых домов особнячок дяди показался ему чуть ли не дворцом.

Четыре широких окна по фасаду с овальными витражами из синих и красных стекол. Дверь с каменной аркой, раскрытая настежь, вела в коридор, который после подъема на несколько ступенек заканчивался другой стеклянной дверью. Посмотрев вверх, Лаэрте увидел большой мезонин с двумя окнами; из одного свешивалась вышитая скатерть, на другом стояла глиняная ваза с гвоздикой. Довольный всем увиденным, Лаэрте подошел к двери и дернул за шнурок. Внутри, в глубине дома, послышался веселый звонок. Прошло несколько мгновений, и к нему вышла негритяночка в фартуке и белой наколке. Лаэрте не успел еще объяснить, кто он такой, как в дверях появилась тетя Синьяра, вся пышущая жаром, пахнущая ароматами кухни, и заключила его в свои объятия.

– Да это же Лаэрте! Как ты вырос!.. Мы тебя ждали с вечерним поездом... Входи скорее, у меня таз на огне, мармелад может пригореть! Розинья, отнеси чемодан молодого барина!..

В этот момент показался сеньор Алвес Нунес, худой, высокий старик с бледным лицом и бородкой клинышком. Он был в халате и домашних туфлях. Услышав громкий разговор у дверей, он пришел узнать, в чем дело. Посыпались вопросы, один за другим; супруги подробно расспрашивали обо всем. Они знали даже имена рабов и клички молочных коров в усадьбе Алвима. Хозяйева уже успели позавтракать, но для гостя всегда что-нибудь найдется... К счастью, это были люди без особых церемоний.

Дело в том, что дона Синьяра с радостью и нетерпением ждала приезда племянника. Они с мужем старели, ни детей, ни родственников у них не было. И дом становился как будто все больше и все пустынее. Куда дона Синьяра ставила какую-нибудь вещь, там она, словно окаменевшая, и оставалась. Время от времени дона Синьяра переставляла мебель, чтобы внести хоть какое-нибудь разнообразие в обстановку дома. Но через год все оказывалось на прежних местах. Цветок, который прикреплялся к раме картины,

увядал, засыхал, понемногу опадал, превращался в труху. Жизнь в этом доме как бы остановилась, все казалось неизменным. Здесь недоставало ребенка, юного существа, которое хоть немного оживило бы этот аристократический склеп, где хозяева однообразно коротали дни, дожидаясь утешения на том свете. Поэтому письмо из Пайнейраса, в котором сообщалось, что Лаэрте нужно подготовиться к экзаменам и он на некоторое время приедет погостить к дяде и тете, было для них праздником. Все это добрая сеньора рассказала со множеством чувствительных излияний, то и дело показывая свои почерневшие зубы.

Лаэрте предоставили комнату в мезонине. Его провели по широкой темной лестнице с полированными перилами, где чувствовался легкий запах свежестыранного белья.

Это была большая, очень чистая, очень приятная на вид комната, любовно приготовленная для юноши. Между двумя окнами, выходившими на улицу, повесили портрет дедушки Крессенсио, отца доны Аны и доны Синьяры. Накладка галстук бантом, окладистая борода, длинные светлые волосы, спадающие красивой прядью на лоб, почти касаясь правого глаза, – таков был дед Лаэрте. Внизу можно было прочесть подпись художника: Уаскар де Вергара.

– Дедушка был барон... – объяснил хозяин дома.

– И с положением в обществе... – торжественно добавила дона Синьяра и тут же обычным тоном обратилась к племяннику: – Вот твой чемодан. Переоденься и спускайся перекусить до обеда.

Старики вышли, старательно закрыв за собой дверь. Как только Лаэрте остался один, он снял пиджак – было очень жарко. Юноша выглянул в окно и увидел всю улицу с ее будто покосившимися домами под темными крышами.

В доме на противоположной стороне негритянка, распевая, гладила белье. На широком карнизе углового дома трепыхался на ветру вырезанный из шелковой бумаги попугай. Внизу, на тротуаре, женщина пристраивала на голове кувшин с водой, подложив под него кружок. Разносчик выкрикивал на всю улицу:

– Дрова поленьями и чурками!

Несколько выше, там, где улица шла в гору, виднелась недавно побеленная стена. Чья-то таинственная рука намазала на ней сажей каракули. Всмотревшись в них, можно было с трудом прочесть:

ДОЛОЙ РАБСТВО – ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Лаэрте еще продолжал улыбаться этому призыву, когда на улице показался какой-то разгневанный человек. Он потрясал тростью, словно угрожая своим таинственным врагам, и изрыгал проклятия. Это, несомненно, был домовладелец, которому принадлежала и стена. Следом за ним пришел работник с банкой извести и кистью и начал терпеливо закрашивать надпись.

Лаэрте отошел от окна, надел чистое белье, еще хранившее запах комода в родном доме, и спустился в столовую. Стол был уже накрыт; для гостя приготовили фасоле-вое туту²⁰ со шкварками, жареный рис и свежие яйца – специально для молодого барина служанка ходила за ними в курятник. Тетя Синьяра направилась в угол столовой, где стояла вода, зачерпнула ее ковшиком из кокосового ореха и налила в высокий хрустальный стакан, где вода казалась подсвеченной. Поставив на стол стакан, она уселась рядом с племянником, намереваясь поговорить с ним.

Дядя, собираясь уходить, пошел переодеваться и вскоре появился в черной накидке, накрахмаленных до блеска манжетах, воротничке и манишке. Было решено, что ко времени экзаменов Лаэрте повторит то, что учил у себя на фазенде. Надо надеяться, что все пойдет хорошо и он станет студентом.

Когда тетка вышла, чтобы распорядиться насчет кофе, сеньор Нунес отеческим тоном заметил:

– Сан-Пауло – почти столица: здесь к людям из общества предъявляются известные требования. В этой одежде ты выглядишь провинциалом. Я думаю, тебе следует сходить к моему портному Бургаду и заказать пару костюмов – один для парадных случаев, другой на каждый день... Скажи ему, что ты мой племянник, увидишь, как он тебя примет. Рядом с Бургадом магазин «Элегантная обувь»; не забудь, что важно хорошо обуваться. Полагаю, неплохо пройтись бритвой по твоему подбородку и срезать эти длинные волоски, похожие на паучьи лапы. Отец тебе уже разрешает бриться?

Лаэрте рассмеялся.

– А денежки на карманные расходы у тебя есть?

Племянник объяснил, что у него кое-что осталось от путешествия, а в конце каждого месяца он будет получать определенную сумму. Дядя, казалось, даже позавидовал юноше, который только вступает в жизнь.

²⁰ Туту – блюдо из фасоли, замешанной маниоковой или кукурузной мукой.

Немного погодя Лаэрте вышел познакомиться с городом. Проходя мимо выбеленной стены, он увидел, что на-малеванная сажей надпись уже замазана. Домовладелец, который никак не мог успокоиться, продолжал угрожать призракам тростью и кричать на всю улицу:

– Я уничтожу этого мошенника! Только бы мне поймать его!

На следующей неделе Лаэрте выглядел уже по-иному. Одетый с некоторой изысканностью, в шляпе с небольшими загнутыми полями, в темном фраке, застегнутом только на одну пуговицу, в парусиновом жилете, с широким галстуком из черного шелка, в длинных светлых брюках со штрипками, в ботинках с пряжками, он старался приобщиться к жизни Сан-Пауло. Каждое утро с книгами под мышкой, покуривая сигарету, он весело выходил из дому, прочитывал новости в газетах, вывешенных на стене, и не спеша направлялся к себе на курсы. Вскоре он стал узнавать компанию бишо,²¹ которых встречал повсюду: в театре Сан-Жозе, в кафе «Америка» (оно было открыто всю ночь, причем входные двери даже сняли за ненадобностью) и на главных улицах города.

С подготовительных курсов он возвращался домой к завтраку. Перекинувшись несколькими словами с дядей и теткой, брал книгу и отправлялся на красивую террасу позади дома. Там усаживался на широкую плетеную кушетку и, прислонив книгу к железной решетке, погружался в занятия. В погожий день он уходил в глубину двора, где росло несколько банановых деревьев, и там, усевшись на доску, которая заменяла скамейку, принимался за французскую грамматику и произведения бразильской классической литературы.

Так приятно и безмятежно протекали дни. Город в самом деле был очарователен. Хотя Лаэрте накануне отъезда с полной искренностью обещал матери писать, он даже не вспоминал ни о фазенде, ни о семье, ни о бедном Салустии... Однажды, когда по какой-то ассоциации он все же вспомнил о своем друге детства, ему показался смешным пыл, с которым он защищал молодого негра, когда того перевели в зензалу, где господствовала жестокая плетка Симона. Все это осталось там, далеко, и потеряло в его жизни всякое значение. С глаз долой – из сердца вон.

²¹ Бишо – гуляка, шалопай.

Лаэрте уже совершенно освоился в Сан-Пауло, где к тому времени насчитывалось пятьдесят тысяч жителей; ему стали близки улицы и площади города.

Как-то в ясный, безоблачный воскресный день он после обеда вышел из дому и направился к площади Кармо. Там между церковью и казармой находился пустырь, где мальчишки играли в петеку.²²

Он дошел до оврага, которым заканчивался пустырь, и стал смотреть вдаль на нежащиеся под мягкими лучами солнца луга, за которыми поблескивали воды реки. Он увидел газгольдер, который в отдалении показался ему меньше, чем был на самом деле, и пыльную дорогу в Браз, на которой мелькали человеческие фигурки. Его ввел в искушение вид острова Любви, где угадывались парочки, прогуливавшиеся в тени деревьев. Он решил отправиться туда.

По каменной лестнице Лаэрте спустился вниз. В гору с трудом поднимался шарабан; лошадь то и дело оступалась на каменистой дороге. И тогда он вспомнил об извозчике Касапаве, который так грубо с ним обошелся. Он еще сведет с ним счеты...

Через несколько шагов Лаэрте остановился, привлеченный необычайным зрелищем. К одному из домов бежали мальчишки. Из окна кто-то обстреливал улицу глиняными шариками. Видимо, у входа происходила схватка. Лаэрте пришлось укрыться в дверях соседней лавчонки. Там старая негрятка в большой соломенной шляпе, вынув изо рта трубку и сплюнув на целую брасу, рассказала юноше, в чем дело. Оказывается, это зрелище повторялось довольно часто...

Виной всему был Матрака; давно живя в этом домике, он постепенно превратил его в крепость. В окнах не было стекол, и они казались похожими на бойницы. Краска на фасаде облупилась, и штукатурка во многих местах была отбита. В оконце над дверью виднелась железная решетка с загнутыми наружу прутьями. Отсюда Матрака в длинном балахоне с капюшоном переругивался с прохожими. Многие знали сумасшедшего и не обращали внимания на оскорбления. Но с мальчишками дело обстояло иначе; Матрака часами изощрялся в брани, а потом начинались настоящие побоища, в которых обе стороны доходили до остервенения.

²² *Петека* – твердый кожаный мячик. Петёкой перекидываются с помощью круглых ракеток (без ручки), с натянутой, как на бубне, кожей.

Каждый день, хорошенько позавтракав, Матрака высывался из окна и начинал задирать прохожих. Напуганные соседи прятались и запирались в домах. Немного погодя на улице показывался какой-нибудь мальчишка.

– Эй ты, вшивый, куда идешь?

– Сам ты вшивый дьявол!

– Смотри, я тебе уши оторву!

– А ну, попробуй оторви!..

Бац! Мальчишка не успевал закончить фразу, как глиняный шарик, выпущенный из рогатки, расплющивал ему нос. Это был сигнал тревоги. Потерпевший засовывал два пальца в рот и начинал свистеть, как одержимый. Тогда от рынка, из соседних улиц сбегались ребята в боевой готовности, трясая карманами, полными камней. Матрака, со своей стороны, видимо, устроил у себя в доме целый арсенал рогаток и пращей, обзавелся запасом глиняных шариков, обожженных на плите очага, и камней всех размеров. Кроме того, на случай, если неприятель попробует атаковать его редут, у Матраки были приготовлены трубки с крупным песком, который он был готов обрушить на головы врагов. Поговаривали и о котлах с кипятком, о тазах с маслом, о мешках с негашеной известью.

Борьба носила ожесточенный характер. Отовсюду слышались звуки труб, командные кличи, крики и стоны. Нападающие то героически шли на штурм, то с плачем отступали, утирая лицо подолом рубашки. Матрака, не обращая внимания на град камней, стоял на коленях за выступом окна и неторопливо, как испытанный в боях солдат, наносил из рогатки точные удары по противнику. Только и слышалось: «бац, бац, бац»... При каждом попадании раздавался крик – это означало, что один из атакующих выведен из строя. Но его тут же сменяли другие, словно выраставшие из-под земли.

Такие схватки всегда заканчивались вмешательством родителей, которые требовали у Матраки удовлетворения. Мужчины и женщины, оживленно жестикулируя, толпились перед дверью его дома.

– Ты чуть не убил моего сына...

– Позови стекольщика!

– Это тебе так не пройдет!

– Мы будем жаловаться епископу!

Вскоре перебранка усиливалась.

– А ну-ка выйди – повтори это здесь, на улице!

– Трус!

– Матрака, Матрака!

И снова начинала действовать рогатка: бац, бац, бац!..

Толпа жалобщиков в облаке пыли, среди взрывов глиняных снарядов, которые разбивались о широкие камни мостовой, совершала стратегическое отступление.

Вот почему прохожие предпочитали обходить эту улицу, а соседи жили в постоянном страхе. В полицию без конца поступали жалобы, но советнику Фуртадо, ходившему всегда в строгом черном сюртуке и длинных парусиновых штанах, подобные проделки, видимо, приходились по вкусу, и он отвечал пострадавшим:

– Мне нравится Матрака. Он мешает дворянчикам и купчикам таскаться каждый день на мост Кармо и пялить глаза на прачек, полощущих в реке белье.

В отместку эта «чистая публика», любящая такие буколические картинки, писала на советника Фуртадо доносы. Доходили даже до обвинений, что советник – ох, ужас! – не носит кальсон... Господи Иисусе Христе! И лавочница-негритянка, рассказывая все это Лаэрте, возмущенно крестила себя трубкой, словно увидела нечистого во плоти.

* * *

Начало смеркаться, стало прохладней. Лаэрте решил вернуться домой. Дона Синьяра была во дворе – кормила маисом кур; дядя ушел в гости. Пустой дом показался юноше огромным и печальным, его охватила какая-то непонятная грусть. Он повесил шляпу на вешалку и поднялся к себе. Как всегда, войдя в комнату, снял пиджак, подошел к столу. На аккуратно разложенных бумагах он нашел письмо. Оно было от матери. Лаэрте сразу узнал ее закругленный, старомодный почерк – почерк человека, который после окончания школы редко брался за перо...

– Бедная мама!..

Он хотел прочитать письмо, но уже стемнело. Подошел к окну, однако и там было совсем темно. При свете луны улица казалась голубой и над ней еще отчетливее выделялись темные крыши домов. Продавец воды, везя на двухколесной тележке бочку, медленно спускался по мостовой. Отовсюду из окон, облокотившись на подоконник, выглядывали девушки.

– Бедная мама!..

Лаэрте зажег газовый рожок. Письмо было написано на той самой бумаге, которую мать обычно хранила за распятием. Этими бледными, порыжевшими чернилами отец, сидя на веранде, каждый вечер делал записи по хозяйству.

Юноше представился далекий нежный образ доны Аны. Она, должно быть, писала это письмо вечером, после кофе, на неубранном столе, в то время как отец, сидя в качалке, просматривал «Провинсию», а Симон отчитывался о работе за день. В эти минуты мать, обмакнув перо и подняв глаза в поисках нужной фразы, должно быть, жаловалась:

– Господи, я уже ничего не соображаю...

И прислушивалась, как в тишине гостиной били часы. Сколько трудов стоило ей это письмо!..

«Сын мой! Мы все, благодарение богу, здоровы. Я тебе как-то написала письмо, да не было okazji в город, так и не отослала...»

Лаэрте почувствовал комок в горле и не мог больше читать. Он положил голову на руки и задумался. В комнату вошла служанка с тазом теплой воды для мытья ног и поставила его около постели.

– Ньоньо²³ нездоровится?

– Нет, Розинья, ничего.

Невольница вышла на цыпочках. Немного погодя Лаэрте услышал тяжелые шаги доны Синьяры, поднимавшейся по лестнице. Она осторожно приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

– Что с тобой, Лаэрте?

– Ничего, тетя.

– Но ты...

Он неожиданно разрыдался.

– Я тоскую по маме... Я тоскую по маме...

IV

Лу

Когда Лаэрте закончил подготовительные курсы при университете, донна Синьяра решила устроить по этому поводу вечеринку. Она называла это «вечеринкой» из скромности. За много дней до торжества в доме на улице Табатингуэра началась генеральная уборка. Металлические ручки у дверей ослепительно засияли, а полы засверкали белизной.

Кума Урсула, зайдя к доне Синьяре, не смогла удержаться от возгласа:

– Вот это блесит, так блесит!

Невольница Розинья с полотенцем, обернутым вокруг головы, и в юбке с оборками, подоткнутой до колен, рабо-

²³ Ньоньо – сокращенное от «синьозиньо».

тала от зари до зари. Но трудилась она с охотой, то и дело показывая в улыбке ослепительно белые зубы: ведь это был праздник молодого барина. В кухне на пылающей плите кипели тазы со сладостями: один день из гуявы, другой – из кокосового ореха с сахаром и яйцами.

Лаэрте выглядел несколько озабоченным. Все заметили сосредоточенное выражение его лица. Что это могло означать? Вскоре, однако, выяснилось, в чем дело. Негритяночка застала его в мезонине танцующим в одиночестве – он хотел научиться этому искусству, чтобы принять участие в польках и кадрилиях...

Наконец наступила суббота. И весьма кстати, ибо сеньор Алвес Нунес уже расхаживал, явно раздраженный всей этой уборкой, которая принудила его изменить своим привычкам. Обед подали на кухне, и при этом наспех, потому что столовая уже была приготовлена к приему гостей.

После обеда Лаэрте поднялся к себе, чтобы переодеться. В этот вечер он впервые надел новый фрак от Педру Бургада – его портновская мастерская пользовалась в Сан-Пауло широкой известностью. Сеньор Алвес Нунес рассказывал, что когда-то портные Бургада часто выносили свои скамеечки на середину улицы и там работали, сопровождая шитье настоящими концертами художественного свиста. Эти представления заканчивались лишь тогда, когда мимо проходил судья Антонио Роберто де Алмейда, брюзга и ворчун, который прогонял портных ударами палки.

В сумерках Лаэрте спустился в гостиную, чтобы покрасоваться перед большим зеркалом и получше повязать галстук. Дом, подготовленный к приему гостей, он нашел блистательным. Гостиную и столовую соединили – была снята разделявшая их стеклянная перегородка. В обеих комнатах были зажжены позолоченные люстры, а свет бра, проникавший сквозь абажуры, придавал окружающей обстановке мягкость и нежность лунной ночи. Все пять окон, выходящих на улицу, как бы выставляли напоказ новые кружевные занавеси, колеблемые ветром.

Гостиная предназначалась для танцев; отсюда вынесли всю мебель, поставили взятый напрокат красивый немецкий рояль. Напротив расставили стулья для оркестра – их привезли только перед самым началом праздника. А просторная квадратная столовая со стенами, окрашенными масляной краской, на которых висели натюрморты, была приготовлена для отдыха гостей в перерывах между танцами. Вдоль стен стояли венские стулья, которые сдавались

напрокат специально для балов и собраний. Другие помещения дома – задняя комната, комната для гостей и библиотека сеньора Алвеса – также были приспособлены для этого памятного вечера.

Лаэрте, выглядевший несколько строго в своих клетчатых, расширяющихся книзу брюках, долго возился, пытаясь завязать фиолетовый шелковый галстук. В это время мимо проходил дядя, уже одетый по-праздничному, но еще в домашних туфлях; он и помог племяннику, ворча и отпуская при этом нелестные замечания по адресу нынешней неопытной молодежи. Он уверенно завязал Лаэрте сложный узел и приладил галстук к золотой запонке, которой был застегнут высокий, открытый воротник с загнутыми наружу уголками.

В эту минуту часы в столовой пробили девять. Лаэрте подошел к окну, отодвинул кружевную занавеску и выглянул наружу. Улица была безлюдна. В домах горел свет, но они казались пустынными, кроме лавки итальянца, откуда слышались голоса. Молодой человек, разочарованный, собирался было отойти от окна, но вдруг в тишине услышал звуки флейты и увидел приближавшихся музыкантов. Неся под мышкой инструменты, они поднимались на холм, к дому сеньора Нунеса. За несколько метров до двери они остановились у фонаря, о чем-то переговорили между собой и неожиданно заиграли вальс.

Тихая улица сразу оживилась; открылись окна, отовсюду стали выглядывать любопытные женщины. Сбежавшиеся ребятишки окружили музыкантов. Последним появился малый лет десяти-одиннадцати, который, очевидно, был вожаком всех ребят Табатингуэры. Это он в день Приезда Лаэрте открыл ему глаза на то, что представляет собой Касапава. Этого мальчишку можно было встретить повсюду; товарищи звали его Калунга.²⁴ «Калунга здесь, Калунга там!» Он носил короткие штаны и отцовский пиджак, доходивший ему до колен; создавалось впечатление, что под пиджаком на нем нет никакой другой одежды. На голове у него была круглая шапчонка, искусно сделанная из газетного листа. Он залихватски курил зловонную сигарету из тех, от которых дохнут птицы на лету. Время от времени Калунга спохватывался, что он продает газеты, и выкрикивал:

– А вот «Газета до Пово», «Газета до Пово»!..

²⁴ Калунга – «мальш».

Лаэрте бегом поднялся к себе наверх, чтобы закончить туалет, а тетя Синьяра, на ходу вытирая руки о передник, пошла встретить музыкантов. Она показала отведенное для них место и для воодушевления угостила их портвейном.

Начали съезжаться гости. Слышался цокот копыт, лошади тащили пролетки в гору. Появление каждой семьи встречалось бурными приветствиями. Расспросы, поцелуи, объятия...

То были друзья Алвеса Нунеса – по преимуществу консервативные деятели, пользующиеся уважением и авторитетом во всей провинции. Но были среди гостей и студенты, и литераторы, и даже лица, не получившие приглашения, которые, однако, неизбежно проникают всюду. Группа юношей – почти все республиканцы, – не желая сразу входить в дом, предпочла непринужденно побеседовать на улице при свете газового фонаря, напротив освещенных окон особняка Алвеса Нунеса. Один из них был поэт, автор поэмы «Светящееся море», очень похожий на молодого Генриха IV. Другой – славившийся своим изысканным стилем журналист, который должен был положить начало новой литературной школе. На плечах у них были короткие черные накидки с яркой бархатной подкладкой.

К этой группе молодых людей подошел Буэно, и приятели с места в карьер засыпали его вопросами о Паше.

Паша был конь, и у него была своя история.

Барон де Капанема, директор телеграфа, в прошлом профессор ботаники, однажды по просьбе Парижского ботанического сада выслал во Францию драгоценные экземпляры бразильской флоры. За это французское правительство преподнесло ему пару чистокровных арабских скакунов – кобылу и жеребца. Позднее барон подарил жеребенка от этой породистой четы своему другу, инженеру Жанакопулосу, живущему в Сантосе. Инженер – друг пижамы и книг – не питал слабости к лошадям. Кончилось это тем, что он уступил подаренного ему коня Буэно де Андрада – инженеру с душой мушкетера, – который и стал повсюду разъезжать на Паше. Но содержание породистого коня обходилось дорого, он был бесполезен и дорог, как принц.

Расспросы друзей были приятны Буэно, и он, оживленно жестикулируя, начал рассказывать о частной жизни арабского скакуна.

При свете газового фонаря молодые люди шутили и смеялись.

Поэт по чьей-то просьбе начал декламировать один из своих новых сонетов.

В этот момент по мостовой прогрехотал экипаж, запряженный четверкой лошадей. Кони с разбегу остановились перед освещенной дверью. Ливрейный лакей соскочил с запяток и торжественно открыл дверцу.

Первой из экипажа вышла изящная девушка со светло-каштановыми косами, перехваченными большим бантом. Казалось, в этот вечер она впервые надела длинное платье из золотистого дамасского шелка с тремя рядами оборок; ее маленькие ножки были затянуты в шнурованные ботинки из белой лайки. Однако на самом деле она, видимо, была не такой уж скромницей, какой представлялась с первого взгляда. Девушка поздоровалась с несколькими студентами, фамильярно назвав их по имени, затем вошла в дом, где ее уже ожидала донна Синьяра с объятиями и поцелуями.

За девушкой вышла строгая тощая дама с неприветливой физиономией, в круглых очках с дымчатыми стеклами. Она, казалось, постоянно была наготове, чтобы защищать, не свою костлявую фигуру, конечно, а прелести особы, которую сопровождала. Поздоровавшись с хозяевами, обе они затерялись в толпе дам и кавалеров. И все это произошло быстрее, чем мы успели рассказать...

Последним из экипажа вышел отец девушки, высокий иностранец с седыми висками, с корректными манерами. Господин Моран, французский инженер, уже много лет жил в Бразилии, куда вместе с другими специалистами приехал по контракту для постройки газового завода. Некоторое время спустя он женился на доне Адриане де Оливейра, паулистской даме исключительной красоты и отменных душевных качеств. Господин Моран не был, однако, счастлив в семейной жизни: на следующий год он овдовел, оставшись с дочкой, которой было тогда всего несколько месяцев.

Все склонны были думать, что он женится снова. В Сан-Пауло не было недостатка в девушках, которые согласились бы выйти замуж за такого благородного и учтивого человека, к тому же обладавшего известным состоянием. Однако он выглядел грустным и держался замкнуто. Выписав из Франции сестру, старую деву, Моран поручил ей вести хозяйство и воспитывать дочь. Мадемуазель Жувина – так ее звали – прекрасно справилась со своей миссией: она стала полноправной хозяйкой дома, вскоре приобретенного Мораном, и занялась воспитанием девочки, которую растила, словно редкий цветок. Со временем девушка действительно стала цветком – красоты и ума.

Звали ее Лусила; она была Лу в семье и дона Лу – в обществе. Обычно в марте старая Жувина и дона Лу выезжали в Сантос, садились там на французский пароход и отправлялись на несколько месяцев в Марсель погостить у своих родственников. Вот откуда у этой элегантной паулистаночки и появились несколько свободные европейские манеры – и это в те времена, когда дамы не выходили одни из дому и даже не всегда получали разрешение сидеть у окна! Дона Лу представляла собой прелестное исключение. Она совершала длительные прогулки верхом на своей гнедой кобыле; в ясные вечера приказывала запрячь фаэтон и, сама правя, с хлыстом в руке, отправлялась в гости к подругам. За это дону Лу несколько осуждали в гостиных, что не мешало ей пользоваться симпатиями и уважением тех, кто хорошо ее знал.

Когда дона Лу подошла к комнате для гостей, где дамы оставляли накидки и приводили в порядок прически, ее чуть не сбил с ног какой-то молодой человек во фраке; необычайно смутившись, он заметался перед ней. Светлые глаза девушки заискрились от гнева. А Лаэрте – это был он, – заметив это, растерялся еще больше. Тогда девушка, никогда не упускавшая случая позабавиться, сделала вид, что ошиблась:

– Вы швейцар при дамской комнате?

У Лаэрте все закружилось перед глазами, ему показалось, что дом зашатался, и он прислонился к стене.

В эту минуту на помощь пришла дона Синьяра и представила молодых людей друг другу:

– Лу, я хочу познакомить тебя с моим племянником Лаэрте. Как и все студенты-новички... малый с амбицией.

Девушка поздоровалась с подчеркнутой скромностью, чуть присев в реверансе.

Но дона Синьяра еще не считала свою миссию законченной.

– Лаэрте! Дона Лу заслуживает того, чтобы и любоваться ею и уважать ее: она умна, образованна и очаровательна. Однако советую тебе быть осторожным...

Оба – юноша и девушка – ждали окончания фразы, но оно последовало лишь после нарочитой паузы:

– ...потому что она настоящий дьяволенок и еще не потеряла охоты ко всяким шалостям.

Все трое рассмеялись. Немного погодя мадемуазель Жувина подошла спросить племянницу, почему они смеялись. Та ответила:

– Потому что нам было весело...

А в это время зал уже заполнился девушками, которые, стоя вдоль стен, обмахивались большими веерами из перьев. Среди гостей сновали мальчики с кружевными воротничками, в ботинках выше щиколотки. Из задней комнаты донесся плач ребенка, и одна из дам чуть не бегом бросилась туда, чтобы узнать, в чем дело. Музыканты вынимали платки итирали пот со лба, затем брали пробные аккорды и отпивали из рюмок портвейн. В неожиданно наступившей тишине оркестр заиграл вальс «Голубой Дунай», который в то время считался последней новинкой. Кавалеры стали приглашать дам. Разлетались косы, ленты бантов казались порхающими бабочками. Развевались широкие юбки с тройным рядом пышных оборок, соблазнительно открывая замшевые башмачки.

Те, кто задержался на улице у фонаря, теперь тоже вошли в дом и сдали свои накидки, шляпы и трости Розинье, которая озабоченно отнесла их на хранение в кладовую, превращенную в мужской гардероб. Вместе с приглашенными появились и непрошенные гости, которых хозяин дома принимал так же любезно, не скрывая, впрочем, неодобрительной усмешки.

Сеньор Алвес Нунес не любил танцев и остался в библиотеке, поставив перед собой коробку гаванских сигар и бутылку иоганнесбурга. Вокруг него собрались видные представители паулистского общества – и консерваторы и республиканцы. Когда они встречались в одном и том же салоне, что в ту пору было обычным явлением, то обращались друг к другу крайне учтиво: «ваше превосходительство...» Однако на другой же день, на трибуне или в газетах, и отношение друг к другу и тон выступлений резко менялись.

Оживленная беседа в салоне Алвеса Нунеса вращалась вокруг двух наиболее важных и тревожных тем – отмены рабства и провозглашения республики.²⁵ Здесь сталкивались самые различные точки зрения. Среди монархистов были аболиционисты, среди республиканцев – сторонники рабовладения. Одни говорили о свободе, другие – об освобождении с выкупом, третьи – об отмене рабства, и все это были различные понятия. Те, кто проповедовал освобождение невольников, несколько пренебрежительно относились к тем, кто пускался в абстрактные рассуждения о свободе. Все были убеждены в своей правоте, что не мешало им, однако, уважать чужие взгляды...

²⁵ Действие романа происходит в годы, предшествовавшие освобождению рабов (1888) и объявлению Бразилии республикой (1889).

Исключением являлся лишь сеньор Фрейтас, который при каждом удобном случае бросал одну из своих излюбленных язвительных фраз, не щадя никого. Так случилось и здесь. Один из почтенных паулистов пожаловался на агрессивный характер, который за последнее время принимает идея освобождения от рабства. Он рассказал, что, будучи в Сантосе, видел, как чернь охотилась за одним лесным капитаном и среди бела дня на железнодорожной станции избила его. В заключение этот политический деятель сделал вывод:

– В Сантосе все – аболиционисты... А сеньор Фрейтас ехидно добавил:

– Все, даже сторонники республики.

Во время танцев Лаэрте слонялся из угла в угол и наблюдал за парами, которые кружились по залу, или, когда замолкала музыка, останавливались у окон за легкими кружевными занавесями. Он был настолько очарован доной Лу, что часам к двум ночи не удержался: с отважным видом подошел к ней и галантно расшаркался.

– Окажите мне честь протанцевать со мной этот контрданс.

– С большим удовольствием.

Оркестр заиграл «шоттиш», один из этих быстрых танцев с подпрыгиваниями. Новичок, ожидавший вальса, в котором больше ходили по паркету, чем танцевали, старался как мог повторять па, которые проделывала девушка.

Дона Лу с самым серьезным видом обратилась к своему кавалеру:

– С той минуты, как мне вас представили, я заметила, что внушаю вам антипатию. А сейчас поняла, что вы меня ненавидите и ради этого способны на самые страшные преступления. Однако пожалейте меня! Беззащитная девушка молит вас о милосердии!..

– Что же я сделал такого страшного?

– Вы наступаете мне на ноги. Я знаю, что вы пригласили меня на танец только из мести. Но так не поступают. Я бы предпочла танцевать с кавалерийским сержантом, не снявшим шпор.

Лаэрте расстроился и остановился. Он чувствовал себя униженным. Дона Лу взяла его под руку и провела в столовую, где беседовали дамы. Но тут же выйдя в коридор, сердито сказала своему спутнику:

– Будь вы на самом деле рыцарем, после мучений, которым меня подвергли, пригласили бы хоть немного подышать свежим воздухом на террасе...

И, не ожидая ответа, она повела его под руку на террасу, выходящую во двор. Здесь Лаэрте обычно занимался, прислонив книгу к балюстраде. Но сейчас он впервые оказался на этой террасе с красивой девушкой, в полном уединении, если не считать луны, глядевшей с неба.

– Боже! Что скажет мой муж, если найдет меня здесь? – с беспокойством проговорила донна Лу.

– Ваш муж? Кто он?

– Разве вы не знаете? Это тот седой господин, что в библиотеке беседует с вашим дядей.

– А я-то думал...

– Неужели вы, сеньор, наедине с хорошенькой женщиной, при луне, не можете быть более любезным?

– Нет. Признаюсь, что...

– Я хочу вас проэкзаменовать. Только отвечайте быстро, не думая: какой сборник стихов вам больше всего нравится?

– «Вёсны».

– Так я и думала. Вы что же, не знаете «Плавающую пену»?

– Знаю, но плохо.

– В таком случае вы не сын своего века. Держу пари на что угодно, что вы и не каиафа...

– Каиафа? Это что такое?

– Боже мой! Как вы неопытны! Где же вы живете? Здесь, в столице, или в каком-нибудь заброшенном провинциальном уголке?

– И там и здесь.

– И не знаете, что такое каиафа, сторонник Антонио Бенто? Ну так я вам объясню: это человек, который – будь он ученый, или извозчик, или освобожденный негр, или почтенный коммерсант – добивается отмены рабства. Понимаете? Пока руководители занимаются политикой в парламенте и организуют освободительную кампанию в газетах, мы, каиафы, ведем подпольную работу, полную опасностей и приключений. В ней случаются и перестрелки и нападения. Я вам поведаю тайну: в эти часы в районе Браза наши люди, должно быть, борются за свободу нескольких негров, которых доверили нашему попечению.

– Значит, вы аболиционистка? – спросил пораженный Лаэрте.

– Конечно.

– А ваш муж?

Она рассмеялась, показав при этом свои замечательные зубки. Лаэрте ничего не понимал. Такая образованная, та-

кая милая, такая утонченная девушка озабочена судьбой негров, которые надрываются на работе и на поле и в зензале. Когда он об этом подумал, его словно осенило. Пожалуй, невольник – не тот грубый дикарь, каким его изображают! Это Салустию, его друг детства; это негритянка, вскормившая его своим молоком, которого был лишен ее собственный сын; это Луис Гама. Да, именно Луис Гама...

– Вы уже слышали о Луисе Гаме?

– Адвокате-негре...

Дона Лу печально улыбнулась.

– Я вам расскажу историю, которую повторяла столько раз, что выучила наизусть, слово в слово.

Она устремила на Лаэрте светлый, ласковый взор и начала свой рассказ.

* * *

– Луис Гама родился в Баие, он был сыном негритянки, по имени Луиза Маим, и ее хозяина-португальца.

Когда Луис подрос, отец продал его одному из работорговцев, разъезжавших по северу страны.

Это было не так легко осуществить: умный, живой мальчик, без сомнения, не будет молчать, да и мать, которая всегда слыла бунтовщицей, поднимет шум. Поэтому хозяин, скрывая свои истинные намерения, был с сыном очень ласков и как-то повел его посмотреть корабль, стоявший на якоре в порту. Пока мальчик развлекался, бегая по трюмам и палубам, отец скрылся, сжимая в руке полученные за сына деньги...

Луис искал отца, но безуспешно. Он хотел выбраться с корабля, но не тут-то было... Его уже включили в партию невольников, которую работорговец погрузил на судно. А за спиной торговца стояла полиция.

Партия рабов была доставлена в Сантос. Оттуда ее погнали в Кампинас, который в те годы был центром торговли невольниками. Объявили, как обычно: «Молодые и здоровые парни, могут копать и рыхлить землю». Товар был выставлен на площади у храма в воскресенье, в час мессы. Как это было принято, невольникам на голову надели красные колпаки.

Прибывали фазендейро... в грязных сапогах, широкополых чилийских шляпах, с хлыстом в руке... Осматривали негров, велели выходить вперед тем, кто казался покрепче, смотрели у них зубы, спрашивали о здоровье, потом договаривались с работорговцем о цене «за штуку». Когда

большая часть партии была уже продана, торговец пустил остаток с аукциона.

Франсиско Эжидио приехал в Кампинас купить негрятенка: ему нужен был кучер для поездок из фазенды в город. Увидев Луиса, он сразу им заинтересовался.

– Править умеешь?

– Я сумею делать все, что прикажет сеньор.

– Хочешь быть у меня кучером?

– Хочу, сеньор.

– Отлично. Я тебя покупаю. Но подожди... Откуда ты?

– Из Баии, сеньор.

Франсиско Эжидио перекрестился.

– Из Баии? Упаси меня господь. Видишь ли, из всех товаров Баии можно покупать только кокосовый орех да перец... Все остальное никуда не годится... Хорошо, что я догадался спросить. Сеньор торговец! Ничего не выйдет: мальчишка мне не подходит.

Оставшихся невольников отвезли в Сан-Пауло и выставили для продажи на улице Императрицы перед зданием торгового дома Гарро.

Здесь появился другой покупатель: фазендейро из Минас-Жераис, который привез сына для поступления в университет, на факультет права. Он и купил Луиса, с тем чтобы тот был не только слугой, но и товарищем его сына.

Молодому барину Луис понравился. Он научил негрятенка грамоте, и вскоре они оба стали изучать право. Так как Луис Гама не мог посещать университет, то получал учебные задания через своего хозяина. С течением времени он стал выделяться своими знаниями и приобрел много друзей среди студентов, которые охотно приняли его в свою среду.

В один прекрасный день советник Фуртадо устроил его писцом в полицию. Дружьями Луиса стали советники Карран и Криспиниано, юристы Жозе Бонифасио и Жозе Мария де Андраде, которые нередко прислушивались к его советам по правовым вопросам.

Он подвизался в суде вместе с лучшими адвокатами того времени, выигрывал иски на сотни conto; но у самого никогда не было за душой даже тостана – он все тратил на пропаганду против рабства.

Встречая на улице своего бывшего хозяина, который стал его другом и почитателем, Луис отвечивал почтительный поклон:

– Будьте благословенны, господин мой!

Тот, улыбаясь, обнимал его.

– Ты все такой же...

Луис Гама, Америко де Кампос и другие республиканцы основали масонскую ложу «Америка». Так в синем зале, украшенном серебряными звездами, зародилось аболиционистское движение в Сан-Пауло.

Как-то раз Гама был привлечен к судебной ответственности за укрывательство беглых рабов и оказался на скамье подсудимых. В день суда зал заполнили адвокаты и профессора; здесь присутствовала вся Академия права. Гама объявил, что не нуждается в адвокате и будет защищаться сам.

Он не отрицал, что укрывал беглых невольников. Обличая систему рабовладения, Гама заявил, что, по сути дела, именно рабовладельцы являются преступниками, которые должны отвечать за совершенное ими преступление – кражу. Кражу свободы ближнего. При этом он бросил фразу, которая запомнилась надолго и стала знаменем борьбы аболиционистов. Послушайте – я выучила ее наизусть:

«Для сердца не существует законов. Хотя сострадание к человеку и христианское милосердие должны быть в душе у каждого, я утверждаю, оспаривая закон: раб, убивающий своего хозяина, совершает лишь акт законной самозащиты».

Луис Гама был оправдан; решение это было единогласным. Присутствующие горячо ему аплодировали. Когда он вышел из здания суда, толпа с триумфом пронесла его на руках по улицам столицы. Старые негритянки, протягивая к нему руки, восклицали:

– Свободу! Свободу!

Дона Лу постепенно растрогалась собственным красноречием. Ее светлые, чистые глаза расширились.

Лаэрте ощутил в себе неожиданное пробуждение того, что раньше, когда он дружил со своим верным Салустио, только смутно чувствовал. Он поднял глаза на дону Лу – девушка стала неузнаваема. Все ее легкомыслие и шутливость исчезли, две слезинки медленно катились по прекрасному лицу.

– Хотите быть нашим товарищем в этой борьбе? – спросила Лу, дотронувшись до похолодевшей руки юноши.

– Еще бы!

– Слово?

– Честное слово!

– Тогда приходите завтра к десятичасовой мессе в Церковь богородицы целительницы. – И, с нежностью посмотрев на него, добавила: – Мой юный товарищ!

Когда они вернулись в зал, многие гости уже прощались, девушки одевались перед зеркалом.

Один из студентов, уходя, позвал с собой Лаэрте. Тот попросил у дяди разрешения пройтись. Сеньор Нунес в это время стоял в дверях, провожая наиболее почетных гостей. Он был в хорошем настроении, что с ним случалось редко. Выслушав просьбу племянника, он торжественно изрек:

– Отныне ты уже не мальчик. Я тебе сделаю подарок, такой же, как полвека назад получил сам...

Лаэрте смутился. Гости, беседовавшие с дядей, приняли таинственный вид, словно заговорщики.

Сеньор Алвес Нунес вынул из кармана какой-то предмет, завернутый в шелковую бумагу и перевязанный розовой ленточкой, и передал его Лаэрте.

– Что это, дядюшка?

– Ключ. Ключ от входной двери. Он символизирует свободу. Посмотрим, как молодой студент сумеет ею пользоваться.

Лаэрте взял ключ и устремился в ночь – свежую, душистую, чуть подернутую туманом.

V

Ключ

Лаэрте решил проводить своего друга студента. На площади дежурили пролетки; извозчики дремали на козлах, лошади били копытами о камни мостовой.

– Лу говорила о тебе, – сказал приятель.

– Ты с ней давно знаком?

– Она из наших.

– Что же она тебе говорила? – Лаэрте с нетерпением ждал ответа, словно от этого многое зависело.

Студент, опираясь на трость, со всей важностью, на какую только был способен, ответил:

– Она сказала всего-навсего: «Лаэрте еще юнец, но может быть использован для несложных поручений».

Не таких слов ожидал Лаэрте.

– А какие это поручения?

– Об этом мы посоветуемся с руководителями.

Они прошли еще несколько шагов.

– Она тоже работает?

– Она? Она из числа апостолов.

– И муж с этим мирится?

– Какой муж?

– Ее, какой же еще?

Студент расхохотался и сказал:

– Держу пари на что угодно, – это одна из шуток, которые она так ловко выкидывает с простачками. Лу не замужем. Всю свою жизнь она посвящает делу аболиционизма. На это она тратит и свою молодость и все свои деньги.

– Она единственная женщина, участвующая в движении?

– Нет. Еще в 1870 году дона Ана Бенвинда, жительница Сантоса, родившаяся во Франции, основала первую женскую аболиционистскую лигу, послужившую образцом для многих других. Члены этой лиги – дамы из общества – прятали у себя в усадьбах беглых рабов.

Молодые люди продолжали свой путь. Шли молча, наслаждаясь свежестью ночи. Неожиданно студент остановился перед зеленым домиком. Ворота были открыты, и на дворе виднелись повозки с поднятыми дышлами. Это был пивной склад. Рядом с ним расположилась и сама пивная. Через жалюзи дверей можно было не только разглядеть, что делается внутри, но и услышать, что там говорится.

– Что это? – с недоумением спросил Лаэрте.

– Это «Корво» – знаменитая пивная. Здесь собирается буквально весь город.

Они толкнули дверь и вошли в зал, освещенный несколькими подвешенными к потолку лампами. Там было восемь черных квадратных столов, вокруг которых стояли табуретки. Посетителей обслуживали два официанта. Старый Шомбург, хозяин заведения, сидел в своей каморке и через окошечко, выходившее в зал, наблюдал за тем, что происходит в пивной.

Студент, видимо, был здесь завсегдатаем; он знал по именам и фамилиям всех находившихся в зале. Друзья уселись в углу, заказали себе пива. Им принесли большие кружки из расписного фаянса с металлическими ручками. Студент рассказывал Лаэрте о постоянных посетителях этого пивного бара, которых в этот час здесь было немало. Из глубины зала слышались резкие голоса. Там вспыхнула очередная политическая дискуссия. Редактор «Газета До Пово» Вейга Кабрал заспорил с судебным чиновником. Оба они были против рабства, оба горячо ратовали за его уничтожение, но по-разному подходили к этому вопросу, и поэтому всякая беседа между ними обычно заканчивалась ссорой. Вейга Кабрал стоял за полную отмену рабства; его оппонент настаивал на освобождении с выкупом. Первый подходил к проблеме диалектически; второй, исполненный христианского милосердия, считал, что негры должны быть

освобождены потому, что они уже искупили преступление Каина, которое тяготело над всем родом человеческим. Они были единомышленниками, но спорили яростно, будто враги.

Журналист говорил:

– Отмена рабовладения произойдет не позднее будущего года – это дело решенное. Мы это сделаем не из сентиментальности и не потому, что мы христиане; рабство в Америке – дело рук христиан. Вспомните историю. В 1500 году в Европе было два невольничьих рынка – один в Лиссабоне, другой в Севилье. В Эворе, например, жило больше негров, чем белых. Колумб – первый христианин, ступивший на американский континент, – взял в плен пятьсот индейцев и отправил их на продажу в Севилью. Колонизаторы, прибывшие в Бразилию с Иберийского полуострова, казалось, были одержимы безумием. Кровь и золото, золото и кровь – вот к чему сводились их помыслы. У того, кто знакомится с историей этих носителей европейской цивилизации, навсегда остается отвращение к ним; ведь они всеми способами разрушали древнюю цивилизацию нашего материка, заслуживающую такого же уважения, как и их собственная; они уничтожали население нашего континента.

– Но духовенство...

– Оно всегда было заодно с колонизаторами, порабовавшими индейцев. В 1534 году капитаны кораблей получили разрешение отвезти в королевство только тридцать девять рабов, а уже в 1540 году рабство было узаконено.

В глубине зала зазвучали аккорды гитары. Кто-то пронзительным голосом запел популярную песенку:

Мне показали как-то в поле

Красавицу-метиску с огнем во взоре...

Однако песенка вызвала бурные протесты. Гитара перестала играть, голос певца смолк. Кто он? Никто не знал. Должно быть, один из этих молодых людей с пышной шевелюрой, с плащом через плечо, с безумным блеском в глазах...

Судебный чиновник снова принялся за свое. Он был не из тех, кто так просто признает себя побежденным.

– А сейчас? Вы, стало быть, оспариваете, что церковь, по крайней мере у нас в Сан-Пауло, стоит во главе аболиционистского движения?

– Нет. Не оспариваю. Но это только в самое последнее время. Знаете ли вы, что сказал Жозе Бонифасио²⁶ в Генеральной конституционной ассамблее? Эту речь я неоднократно цитировал в своих статьях и запомнил ее наизусть. Он сказал следующее: «Наша религия – это система суеверий и преступлений против общества; наше духовенство в большей своей части невежественно и безнравственно; стремясь к обогащению, оно широко использует труд рабов в торговле и земледелии; а из несчастных невольниц иногда даже создает мусульманские гаремы». Не это ли мы наблюдаем и теперь?

– Жозе Бонифасио считали сумасшедшим...

– История полна таких замечательных безумцев, как он. Вы знаете мнение Жоакима Набуко.²⁷ Он, насколько мне помнится, говорил, что движение за отмену рабства у нас, к несчастью, ничем не обязано церкви, более того: то, что монастыри и все духовенство в течение веков используют труд невольников – мужчин и женщин, – подорвало религиозные чувства рабовладельцев. Невольники видели в падре лишь человека, который может их купить, а священники самонадеянно считали, что рабы никогда не взбунтуются. Наши духовные пастыри изменили святому делу Христа, и это величайший позор, который только можно себе представить. Никто до сих пор не видел, чтобы духовенство встало на сторону рабов против хозяев, использовало религию для облегчения участи невольников. Ни один падре никогда не попытался запретить аукционы рабов, не осудил позорный режим зензал. Католическая церковь, располагающая огромной властью в стране, где она добилась всеобщего фанатического повиновения, до последнего времени никогда не подавала голоса за освобождение рабов. Таковы его слова.

– А сейчас?

– Духовенство ведет себя очень умно, очень ловко: оно старается быть по обе стороны баррикады. Кто бы ни выиграл, в действительности выигрывает оно. В настоящее время церковь как будто постепенно принимает на себя руководство освободительным движением негритянской расы. Но это только потому, что победа близка... Беседа становилась

²⁶ Жозе Бонифасио де Андрада э Силва (1763–1838) – бразильский политический деятель и писатель, сыгравший большую роль в борьбе за независимость Бразилии.

²⁷ Жоаким Аурелио Баррето Набуко (1849–1910) – бразильский поэт, историк и дипломат. Играл выдающуюся роль в борьбе за отмену рабства. Написал книгу «Аболиционизм».

все более оживленной Посетители «Корво» собрались вокруг стола спорщиков. В это время открылась дверь и в зал заглянул какой-то странный субъект. Осмотревшись, он робко вошел. Видимо, здесь все его знали: он был встречен приветственными криками, возгласами и смехом. Из глубины зала послышался чей-то резкий голос:

– Входи, Паскасио!²⁸

– Паскасио, это верно... так меня бабушка называла... Я малость навеселе, весь вечер прогулял...

Это был грубоватый, здоровенный мужчина с седой бородой; он носил чилийскую шляпу, чесучовый плащ и желтые башмаки; на руке у него висел старый шелковый зонт цвета мальвы.

Под аплодисменты и радостные возгласы молодых людей, приветствовавших появление этого человека в «Корво» в такой поздний час, вновь пришедший направился к центру зала, остановился, оперся на зонтик и почесал бороду.

– Я хочу объяснить... Дело в том, что мой поезд уходит в четыре. В час я выбрался из Сан-Жозе. Поужинал. А теперь идти спать в гостиницу поздно, поезд скоро отправляется...

Очень бледный юноша в очках спросил его:

– Угощаешь компанию?

– Угощаю.

Тогда веселье приняло буйный характер; раздались оглушительные аплодисменты и крики «ура».

Старый Шомбург показался в окошечке и протянул руки, умоляя не шуметь. Его послушались. Вейга Кабрал, смеясь, запротестовал:

– Нет. Я не приму пива, оплаченного этим фазендейро, у которого на поле трудятся десятки рабов, чтобы ему хватало денег на распутную жизнь...

Новый посетитель ответил:

– Это у меня-то рабы? Не будь глупцом! Тех, что у меня были, я уже выгнал. И сказал их старосте: «Убирайтесь и больше не показывайте сюда носа! Если встречу здесь кого-либо из вас, всажу заряд соли в зад...»

Послышались голоса:

– Он же аболиционист! Да здравствует аболиционист!

Фазендейро, прикидывавшийся подвыпившим, положил голову на руки и принялся хохотать...

²⁸ Паскасио – чудака, придурковатый.

– Я? Аболиционист? – И он снова безудержно расхохотался.

– Значит ты не аболиционист? Почему же в таком случае ты освободил негров?

– Держать рабов стало невыгодно. И чего ради их держать? Прежде – другое дело: негра нечем было заменить. А теперь? Освобожденные негры, кабокло и другая голытьба шляются повсюду, ожидая от нас милостыни в виде ручки мотыги. Они просят на работу за гроши. И в то же время прибывают большие партии иммигрантов. Подсчитайте, и вы увидите, что для фазендейро, у которого есть голова на плечах, держать рабов – невыгодное дело... Прежде всего, это рискованное вложение капитала: негры болеют, бегут – побегов становится все больше, – нависла угроза освободительного закона, он выйдет не сегодня-завтра... Раб – это товар, который с возрастом падает в цене. Вы, юноши, понимаете, что это значит? К тому же, помимо риска, о котором я говорил, раба нужно одевать, кормить, лечить, сторожить... Когда раб болеет, он только потребляет и ничего не производит. И с каждым годом ценность его падает. Иначе обстоит дело со свободными рабочими. Их можно даже палкой лупить, они с благодарностью принимают все, что им дают. Лишь бы была еда... чтобы жить... чтобы хватало сил работать. И ничего больше! Рабочего нанимают, когда в нем возникает необходимость: он работает день, десять, тридцать дней. Работа кончена, выгоняешь его – и делу конец. Когда он болен, он не работает и, следовательно, ничего не получает. Когда нет работы, то же самое... Когда он состарится или умрет, то никому этим не принесет убытка. Незачем думать ни о его пропитании, ни об одежде. Ни о надсмотрщике, ни о лесном капитане. Ни о зензале, ни о каиафах. Это покой. Спокойствие духа. среди фазендейро только упрямые ослы отстаивают рабовладение. Единственный, кто может искренне стоять за сохранение рабства, – это раб. Вы еще молоды, друзья, но придет время, и вы увидите на улице освобожденного невольника, который будет тосковать по хозяину и зензалю. В странах, где нет рабства, раба заменяет рабочий, а хозяин ничем не рискует, ни за что не отвечает.

Слова фазендейро заставили этих людей, среди которых были аболиционисты всех мастей, призадуматься. Судебный чиновник спросил:

– Тогда почему же вы, фазендейро, сразу не освободите всех рабов?

Старик снова почесал бороду:

– По глупости.

Собравшимся это показалось чрезвычайно забавным.

Старик расплатился и, раскланиваясь направо и налево, добрался до двери. Один из юношей крикнул ему вдогонку:

– Скажите по крайней мере, как вас зовут?

Уже на улице фазендейро обернулся, снова открыл дверь и ответил:

– Шисто Баия.

Снова раздались крики, хохот, тосты. Шисто Баия был известным актером и юмористом и принадлежал к числу аболиционистов. Он одевался, как фазендейро, и подражал им голосом и манерами; и, выступая, выставлял в смешном свете обычные доводы рабовладельцев против аболиционистов. Шисто принимал участие во многих собраниях и благотворительных концертах. Появляясь на сцене театра Сан-Жозе в сюртуке и домашних туфлях, он смешил публику до упаду. Его анекдоты, остроты и афоризмы передавались из уст в уста, повторялись в конторах, учреждениях, школах, салонах.

Когда возбуждение, виновником которого был Шисто Баия, улеглось, посетители «Корво» вернулись к прерванным разговорам.

Судебный чиновник снова стал слушать своего оппонента. Тихим, размеренным голосом Вейга Кабрал продолжал терпеливо объяснять ему:

– ...Нужно учитывать образ мыслей негра, который вернулся с войны.²⁹ А вы думали о затруднениях, созданных «Законом о свободнорожденных»?³⁰ Ведь, с одной стороны, порвались узы, привязывавшие раба к фазенде, ими являлись его дети, с другой стороны, установились различия в обращении с членами одной и той же семьи. Что же получается? Родители – подневольные труженики, а их дети – свободные бразильские граждане. Родившиеся после этого закона выйдут на улицу вместе с нами добиваться освобождения своих родителей. В Сеара рабы уже освобождены – правда, их там было немного. У нас в провинции есть муниципальные округа, где не осталось ни одного невольника. Более того, против рабства поднялся Сантос. С 27 февраля 1886 года в этом городе больше нет рабов.

²⁹ Имеется в виду война с Парагваем (1865–1870).

³⁰ «Закон о свободнорожденных», изданный в 1871 году, предоставлял свободу детям рабов.

Беглый негр, сумевший туда добраться, попадает под покровительство местного населения. Лесных капитанов, которые осмеливаются там появиться, ловят на улицах лассо. По всей Бразилии армия отказывается арестовывать беглых негров. По зензалам из уст в уста передается слух о том, что в приморских краях есть земля, называемая Жабакварой, где негр – свободный гражданин. Только трудно туда войти. И вот начинаются массовые побеги, тяжелые изнурительные походы одетых в лохмотья людей. Мы это уже наблюдали и еще будем наблюдать в больших масштабах. Вот и сейчас, когда мы здесь беседуем, на многих фазендах нашей провинции каиафы Антонио Бенто перебираются через окружающие плантации изгороди, проникают в зензалы, чтобы шепнуть товарищу: «Бросай, дружище, невольничью работу! Отправляйся в путь, спускайся с гор к побережью, добираться до Жабаквары! Там наша свобода!» Каиафе редко удастся выбраться с фазенды живым, но посеянные им семена всегда дают ростки. Черная волна поднимается все выше и выше... Еще немного, и она покатится по полям и городам. Эту волну не удастся сдержать, она снесет все на своем пути.

– А что вы скажете по поводу деятельности интеллигенции, самоотверженных энтузиастов? Что мы должны делать?...

– Наша задача разъяснять с трибуны, в газете, в беседе – всеми средствами. Мы лишь дрожи, и смешно нас переоценивать. Да и чувства, которые нами руководят, трудно назвать высокими. Вы, человек верующий, вступаете в выгодную сделку с вечностью. Я же верую только в счастье на нашей грешной земле и никогда не буду счастлив, пока рядом со мной раб; поэтому, устраняя последнее препятствие, которое мешает мне быть счастливым, я тоже действую из эгоистических побуждений. И не мы одни таковы. Тысячи людей, каждый со своей долей эгоизма, стремятся осуществить ту же грандиозную задачу. Наш эгоизм – просто более утонченный, чем эгоизм рабовладельцев, полицейских инспекторов, лесных капитанов...

Последние слова вызвали шум в зале. Вейгу Кабрала стали прерывать, ему угрожали злобно поднятые руки, сжатые кулаки; идеалистам не хотелось видеть священное дело освобождения рабов в озарении этого слишком резкого света...

Старый Шомбург снова поднялся с кресла, подошел к окошку, выходящему в зал, и с добродушной улыбкой

простер руки, призывая к тишине и как бы говоря: «Ну что же это вы, ребята?»

И тишина наступила.

Лаэрте не заинтересовала эта дискуссия; его занимало другое.

– Значит, Лу не замужем? – спросил он.

– Нет. Можешь не сомневаться...

Студент обернулся к нему. Лаэрте дремал перед стопкой тарелочек.³¹ Криво улыбаясь в полусне, он с трудом удерживал в равновесии голову, которую подпирал высокий воротничок. При этом он время от времени озабоченно перекладывал из кармана в карман какой-то предмет, не находя для него подходящего места.

– Что это у тебя? – спросил приятель.

– Ключ...

– А... Скажи, что с тобой?

– Меня чертовски развезло...

Он и в самом деле опьянел. Хотел подняться, но не смог. Привыкшие к таким сценам молодые люди не обращали на него внимания. Лишь когда он, расплачиваясь, вступил в спор с официантом, один из сидевших за соседним столиком спросил студента:

– Кто этот желторотый? – И тут же заговорил о другом.

Между тем Лаэрте погрузился в пьяную дремоту. Вспомнил фазенду, в его памяти возникли образы родителей, им овладела тоска; он начал всхлипывать и затем горько зарыдал. Он подумал о Салустио, и ему захотелось освободить его. Завтра же он напишет отцу и добьется своего. Но тут же вспомнил, что отец послал Салустио работать в поле вместе с другими неграми, и в душе его поднялся гнев против отца. Лаэрте ударил кулаком по столу и воскликнул:

– Я должен его освободить, но вместе с остальными рабами, не так ли, Лу?

Послышался голос того, кто раньше называл Лаэрте желторотым:

– Ого, уже пять часов, светает.

– Ну как, пойдём? – обратился к Лаэрте огорченный приятель-студент.

– Не пойду.

– А мне пора.

³¹ В Бразилии, как и во многих других странах, в пивных подают каждую кружку пива на особой тарелочке или картонной подставке; пустые кружки постепенно убираются со стола, а тарелочки остаются. По количеству их и производится расчет.

– Иди, а я останусь здесь с компанией...

– Ну, так я ухожу.

Студент распрощался с друзьями и ушел. В этой среде не было принято провожать до дома подвыпивших друзей.

Лаэрте попросил себе еще кружку пива, но никто его не услышал. Он потребовал вторично, но результат был тот же... Недовольный, он нахлобучил шляпу, повертел тростью и, ворча, вышел из пивной. Его проводили насмешливыми улыбками. Только Вейга Кабрал встревожился:

– Как же так? Он уходит один? Доберется ли до дому?

– Пусть идет. Не заблудится, – успокоил его судебный чиновник.

– Нет. Так не годится.

– Кто же его отведет домой?

– Мой секретарь.

Кабрал подошел к двери, несколько раз продолжительно свистнул и снова уселся.

Не прошло и двух минут, как дверь открылась, – в своем длиннополом пиджаке и шапочке из газетного листа появился Калунга. Обведя взглядом собравшихся и увидев Вейгу Кабрала, Калунга направился к нему.

– Я здесь.

– Ты встретил на улице подвыпившего малого?

– Даже не одного, а четверых!

– Я говорю о парне, который вышел отсюда последним.

– А... знаю. Он живет на улице Табатингуэра.

– Этот самый. Проводи его. Помоги открыть дверь и, если начнут расспрашивать, придумай объяснение лучше.

– Будет исполнено.

И Калунга помчался вдогонку. Вскоре он увидел Лаэрте: тот стоял, прислонившись к стене какого-то дома, потлил с него ручьем. Он, видимо, потерял всякое представление о том, кто он и где он. Калунга взял его за руку и повел, как ребенка; юноша не сопротивлялся. Подойдя к дому Нунеса, они остановились перед дверью. Поиски ключа были мучительно долгими. С большим трудом Калунга нашел его у Лаэрте в кармане жилета, открыл дверь, заставил студента войти и стал всовывать ключ в замочную скважину с внутренней стороны, чтобы Лаэрте мог потом запереть дверь, когда к ним подошел кто-то в домашних туфлях.

– Кто там?

– Это я.

– Кто я?

– Калунга.

У застекленной двери появился старик в халате и с подсвечником в руке.

– Я привел молодого человека.

– Хорошо. Спасибо, парень.

Калунга исчез в мелком, морозящем дожде. Хозяин запер дверь на ключ. И уже при утреннем свете, проникавшем сквозь окна, произошел короткий диалог между дядей и племянником. Сеньор Алвес растерянно мигал:

– Что же это с тобой, мальчик?

И Лаэрте со шляпой на затылке, с галстуком, вылезшим из жилета, опираясь на трость, ответил:

– Ничего, дядюшка. Я нашел свою дорогу. Я еще совершу в жизни великие дела. Вот увидите...

VI

Каиафы

На окраине Сан-Пауло процветал постоянный двор «Метрополитано». Переднюю часть дома занимала лавка – в ней были выставлены связки лука, табачные жгуты, куски сушеного мяса, груды сандалий на деревянной подошве, квинты вина и водки. Позади лавки находился зал. Там стоял большой стол, застланный грязной скатертью сплошь в пятнах от вина, оливкового масла и жира, а по обеим сторонам его – скамейки. За домом была дощатая пристройка, крытая железом и разделенная на комнатухи. Во дворе густо разрослись сорняки. У кирпичной стены приютилось засохшее сливовое дерево, годное лишь на то, чтобы развешивать на нем белье, и виноградная лоза, которая больше походила на сушеного осьминога, вцепившегося в камень...

Здесь останавливались погонщики и гуртовщики, гнавшие скот в Сан-Пауло. Перед домом всегда были привязаны животные, ожидавшие своих хозяев. Скотоводы в палах,³² широкополых шляпах и высоких нечищенных сапогах расхаживали взад и вперед, чиркая по земле колесиками шпор.

И вот в один прекрасный день «Метрополитано», не смотря на свою скромную репутацию, удостоился высокой чести привлечь к себе внимание паулистов.

³² Пала – легкая шерстяная накидка квадратной формы с отверстием посередине для головы.

Это было в январе 1888 года. С утра стлался туман, ветер раскачивал развешанные у дверей лавок товары. В городе чувствовалась какая-то напряженность: из уст в уста передавалась новость, которая очень скоро стала достоянием всех обитателей предместья. Некий лесной капитан прибыл из глубины провинции с пойманными им беглыми неграми и вместе с пленниками остановился на ночлег в «Метрополитано», чтобы на следующий день погнать их дальше для сдачи своему хозяину. Узнав об этом, народ возмутился... Студенты, извозчики, печатники, приказчики и мелкие торговцы, принадлежащие к каиафам Антонио Бенто, начали собираться возле постоянного двора. Шли часы, число собравшихся увеличивалось; группы людей появились и на прилегающих к постоянному двору улицах. Во второй половине дня владелец «Метрополитано» отправился в полицию и пожаловался комиссару. Но тот, по-видимому, не был склонен принимать меры к охране постоянного двора и его хозяина. Что он мог поделать против большинства населения?

Когда зажглись фонари, каиафы окружили постоянный двор. Из толпы слышались выкрики с требованием освободить пленников. Хозяин «Метрополитано», бледный, с растрепанной бородой, метался из стороны в сторону. Наконец, очевидно, по его совету, невольники появились в дверях. Толпа встретила их приветственными возгласами. Полдюжины юношей проводили беглых негров в дом одного из каиаф, где их по-братски встретили и приютили.

Но народ этим не удовлетворился. Слышались угрожающие выкрики:

– Лесного капитана!

– Вон отсюда, лягавый!

Толпа по-прежнему теснилась перед «Метрополитано». Немного погодя вышел хозяин, еще более бледный и с еще более растрепанной бородой. Он закричал на всю улицу:

– Не ищите лесного капитана; он перемахнул через ограду скотного двора и удрал. Сейчас он уже, наверное, далеко...

И тогда произошло то, о чем на следующий день сообщали все газеты: народ устроил в «Метрополитано» погром. Постоялый двор забросали камнями, толпа ворвалась внутрь и все перебила. В этой расправе приняло участие более тысячи человек, руководимых каиафами.

Но кто же в конце концов были эти дьяволы – каиафы?

* * *

Со смертью Луиса Гамы, в 1882 году, аболиционисты, привыкшие повиноваться ему, оказались без вождя. Во всяком случае, никто не решался заменить этого выдающегося борца. Тогда было создано нечто вроде руководящего комитета из лиц, пользовавшихся у аболиционистов наибольшим авторитетом. Председателем его избрали Антонио Бенто.

Считая, что одной кампании в печати недостаточно, Бенто начал вести пропаганду непосредственно в народе. В Церкви богородицы-целительницы, где он был старостой, у Бенто среди прихожан, живших в соседних кварталах, насчитывалось много сторонников. «То, что Луис Гама осуществлял под сенью масонства в ложе „Америка“, Антонио Бенто проводил теперь в приходе Церкви богородицы целительницы под сенью покрова пресвятой богородицы», – писал Иполито да Силва.

Вскоре аболиционистам удалось завербовать в свои ряды много новых приверженцев. Комитет перестал коллективно решать вопросы, а руководствовался смелыми практическими решениями Антонио Бенто, которого к тому времени все аболиционисты признали своим верховным вождем. Храбрых, бесстрашных приверженцев этого движения, способных на самые опасные предприятия, не останавливающихся, если это нужно, и перед применением силы, он называл каиафами.

– Почему каиафы? – спросил его однажды Иполито да Силва.

На это Антонио ответил:

– Неужели ты не сообразил, почему? Рабовладельцы держат у себя на службе лесных капитанов, которых можно назвать «иудеями»: ведь они расправляются с неграми.³³ А у нас есть «каиафы» – верховные судьи над этими «иудеями». ³⁴ Называть их капангами? Это слово совсем не подходит к нашей деятельности и унижительно для наших борцов... «Каиафа» – наиболее подходящее слово!

Вскоре каиафы оказались повсюду: в государственных учреждениях, в армии, в школах, в редакциях и типографиях газет... Почти все студенты, все печатники, все извозчи-

³³ Здесь игра слов: в португальском языке слово judeu – «иудей» созвучно слову judiar – «расправляться», «мучить».

³⁴ *Каиафа* – иудейский первосвященник; согласно христианской легенде, сыграл решающую роль в осуждении Христа.

ки были каиафами. То же было и в Сантосе и в других городах провинции. Одно слово, один жест, одно подмигивание – и в нужный момент появлялись десятки этих каиаф. Они были всегда готовы вступить в драку, укрыть беглого раба, обмануть лесного капитана или содействовать побегу негра...

* * *

Однажды в воскресенье...

Это было очень ясное воскресенье. Площадь Сан-Гон-сало с продавцами сладостей, детьми, играющими в петеку, и шарабанами перед театром Сан-Жозе представляла собой яркое, веселое зрелище. Слышался перезвон колоколов. Летали вспугнутые белые голуби. Только что в Церкви богородицы целительницы закончилась месса. Оттуда выходили верующие; они собирались группами на углах площади или растекались по близлежащим улицам.

Эта церковь возникла на склоне холма как скромная часовня, воздвигнутая преступными руками. Да, руками преступника, который в день своего раскаяния проявил благочестие.

Ее построил примерно в 1732 году Себастьян Фернандес до Рего – темная личность, расхититель королевской казны, герой многих авантур, характерных для Бразилии XVIII века. Будучи арестован и не надеясь выйти на свободу, он решил в качестве последней инстанции прибегнуть к небу и дал обет: в случае освобождения построить часовню святому Висенте, которого он особенно почитал. Получив помилование и считая это чудо результатом вмешательства небесных сил, он выполнил свой обет. Часовня была сооружена напротив тюрьмы. Но она не понравилась начальнику тюрьмы, и он приказал ее закрыть. Так этот скромный храм и оставался в запустении и постепенно превратился в убежище для бездомных собак и гнездившихся под крышей птиц.

Несколько лет спустя братство Санта-Каза решило перестроить часовню, однако судьба ее от этого не изменилась. И древнее здание наверняка превратилось бы в развалины, если бы среди духовенства города не произошел конфликт, запечатленный в хрониках того времени.

Братство богородицы целительницы страждущих, основанное при церкви Сан-Бенто, с годами росло и развивалось, подобно сказочному цветку. Однако в 1872 году между церковным старостой и настоятелем монастыря возник

разлад. Ссора зашла так далеко, что привела к распаду братства. Тогда отчаявшийся староста обратился за помощью к властям. На заседании палаты 17 августа того же года было прочитано ходатайство братства, в котором содержалась мотивированная просьба разрешить братству обосноваться в часовенке Сан-Висенте. Разрешение было дано, и часовенка, перестроенная и расширенная, превратилась в Церковь богородицы целительницы страждущих.

Там в тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году Антонио Бенто был избран старостой братства, принеся с собой жажду свободы, свойственную душе всякого паулиста. Он создал при церкви школу для первых бразильских граждан негров, родившихся после издания «Закона о свободнорожденных». В этой школе среди учителей было несколько каноников. Мало-помалу религия прониклась идеей освобождения рабов до такой степени, что во время богослужения верующие пели:

Родители! Дети, ваши бедные дети,
Все, как один, равны пред законом...

На церковные средства Бенто оборудовал типографию газеты «Реденсан»,³⁵ которая немало потрудились для дела свободы. В консистории, всегда заполненной людьми, Антонио Бенто руководил всем политическим движением за отмену рабства и непосредственной деятельностью своих прославленных каиаф. В этом пропахнувшем ладаном помещении разрабатывались планы аболиционистской кампании. К ним относились: пропаганда на фазендах, организация побегов невольников, воздействие на более сговорчивых фазендейро и, наконец, похищение тех негров, которые находились в руках лесных капитанов. Эта церковь была покровительницей всех страждущих негров, и они, мучаясь в своих далеких зензалах, молились святой богородице целительнице. Те же, кто добивался свободы бегством, приносили свои оковы в дар благословенной церкви. Центральная часть храма постепенно превратилась в музей орудий пытки. Воскресные мессы заканчивались собранием аболиционистов.

* * *

³⁵ *Реденсан* – искупление, спасение.

В это утро не все присутствовавшие на воскресной мессе спешили разойтись по домам. Несколько юношей и даже одна девушка в сопровождении компаньонки, дождавшись ухода остальных верующих, собрались у алтаря, где царил приятный полумрак, в котором мерцали бледные огоньки. В большом затихшем храме стоял запах ладана, еще не рассеявшийся после богослужения.

Глаза людей, привыкнув к полумраку, скользили по стенам церкви – там было выставлено то, что клеймило позором рабовладельцев. Висели бакальяу – ненавистные пятихвостые плетки, которыми надсмотрщики превращали спины невольников в кровавое месиво. И либамбо, похожие на ветви деревьев, с колокольчиками на концах, которые выдавали присутствие беглых негров. И кольца, к которым приковывали невольников. И железные зажимы, так сдавливавшие пальцы, что они ломались, – все эти орудия применялись при допросах, когда жертва отказывалась говорить. И кандалы. И колодки. И многое другое. Никто не в силах был окинуть взором стены этого храма, не испытывав чувства отвращения и ужаса оттого, что рабство еще существует. Каждый день из провинции прибывали каиафы, привозили с собой все новые экспонаты для пополнения этой страшной коллекции.

Когда оставшиеся после мессы убедились в том, что в церкви нет посторонних, они обменялись дружескими приветствиями и один за другим прошли в ризницу, а оттуда в обширное, скудно обставленное помещение братства. Его руководитель, брат Антонио Бенто де Соуза э Кастро, благодаря своему авторитету, добился того, что это братство заняло главенствующее положение во всем аболиционистском движении. 1 октября 1882 года, обосновывая петицию к правительству «в пользу несчастных невольников», Бенто заявил, что братство будет стараться всемерно улучшить участь рабов. Под посланием было собрано много подписей, его хорошо встретили при дворе, но это не привело ни к каким результатам. Свободу не просят, ее завоевывают...

* * *

Глава братства пришел очень рано, и до сих пор еще у него не было свободной минуты. Он принимал всех желающих с ним побеседовать не торопясь, с неизменным добродушием, с дружеским словом, с уместной шуткой. Антонио Бенто был человеком «в чьем обществе нельзя оставаться грустным», как писал о нем один журналист.

В то время ему уже перевалило за сорок. Он был высокого роста, хорошо сложен, гибок. Зачесывал волосы назад, носил остроконечную, уже начинавшую седеть бородку; почти не расставался со своими очками, которые всегда были так тщательно протерты, что казались без стекол. Характерным в его одежде был испанский широкополый плащ на яркокрасной бархатной подкладке, который придавал ему какой-то сатанинский вид. Но на самом деле он был воплощением доброты, кротости и ласки.

В помещении братства Антонио Бенто принимал посетителей, беседовал с журналистами и политическими деятелями, сообщал новости, полученные из провинции. После воскресной мессы здесь обычно собирались выдающиеся представители освободительного движения; беседовали, спорили. Все это происходило открыто, среди бела дня; двери братства всегда были готовы принять каждого, кто хотел участвовать в собрании.

Вот почему в это воскресенье вместе с другими в братство пришли трое уже знакомых читателю персонажей: дона Лу, как всегда в сопровождении мадемуазель Жувины, и вслед за ними Лаэрте. Они пробыли здесь довольно долго. Стоя у окна в ожидании, пока Антонио Бенто закончит беседу с Антонио Пасиенсия, они поглядывали на узкую улицу, где женщины переговаривались между собой из окон домов.

Антонио Пасиенсия, если верить газетным статьям, был «опасным» аболиционистом. Обычно он выполнял наиболее сложные поручения, которые требовали длительной и тщательной маскировки. Мягкий в разговоре и энергичный в действиях, он часто принимал поручение поехать в провинцию и проникнуть на ту или иную фазенду. Владея несколькими профессиями, он легко получал работу: мог быть каменщиком, плотником, бухгалтером, учителем — последнее было особенно важно.

Поступив на фазенду, он начинал пропаганду среди негров. Сначала сводил знакомство с каким-нибудь негр-тенком, который в свою очередь связывал его с зензалой. Потом начиналась долгая, внешне незаметная, кропотливая работа в течение многих дней и месяцев, пока в одно прекрасное утро фазендейро, проснувшись, неожиданно не обнаруживал, что зензала взбунтовалась и все рабы уходят в те края, где легче добиться свободы...

К этому моменту Антонио Пасиенсия обычно уже имел в запасе целые сутки, чтобы спастись от гнева хозяина. Он возвращался в Сан-Пауло, проводил несколько дней в сво-

ем братстве, в доме Антонио Бенто и у других каиаф. Затем наступал день, когда его снова посылали в какой-нибудь отдаленный район повторить свой подвиг на другой фазенде.

Антонио Пасиенсия под своей настоящей фамилией жил только в Сан-Пауло; во время же своих поездок он пользовался распространенными именами, как, например, Жука, Шико, прячась за которыми чувствовал себя в относительной безопасности, ибо слава о нем бежала по свету и ему Уже не раз предсказывали хороший заряд в спину. Не он один – все каиафы носили простейшие подпольные клички, чтобы их было труднее опознать.

Антонио Пасиенсия был всецело предан делу освобождения и отдал ему все. Будучи подрядчиком на общественных работах, он жил спокойной, обеспеченной жизнью. Но, вдохновившись идеей освобождения рабов, мало-помалу отдался пропаганде; кончилось это тем, что он потерял все свое состояние. «Время и деньги, которые он потратил на дело освобождения негров, привели его к нищете».

Таков был этот простой и спокойный человек, который стоял сейчас перед Антонио Бенто, возможно, отчитываясь в своем последнем подвиге. После дружеского разговора, во время которого он вертел в руках шляпу, Антонио Пасиенсия молча вышел, словно отправился за угол выполнить какое-нибудь пустяковое поручение. Дона Лу, которая хорошо его знала, не могла удержаться от улыбки, видя его столь флегматичным: ей было известно, какого рода задания ему доверялись.

– Добрый день, Фелисберто! – обратился Бенто к человеку в грубой одежде с красными от глины руками и заговорил с ним вполголоса.

Дона Лу рассказала Лаэрте, кто этот человек. Он был хозяином кирпичного завода на дороге в Ипирангу. Его предприятие, по существу, представляло собой лагерь для беглых рабов. Негры ходили там с листом жести на спине, висевшим подобно плащу. Этот лист был им очень полезен: защищал от дождя, а иногда служил постелью.

После того как Фелисберто распрощался, вошел другой каиафа – один из представителей местной интеллигенции, – звали его Иполито да Силва. Антонио Бенто горячо обнял его.

– Что нового, Иполито?

– Два важных факта, которые, если сочтешь нужным, можешь предать гласности через «Реденсан»... Хочешь уз-

нать, в чем дело? – И, не дожидаясь ответа, принялся рассказывать громким голосом, так, чтобы все его слышали...

* * *

Одна помещица с Запада, приехав по делам в Сан-Пауло, привезла с собой двух рабынь-мулаток: она опасалась, что, если оставит их дома, тамошние каиафы за время ее отсутствия совратят рабынь с пути истинного, то есть попытаются их освободить. Когда поезд подошел к вокзалу Луз, какой-то каиафа в суতোлке сумел похитить одну из мулаток. Он отвел девушку к своим родным, где ей было оказано гостеприимство. Помещица подняла крик, вызвала полицейского агента Жануарио. Он не заставил себя ждать и появился в своей широкополой шляпе, со своей знаменитой тростью весом в три кило, но ничем не мог помочь, кроме совета: немедленно обратиться с жалобой к начальнику полиции.

Тогда помещица отправилась в полицейское управление. Кабинет начальника, как вам известно, расположен на верхнем этаже. Просители обычно целыми часами ждут в приемной.

Помещица с другой рабыней вошла в приемную, чиновник для поручений пошел доложить шефу, и через несколько минут начальник полиции пригласил просительницу в кабинет. Невольницу сеньора оставила в приемной. Немного погодя вошел чиновник и сказал мулатке, что хозяйка ожидает ее на улице. Невольница спустилась вниз. У двери она нашла шарабан; извозчиком был Касапава. Он велел ей сесть рядом с собой и покатил.

Когда помещица вышла из кабинета, заручившись обещанием начальника полиции заняться ее делом, она в изумлении и бешенстве обнаружила, что и вторая невольница сбежала...

– Ну, а другой факт? – спросил Антонио Бенто.

– Вот он... Одного беглого негра задержали и посадили в тюрьму с тем, чтобы передать хозяину, если тот за ним явится. Этому негру не везло. Он уже трижды пытался бежать, но каждый раз попадался в руки лесным капитанам.

На другой день на рассвете арестованного забрали из тюрьмы и связанного, под конвоем двух лесных капитанов препроводили в Бом-Ретиро для отправки в Агуа-Бранка, опасаясь, как бы в Сан-Пауло его не выкрали неутомимые каиафы.

Однако наши друзья узнали об этом плане и подстерegli путешественников у вокзала. При неясном свете туманного утра слышались выстрелы, началась беготня, лесные капитаны пустились наутек, а брошенного ими негра каиафы взяли под свое покровительство.

И вот на другой день первым поездом на Рио-де-Жанейро в столицу отправился черный-пречерный падре, закутанный в широчайшую сутану...

Пассажир доехал благополучно. На вокзале Дон-Педрo его встретили двое юношей с белыми камелиями в петлицах. То был условный знак, но, кроме него, требовался еще и пароль. Падре вспомнил, чему его научили, и пробормотал:

– Раул...

Незнакомцы ответили:

– Серпа.

Знакомство состоялось – это были друзья. Негр мог безбоязненно следовать за ними. И все трое исчезли на оживленных улицах столицы. Но пассажиры, совершившие путешествие вместе с черным падре, могли заметить два странных обстоятельства: во-первых, священник в течение двенадцати часов пути не спускал глаз с молитвенника и, во-вторых, что было самым нелепым, держал молитвенник вверх ногами...

Присутствующие хохотали до упаду...

* * *

А люди все приходили. Поэтому, как только Иполито да Силва распрощался, Лу подошла к Антонио Бенто, поздоровалась и представила ему Лаэрте, который по обыкновению сконфузился и не знал, как себя держать.

– Сеньор Антонио Бенто, я вам привела еще одного бишо...

Староста братства приветливо улыбнулся.

– Для религии или для дела освобождения?

– Я работаю только для освобождения. – Дона Лу показала свои мелкие зубки.

Антонио Бенто растроганно обнял Лаэрте:

– Здесь настоящее место для юноши. Займи свой пост. Им не удалось больше поговорить: помещение братства понемногу заполнилось людьми, среди которых было немало видных политических деятелей. Поэтому условились встретиться в тот же вечер на квартире у одного аболициониста.

Быть принятым в этой среде считалось честью, но для этого не требовалось блестящего титула, состояния или даже культуры. В эту дверь стучался всякий, кто лелеял великую мечту и душой и телом посвятил себя самому прекрасному идеалу эпохи. Здесь встречались аболиционисты, представлявшие все классы общества – люди со средствами и бедняки, люди разных религиозных верований и самых различных политических взглядов, нередко прямо противоположных друг другу, – и всех их роднило одно стремление. Либералы, как адмирал Жасегуаи, консерваторы, как адвокат Пенафорте Мендес де Алмейда, священники, как каноник Баррос, коммивояжеры, как Арзила, студенты, как Фелинто Лопес, торговые служащие, как Селестино Азеведо и Аугусто Филигрет, и даже полицейские чиновники, как помощник инспектора Каскан, – все эти люди, столь различные по своим воззрениям, были охвачены одним помыслом: искоренить рабство в Бразилии.

Лаэрте знал об этом – дона Лу рассказывала ему подробности кампании, насыщенной героическими эпизодами борьбы каиаф – студентов, извозчиков, негров, получивших свободу, и даже торговцев. Она, между прочим, рассказала своему новому знакомому об одном случае из истории освободительного движения, относящемся еще ко временам великого Луиса Гамы.

Постоянным товарищем Луиса Гамы был адвокат Педру Консидерасоэнс. Его так прозвали потому, что он любил без конца разглагольствовать по поводу самого простого дела;³⁶ его комментариям и замечаниям не было конца. Но в суде он оказывался незаменимым, внушая страх рабовладельцам. Другой адвокат, немало помогавший Луису Гаме, Албино Соарес Байран, был богаче Педру или, вернее, менее беден. Утверждали, что он совладелец какого-то магазина головных уборов. Однажды Луису Гаме понадобилось десять мильрейсов – ему не хватало этой суммы для выкупа невольника. Он велел одному из своих помощников найти обоих адвокатов. Тот отыскал Байрана и попросил у него десять мильрейсов для Луиса Гамы. Байран почесал затылок.

– Послушай, у меня только пять, и то на завтрак...

– Давай их сюда. Завтрак оплачу я.

Так Луис Гама собрал деньги и сумел освободить негра.

– И адвокаты в тот день не завтракали? – спросил Лаэрте.

³⁶ *Консидерасоэнс* – в переводе означает рассуждения, соображения, доводы.

– Завтракали, но в долг.

Оба рассмеялись.

– Вот как у нас делается... – добавила дона Лу.

Закончив дела в братстве, Антонио Бенто спустился по лестнице в типографию «Реденсан», занимавшую нижний этаж здания. Здесь он застал несколько аболиционистов, обсуждавших только что полученное из провинции сообщение о новых зверствах фазендейро. Неподалеку от столицы один из самых закоренелых рабовладельцев подверг негра ужасной пытке. Острием перочинного ножа он вырезал на его ладонях кровавые кресты. Затем обмотал шею негра цепью и повесил его на балке кровли. Длину цепи фазендейро рассчитал так, что невольник был вынужден все время стоять на цыпочках, чтобы не задохнуться. Всякий раз, как усталость одолевала невольника, железная цепь впивалась ему в горло; тогда он в предсмертном усилии со стоном выпрямлялся и хватался за цепь обагренными кровью руками. Эта пытка длилась несколько дней и закончилась лишь тогда, когда об этом стало известно всему городу и сердобольные люди попытались вступить за негра. Фазендейро внял их просьбам и вытащил невольника из железной петли. Но негр, закатив глаза, только расхохотался, чем немало напугал собравшихся.

Когда Антонио Бенто прочитал это сообщение, он побледнел, лист дрожал в его руках. Однако, сразу овладев собой, он стал отдавать распоряжения:

– Надо привезти невольника в Сан-Пауло!.. Показать его народу... Родолфо Мота! Родолфо Мота!

Из-за наборной кассы показался крепкий, улыбающийся человек.

– Поезжай и привези негра, которого пытали, – во что бы то ни стало!

Мота молча улыбнулся. Действовать было его стихией, такие поручения он принимал как дар.

– С тобой поедет Антонио.

Услышав свое имя, откуда-то появился крепкий, коренастый негр с живыми, умными глазами. Его специально было забирать ночью в зензалы и призывать рабов к бегству с плантаций. «Опаснейшая работа, – впоследствии писал о нем один современник, – настолько опасная, что Антонио в конце концов был убит, когда пытался перелезть через ворота одного поместья в Белемдо-Дескалвадо».

Но в ту пору Антонио был в расцвете своей деятельности.

– Будет сделано... – кратко ответил каиафа.

И двое друзей вышли на улицу, один за другим, так как дверь типографии была очень узкой.

Несколько часов Антонио Бенто писал за своей рабочей конторкой; на следующий день «Реденсан» рассказала об этом эпизоде и с неслыханной дотоле резкостью призывала к правосудию.

Калунга, как обычно, в своем длиннополом пиджаке и шапке из газетного листа, стоя на углу, протягивал прохожим газету...

VII

Сантисты

На следующей неделе Лаэрте Алвим, в душе которого дона Лу зажгла пламя аболиционизма, был направлен в Сантос с тайными поручениями. В половине восьмого он сел в поезд и уже в одиннадцать прибыл в Сантос. Было условлено, что, сойдя с поезда, он отправится на привокзальную площадь, держа в руках «Реденсан». Это был условный знак. Его встретят молодые люди с белыми камелиями в петлицах – члены местной аболиционистской лиги.

У этой популярной в городе организации не было собственного помещения; ее члены собирались в садах, кафе и в домах друзей; методы работы аболиционистской лиги были разнообразны, но предпочтение отдавалось разъяснительным беседам в общественных местах. Происходило это обычно так. В кафе якобы случайно встречались двое...

– Добрый вечер, Мело!

– О, ты, оказывается, здесь...

– Послушай, вышел новый номер «Пирата». Его выпускают учащиеся средних школ. Это шедевр. У Жако Шалапа, этого «барриги верде»³⁷ из Блуменау, прекрасный почерк. И он помешан на освобождении. Целые ночи пишет об этом...

И он показывал приятелю рукописную газету – так, чтобы ее могли увидеть присутствующие.

В беседу постепенно втягивались и другие посетители кафе. Возникали споры; собеседники разделялись на партии. И юноши из аболиционистской лиги брали верх, так как представляли собой интеллигенцию города. Все они в

³⁷ «Баррига верде» (зеленый живот) – прозвище, дававшееся уроженцам провинции, ныне штата, Санта-Катарина.

большей или меньшей степени были ораторами, но самым красноречивым из них, несомненно, был Рубим Сезар, он без труда овладевал аудиторией. Полиция, обычно закрывавшая глаза на подобные сборища, однако, внимательно следила за речами членов лиги.

Наконец власти провинции запретили эти собрания в общественных местах, ибо зачастую получалось, что дело освобождения негров отодвигалось на задний план, а молодые люди горячо обсуждали вопросы политики и религии. Находились и такие, что читали вслух нелегальные революционные брошюры, полученные из Швейцарии.

Лаэрте стоял у дверей вокзала, выходящих на площадь, делая вид, будто читает «Реденсан»; он вспоминал наставления, полученные перед отъездом, когда к нему приблизились двое юношей...

– Жабакуара?

– Жабакуара!

Они радостно обнялись. Это были Тото Бастос и Артур Андраде. У них сразу же установились дружеские отношения с посланцем из Сан-Пауло; разговаривая и смеясь, как старые товарищи, молодые люди тронулись в путь.

Лаэрте был в Сантосе впервые и никогда не видел моря. Выйдя на запруженную повозками площадь, он почувствовал горячее дыхание земли, запах моря и гниющих на берегу водорослей, доносившийся с залива. Он посмотрел налево: там находились склады, а невдалеке пришвартовывались суда.

Проходя мимо одного киоска, они увидели толпу, окружившую крепкого белозубого мулата с толстой шеей.

– Я из Пернамбуко, – начал он свою речь, – служил матросом императорского флота... Вы слышите?

Слушатели еще теснее сомкнулись вокруг оратора. Он продолжал говорить тем же простым, доступным языком, – чтобы каждый мог его понять.

Юноши на ходу крикнули ему:

– Жабакуара!

Мулат снял шапчонку, какую обычно носили грузчики:

– Жабакуара!

Тото Бастос объяснил: это Эуженио Вансойт. Он всегда агитирует среди простого народа.

Вскоре Лаэрте увидел старую часовню; к стене была прикреплена большая черная доска с написанными мелом словами:

«Театр Гуарани – Воскресенье – Ровно в 8 часов – Пьеса Сакраменто Макуко „В тени хижины“ в постановке

кружка молодых аболиционистов – Валовой сбор со спектакля предназначается для выкупа одного невольника – Будет говорить Рубим Сезар».

Немного подальше перед Лаэрте открылась другая часть порта; вода здесь была грязной, почти черной, и на ней сияли отблески – как тлеющие угли на пожарище. Лаэрте показал своим спутникам на мачты и спросил:

– Эти корабли увозят беглых негров?

– Бывает и так. Здесь поблизости есть аптека Арруды Мендеса; вот его люди этим и занимаются. Когда все договорено, Сантос Гаррафан отправляется в агентство, где есть служащие-аболиционисты, и говорит, как если бы речь шла о перевозке товаров: «Мне нужно место для двадцати-тридцати тюков табаку». Служащий спрашивает начальство, и в случае положительного ответа негры входят на борт под видом грузчиков: судно поднимает якорь, и через несколько дней, маскируясь таким же образом, беглые высаживаются в Аракажу, в Анградос-Рейс или в Дестерро...

– А за границу их не отправляют?

– Это значительно труднее, – ответил Артур, – но все-таки удастся. Я расскажу тебе историю одного беглого раба. Года три тому назад невольник Жоаким Триндаде, принадлежавший семейству Шавиер де Морайс, добрался морем до Нью-Йорка. Добрые люди из аболиционистской лиги поместили его как «табачный тюк» на каботажное судно, которое направлялось в Рио-де-Жанейро. Прибыв туда, негр укрылся в указанном ему месте. Несколько дней спустя столичные «белые камелии» устроили ему проезд на другом каботажном судне, которое высадило негра ночью где-то на Севере. Несчастный беглый негр, голодный и почти раздетый, брел по берегу моря до тех пор, пока в один прекрасный день ему не пришло спасение в виде жангады...³⁸

Как вы знаете, жители Сеара много сделали для освобождения негров, и с 25 марта 1884 года в провинции Сеара уже нет рабов. В этом деле большую помощь оказали жангадейро.

– Жангадейро?

– Да, они... Храбрые, как львы, добрые, как карнаубские пальмы, которые дают человеку убежище, пищу и воду, жангадейро написали и продолжают писать на зеленой глади морей благородную поэму человеческой солидарности. Когда рыбаки Форталезы узнали о том, что в мо-

³⁸ Жангада – рыбацкий плот с парусом.

ре должен выйти корабль с бежавшими из других провинций рабами, которых полиция собиралась силой вернуть хозяевам, они забаррикадировали выход из порта, заполнив бухту своими плотами и лодками. Ставили жангады борт к борту, связывали их, пока в конце концов не образовалась сплошная плавающая стена. Напрасно настойчиво гудела сирена корабля, тщетно пытавшегося выйти в открытое море. Напрасно просило судно дать дорогу. Капитан и пассажиры знали, что всему виной беглые рабы, томящиеся в трюме... Несколько часов спустя полиция посадила пленников на катер, и в порту выпустила их на волю. Лишь тогда, как по волшебству, плоты расцепились, колышущаяся стена из древесных стволов распалась на тысячу белопарусных жангад, и корабль мог теперь свободно выйти из порта.

Но особенно хорошо проявляют себя жангадейро в южных водах. Они плавают на дюжине связанных между собой бревен – на своих грубых судах с белыми парусами, похожими на знамя мира между людьми. Жангадейро, застывший у руля, неподвижен, как каменное изваяние. Жангадейро, в бурю управляющий парусом, монументален, как колонна; а когда шквал стихает и жангадейро, потягиваясь, простирает руки в стороны, издали он похож на распятие.

Когда Жоаким Триндаде, бредя по побережью, смутно различил на горизонте жангаду, он упал на колени, сложил дрожащие руки и обратился к жангадейро – этому живому кресту – с мольбой о помощи. Его призыв был услышан. Жангада изменила курс, подошла к берегу и, раскачиваясь на волнах, бросила якорь в небольшой бухте. Беглый негр бросился в воду и побежал навстречу своему спасению. Жангадейро протянули ему руки, помогли взобраться на плот. Несчастный умирал от усталости и голода; морская вода стекала с его ветхих лохмотьев. Сеаренцы угостили его куском солонины и горстью муки. Затем, когда беглец пришел в себя и проникся доверием к жангадейро, он улегся на циновку и заснул.

Жоаким проснулся только ночью. Его первым ощущением свободы была бесконечность неба над бесконечностью моря. Не спеша набегали темные волны, поднимали и опускали жангаду, словно большую колыбель. И суденышко плыло по чудесной милости Христа, при тревожном свете звезд. Негр открыл глаза и снова закрыл их. Это не может быть правдой, ибо правда для него всегда была печальной... Должно быть, все это ему грезится, ибо только во сне являлось ему счастье. Он повернулся на циновке и снова за-

снул. Мелкие волны, слегка ударяясь о бревна, пели песни милых сердцу негритянских хижин... Негр спал. Это была первая счастливая ночь во всей его жизни. Когда он проснулся, светало. Все было золото и лазурь, а там позади еще виднелось темное пятно – земля. Впереди его ждала другая земля, уже освободившая своих рабов. То была земля господня, где люди жили, как братья.

Жангадейро ободряюще улыбались Жоакиму. Эти люди были белые, но обращались с ним, как равные с равным. Неожиданно негр забеспокоился:

– А от Сеара я могу ехать дальше, все время дальше?

– Ясное дело! Ты свободен, брат!

Эти слова подарили ему весь мир. Дар этот был так велик, так велик, – до сих пор еще ни один король не смог преподнести такого другому королю.

В Сантосе долго ничего не знали о судьбе негра Жоакима Триндаде. Но в прошлом году на рождество семья Шавиер де Морайс получила письмо из Нью-Йорка от своего бывшего раба. Он переименовал себя Жоакимом Триндаде на Джо Тринити, писал, что служит швейцаром в одной конторе на Манхэттене...

Лаэрте задыхался от жары. Солнце жгло, как сквозь лупу. Над городом собиралась гроза, вскоре разразится ливень, но вода, падая на землю, нагревалась, и после дождя бывало так же душно. Иногда дожди шли несколько недель кряду, и казалось, что терзаемый тучами москитов город варится в кипятке.

«Шел ли дождь, светило ли солнце – порт непрерывно работал. Город, стоящий только на метр выше уровня моря, без причалов, почти без канализации, с ограниченным количеством питьевой воды, которая далеко не всегда текла из водопроводных кранов, безусловно, нельзя было считать приятным уголком. Искусственный лед в ту пору еще не был известен, в трюмах кораблей из Европы доставляли натуральный лед...» – писал впоследствии о Сантосе один из журналистов того времени.

Артур Андраде снова заговорил. Его пылкое воображение вызывало фантастические образы и картины. Когда под этим обжигающим солнцем речь зашла об импортируемом льде, он остановился на улице и, чертя палкой в воздухе какие-то фигуры, принялся мечтать вслух:

– Мы получаем лед с вечных ледников Швейцарии. В обмен, будь это только возможно, следовало бы посылать туда богатства нашей страны. Мы отправили бы миллионы и миллионы монет из солнечного света в сказочные страны

снега и холода. Нам не нужно чеканить их, как деньги; достаточно либо собирать эти монеты под деревьями, на лужайках, где свет рассыпается золотистой пылью и крупинками золота, либо искать их во время отлива у берегов, где пламя солнца дробится на мерцающие блики. Какие это были бы чудесные деньги! Мы наполнили бы ими трюмы судов. И, когда черные кили этих сказочных кораблей, груженных золотом солнечного света, пропадая в густом тумане, прорезали бы мутные воды Темзы, суда сияли бы и лучились. И все люди пришли бы делить сокровище, прибывшее из далекой Бразилии. Оно обожгло бы руки нищих. Его отвезли бы в зеленые от плесени кварталы Уайтчепеля, куда никогда не заглядывает луч солнца. Жена моряка стала бы прятать богатство под передником, чтобы не вызывать сплетен кумушек: «Марджери разбогатела. Откуда это?» Придя домой, она засунула бы солнце в печку под торф, и он воспламенился бы. Детишки соскочили бы с железной кровати и солнцем Бразилии стали бы отогревать свои красные оледеневшие ручки. Из Англии солнце перевезли бы дальше, в Германию. В зимние месяцы женщины в чепцах, закутанные в шерстяные шали, пошли бы выторговывать его у продавцов угля. И, бережно спрятав, понесли бы домой. И возникли бы пересуды: «Гретхен так тщеславна, что посыпает волосы легкой солнечной пылью Бразилии; поэтому-то она и стала такой светловолосой». Из Германии наше солнце отправили бы в окованных железом сундуках еще дальше, в Россию. Тройки, нагруженные солнцем, помчались бы по русским просторам, чтобы оно засияло над степями. Царь приказал бы вычеканить из солнца пуговицы для своего парадного мундира. Придворные дамы носили бы его на корсажах. Бородатые мужики стали бы в полночь выкрадывать его, думая, что это золото. Преследуемые, они зарыли бы это богатство перед своими избами, в глубине далекой Сибири. И там возродилось бы солнце Бразилии. С наступлением весны перед домом каждого крестьянина в далекой сибирской глуши выросло бы дерево... бородатые русские мужики в лаптях и посконных рубахах стали бы называть его чудо-деревом...

Лаэрте и его спутники дошли до улицы Санто-Антонио, от края и до края заполненной повозками. У дверей складов образовывались очереди грузчиков с мешками кофе на плечах. Некоторые сгибались под тяжестью двух мешков, положенных один на другой. Если бы работа обогащала, эти люди были бы самыми богатыми в мире. Закончив работу, огрубевшие от безрадостной жизни и тяжелого труда,

грузчики толпились на углах и у входов в грязные кафе. Они ходили в штанах, завернутых до колен, их обнаженные спины лоснились от пота. Все они, закопченные палящим солнцем, выглядели неграми.

Дома в Сантосе были большие, старые, с фасадами, покрытыми кафелем, и широкими порталами с каменными ступенями. Часто встречались вывески с названиями фирм: «Теодор Вилле», «Хард Рэнд» и другие. Идя со своими новыми друзьями, Лаэрте ощущал тяжелый запах кофе, который поднимался из подвалов, где кофе дожидался, пока полуголые рабочие упакут его в мешки. Внимание Лаэрте привлекли каменные тумбы, поставленные на улицах, чтобы повозки не задевали за дома и не портили фасадов...

Несколько молодых людей во фраках и с модными галстуками, смеясь, беседовали у входа в таверну. Это были журналисты; многие из них принадлежали к числу аболиционистов. Проходя мимо, Тото Бастос и Артур Андраде перекинулись дружескими фразами с этими представителями богемы. Пройдя еще несколько шагов, они вынуждены были остановиться: на тротуаре лежал человек, вокруг него собралась толпа. Что бы это могло значить? Артур Андраде, спросив у какого-то знакомого, объяснил:

– Ничего особенного; просто приступ желтой лихорадки...

У Лаэрте похолодели руки, и по телу пробежала дрожь. «Уж не первые ли это симптомы болезни?» – подумал он и, чтобы отвлечь себя от этих мрачных мыслей, задал своим спутникам первый пришедший ему на ум вопрос:

– А где здесь пляж?

– Недалеко. После обеда, если у нас будет время, пойдем туда...

Еще несколько поворотов, и они дошли до места назначения. Пансион Брандины находился в глубине площади за дощатым забором между последним домом по улице Дирейта и темной громадой порта. Они пересекли заброшенный сад и подошли к дому. Это двухэтажное здание, наполовину из камня, наполовину из дерева, когда-то было выкрашено в зеленый цвет. Перед ним находился навес, где в жаркие дни некоторые обитатели пансиона, сибариты по натуре, любили завтракать. Вся передняя часть дома была отведена под ресторан, куда сходились пообедать люди, занимавшие в городе определенное положение, но жившие на окраине. В эти часы зал заполняли коммерсанты, старшие приказчики, торговые агенты и таможенные чиновники.

Здесь запрещалось говорить о политике: умы были возбуждены, и Брандина старалась удержать своих экзальтированных посетителей в рамках благоразумия и спокойствия. Но хозяйка пансиона, бывшая рабыня семейства Фиуза, проявлявшая себя такой блюстительницей порядка, тоже проводила свою политику... Она была аболиционисткой... И одной из самых восторженных... Стремясь распространить освободительные идеи среди клиентов, она с похвальным тактом оборудовала в глубине дома зал для своих единомышленников. Там можно было говорить, жестикулировать, кричать – словом, любыми способами проявлять свой энтузиазм. Когда случайно в этот зал проникал чужак, ему приходилось выслушивать все благожелательно, без возражений, иначе ему показывали на дверь.

В этот всегда многолюдный и оживленный уголок приходили поест журналисты, поэты и писатели. Здесь часто можно было встретить Висенте де Карвальо; у него была мастерская, где шили мешки; его рабочие, по преимуществу беглые рабы, хорошо зарабатывали и жили, как свободные люди. Наряду с занятиями коммерцией он сочинял аболиционистские стихи, которые следует отнести к лучшим произведениям бразильской литературы.

Выдающиеся деятели освободительного движения – Жозе до Патросинио, Серседело Коррейя и Антонио Бенто, часто наезжая в Сантос, останавливались в пансионе Брандины. С балкона этого скромного здания произносили они зажигательные речи против рабовладельцев и монархии. Правительство и не помышляло отнять у них это право. Сам Котежипе, наиболее реакционный министр, хоть и противился немедленному освобождению рабов, но предоставлял аболиционистам свободу слова и печати.

Дом Брандины был центром конспирации. Здесь никто не боялся полиции, так как ее представители иногда сами участвовали в сборищах. Тотто Бастос, желая, чтобы Лаэрте уяснил себе обстановку в городе, рассказал ему о таком случае:

– Несколько месяцев назад с одной фазенды в Кампинасе сбежали два негра, ценившиеся по три конто «за штуку». Здешняя полиция сумела их изловить и сообщила об этом в Кампинас начальнику полиции, который решил лично приехать за такой ценной добычей. Он хотел показать жителям, что сумеет увезти рабов. Узнав об этом, аболиционисты собрались в пансионе и здесь, смакуя курицу под соусом – ее мастерски готовит Брандина, – составили план, как помешать отправке рабов.

Заведующих складами кофе предупредили о том, что произойдет. В час отправки пойманных негров рабочие – упаковщики кофе – собрались как бы из любопытства на площади Монте-Алегре, напротив вокзала. Все вышло, как было задумано... Один из рабочих, если мне не изменяет память, Педру Баррейро, ловкий и умный негр, вооружился лопатой для перемешивания кофе и, когда двое невольников, конвоируемых конными полицейскими, появились на площади, подошел и ударил одну из лошадей лопатой по крупу. Поднялся шум, суматоха... Невольники, заранее наученные аболиционистами, бросились в толпу и добрались до заранее приготовленной лодки, на которой и поплыли по направлению к Бертюге. Начальник полиции с вытянутой физиономией так и остался стоять посреди площади... К перрону подошел поезд, пассажиры, вышедшие на платформу, узнав, в чем дело, разразились насмешками и освистали полицейских. А на площади аболиционистские ребяташки – в ту пору все дети были аболиционистами – выпустили дюжину свистящих шутих.

* * *

Трое юношей вошли в «зал друзей». Брандина встретила их в дверях, старательно вытирая руки о передник из цветистого ситца. Владелица пансиона была светлой, довольно полной мулаткой с ослепительно белыми зубами, которые она беспрерывно показывала в улыбке. Говоря вполголоса, юноши представили Лаэрте и передали важные сообщения, которые он привез из Сан-Пауло. Лаэрте почувствовал себя революционером, заговорщиком и с радостью подумал об улыбке, которой его встретит дона Лу, когда он вернется. Затем вновь пришедшие уселись, и начался общий разговор – все здесь были знакомы друг с другом.

Хозяйка пансиона очень благожелательно относилась к этим посетителям. Те, у кого не было денег, не унывали: они усаживались, ругали рабовладельческий режим, а затем, проглотив кофе, надевали шляпы и, не говоря ни слова, уходили. Здесь действовало своеобразное соглашение: Брандина ничего не записывала, но должник сам на следующий день или когда мог приходил и вручал определенную сумму, которую она, не считая, совала в карман передника. Посетители большого зала знали об этом и кусали губы от зависти. Они утверждали, что любимчикам в «зале друзей» подаются более вкусные блюда, а некоторые, на-

строенные юмористически, добавляли, что Брандина зарабатывает в большом зале, чтобы тратить на малый... Она же, показывая свои ослепительные зубы, говорила: – Ну что ж!.. Удовольствие дороже денег! Не успел Лаэрте осмотреться, как в дверях кухни появился Сантос Гаррафан; позавтракав, он хотел проститься перед дальней дорогой. Уже давно вел он эту полную опасностей жизнь. Его история трогала всех...

Жозе Теодоро дос Сантос Перейра – таково было полное имя Сантоса Гаррафана – обычно входил с плеткой, висящей на узком плече, и окидывал взглядом небольшой зал, где его всегда радостно встречали. Это был низкорослый, полный человек с покатыми плечами и толстой, как бы сужающейся кверху шеей, которая заканчивалась круглой, маленькой, вечно взлохмаченной головой. В нем находили некоторое сходство с бутылкой; этим и объяснялось происхождение его прозвища.³⁹ Брата Сантоса, очень на него похожего, жители города прозвали Сантос Ботижа.⁴⁰ Оба они были португальцы, простые люди без всякого образования. Но Сантос Гаррафан в глубине души питал нежную привязанность к Брандине, чем, возможно, и объяснялось его увлечение аболиционистскими идеями. Он разделял ее энтузиазм. Он стал народным героем. И одним из самых любимых.

VIII

Жабакуара

Во время завтрака Лаэрте познакомили с Кастаном. Этот аболиционист отличался высокой культурой, много путешествовал, писал в газетах. Условились, что Лаэрте переночует у него дома, вернее, в комнате при складе, где обитал этот будущий историк освобождения, ныне скромный служащий. В этой комнате он жил вдвоем с кубинцем по имени Бенито, который в свободное время писал стихи.

После завтрака, за которым было много разговоров, Лаэрте и Кастан вышли вместе; один собирался посмотреть, где он будет сегодня ночевать, другой – зайти в контору склада, а оттуда в порт. Они поехали трамваем и сошли на углу у часовни. Дом, где предстояло поселиться Лаэрте, был с мезонином. Внизу находился обширный и тем-

³⁹ *Гаррафан* – большая бутылка.

⁴⁰ *Ботижа* – кувшин с узким горлышком, короткой шейкой и небольшой ручкой.

ный склад. Ослепленный ярким уличным светом, взор с трудом различал штабеля мешков. Между ними сновали люди. Согнувшись под тяжестью, они носили мешки к тележкам. В дверях с печатью в руке стоял Бенито и штемпелевал мешки. Это был юноша с глазами навывкате; он работал без пиджака, но в соломенной шляпе, сдвинутой на затылок. Лицо его лоснилось от пота и казалось отполированным. Вытирая рукавом лоб, он еще был способен отпускать шутки по адресу прохожих.

Лаэрте проследовал за Кастаном. Они поднялись по темной и узкой лестнице на второй этаж, где были расставлены грубые скамьи и высился дощатый барьер с проволочной сеткой и двумя дверцами для клиентов. На прилавке лежали десятки коробочек с образцами кофе; за ними приходили торговые агенты и потом предлагали их на бирже. В конторе за барьером стояли два стола и стулья, на стене висел отрывной календарь и расписание движения пароходов. Удушливо пахло кофе, из порта доносился запах гниющих водорослей и тысячи других тошнотворных запахов.

Кастан и Лаэрте прошли через темный коридор и очутились в просторной комнате, которой заканчивался мезонин. Здесь было так темно, что даже днем приходилось зажигать свечу. Кастан так и поступил. Лаэрте осмотрелся; в этой квадратной коробке с высоким потолком, с толстыми и сырыми стенами, с позеленевшими от плесени углами и жил его товарищ – аболиционист. Пол был сбит из широких, плохо пригнанных досок, с крысиными дырами по углам.

В комнате стояли три холостяцкие койки и столик с книгами, бумагами, плоской стеклянной чернильницей, ручкой и подсвечником, в котором торчал огарок. Затхлый запах сырости отравлял воздух. Студент подошел к одному из окон; оно выходило во двор соседнего дома, где помещалась пекарня и маленький сахарный заводик. Это был обширный огороженный участок; в углу его пышно разрослась абоборейра с желтыми цветами; посередине, на площадке, где земля превратилась в черную липкую грязь, кололи дрова для пекарни и заводика. Напротив окна виднелся низкий барак с односкатной железной крышей – такой же ничем не примечательный барак, как и многие другие в этом городе. Там жили грузчики со своими семьями.

Гость смотрел на эту картину и вдруг почувствовал отвращение. Во двор на большом блюде вынесли объедки от завтрака рабочих пекарни – они предназначались для ко-

шек и собак. Но им не так-то легко доставались эти косточки и кусочки сала! Дело в том, что огромные крысы, учуяв пищу, полезли из склада, из пекарни, из всех нор и захватили добычу себе. Кот смотрел на это сборище и держался в стороне, облизываясь в ожидании той минуты, когда он сможет занять место на банкете. Ему и в голову не приходило наброситься на непрошенных пришельцев: ведь крысы, сильные и жирные, как кролики, безусловно, прикончили бы его. Поэтому он предпочитал жить с ними в мире и согласии. У людей это называется политикой...

Лаэрте еще созерцал эту сцену, когда ему пришлось увидеть гораздо более неприятное зрелище. Жильцы барака вытащили во двор матрац, положили его на доски, затем вынесли из дома худого человека с желтовато-зеленым лицом и уложили его насколько возможно удобнее. Кастан объяснил, что это рабочий, заболевший желтой лихорадкой; семья вынесла его на воздух, чтобы ему легче было дышать: в таких лачугах стояла ужасающая жара.

Лаэрте снова содрогнулся. Он отошел от окна и вслед за Кастаном направился в контору. Распровавшись, они условились о встрече, затем Лаэрте спустился по лестнице и пошел в город, где его опять начал преследовать запах кофе, гниющих водорослей и пота. Он долго блуждал между нескончаемыми рядами двуконных повозок, которые под свист кнутов и ругательства извозчиков тащились к складам.

В тот же день после обеда Тото Бастос свел Лаэрте в Жабаквару, чтобы он по возвращении рассказал кааифам Сан-Пауло, что собой представляет «республика» Кинтино де Ласерда. Они доехали на трамвае до окраины города, а там начали подниматься в гору; подъем был трудным, подчас опасным. Время от времени к ним приближались группы негров, задавали вопросы, о чем-то спорили между собой, но под конец разрешали продолжать путь.

По дороге Тото Бастос рассказал юноше историю этого поселения беглых рабов.

С 1870 года в Сантос все чаще стали прибывать негры, бежавшие с дальних фазенд. Пьянея от свободы, они жили где придется, и лесные капитаны ночью захватывали их спящими во дворах церквей, у порогов домов или на просмоленном полу складов. Одна сантистская дама – дона Амалия де Ассис Фария, – посвятившая себя помощи беднякам, собирала этих несчастных во дворе своего дома, который вскоре стал убежищем для беглых невольников. Этот прекрасный пример оказался заразительным. Многие да-

мы из общества начали подражать ей, и спустя несколько лет власти провинции стали получать жалобы на наиболее почтенные семьи Сантоса, которые укрывали у себя беглых рабов... С другой стороны, беглыми кишели и леса побережья. Трагедия энженьо⁴¹ Невес была у всех на устах и вселяла трепет в рабовладельцев...

– Я ничего об этом не знаю.

– Тогда слушай. По другую сторону порта находилось энженьо и церковь богородицы Невес. Всякий раз в день церковного праздника по водам залива плыла странная флотилия. Сотни небольших судов, наполненных невольниками и белыми, следовали за большой разукрашенной цветами лодкой, на которой везли статую богородицы.

повсюду на берегу – иллюминация, церковные песнопения, танцы, костры, кентан. В течение нескольких часов белые и черные братались между собой. Соседним плантаторам это не нравилось, и после многократных угроз они подослали надсмотрщика Антонио Жоакима поджечь церковь. Это случилось... не могу вспомнить точно в каком году... Как-то ночью сензалы проснулись от звона колоколов. Высокое пламя озаряло небо. Невольники сразу же поняли, что это дело рук белого, взбунтовались и в свою очередь подожгли энженьо, помещичий дом, склад – все хозяйское добро. Фазендейро с трудом удалось бежать и добраться до Сантоса. Остаток ночи бунтовщики провели, танцуя вокруг костров. На рассвете они вспомнили о надсмотрщике, бросились его разыскивать и наконец нашли; спрятавшись под рогожей, он стучал зубами от страха. Негры привязали его к жерди и, как кабана из леса, притащили на пепелище энженьо. Здесь облили его керосином, подожгли и отпустили. Объятый пламенем, этот живой факел побежал к морю, стремясь броситься в воду. Но это ему не удалось. Он упал. От надсмотрщика Антонио Жоакима осталась лишь черная, скрюченная, дымящаяся головешка.

Тем временем негры стали бесноваться, как одержимые: кричали, метались; трещали ганзы,⁴² пляска принимала все более буйный характер... После этой ночи негры энженьо Невес – а их было много – ушли в леса и стали киллоболами. Главой их сделался дядюшка Фелипе. С тех пор

⁴¹ *Энженьо* – плантация сахарного тростника с небольшой сахароварней при ней.

⁴² *Ганза* – бразильский народный музыкальный инструмент, представляющий собой жестяную коробку с ручкой, наполненную мелкими камешками, которые при потряхивании издают характерный шуршащий треск.

окрестные леса наводили на всех ужас. Еще и теперь, когда говорят о трагедии энженьо Невес, рабовладельцы испуганно таращат глаза...

Устав от подъема по козьим тропам, Лаэрте остановился. Негры сверху наблюдали за пришельцами. У юноши создалось впечатление, что за колючим кустарником притаились дозорные с карабинами.

Его товарищ, увлеченный своим рассказом о поселениях беглых, продолжал:

– В 1880 году аболиционистское движение охватило молодежь Сантоса. К этому времени уже почти нигде было прятать негров. А из провинции их прибывало все больше и больше, и все эти несчастные нуждались в срочной помощи. Тогда Америко Мартине дос Сантос, бывший курсант военного училища, созвал собрание, в котором приняло участие много молодежи, – это было уже в 1882 году. На этом собрании решили создать поселение для беглых, нечто вроде киломбо, открытое для всех избавленных от неволи рабов. Вместо того чтобы негры прятались по дворам и погребам у дружественно настроенных людей, отныне им предоставляли хорошее и сравнительно безопасное убежище. Во время собрания провели сбор средств. В последующие дни внесли вклады и другие сторонники освободительного движения. Собрав эти средства, кстати сказать, очень скромные, организаторы выбрали место для киломбо на заброшенном плоскогорье за этими холмами. Место здесь дикое, пустынное, но, как видишь, хорошо защищенное.

Разговаривая, они дошли до большого низкого дома, построенного над оврагом и окруженного изгородью из забитых в ряд жердей. Окна дома были увиты розами. В саду лаяла собака.

– Эй, кто там в доме? – крикнул Тото Бастос.

Пожилой человек, копавшийся в огороде, выглянул через изгородь.

– Добрый день, сеньор Бенжамин Фонтана! Проходили мимо и решили поздороваться с вами...

– Добрый день, мальчики!..

И он стал оживленно приглашать их войти и выпить кофе. Но юноши вежливо отказались – у них спешное дело. Старый итальянец понимающе подмигнул. Он-то уж знает, что это за дело*. Он проводил их взглядом, пока они не исчезли за последним поворотом дороги, где уже начиналось другое владение.

Это было имение чиновника Жералдо Лейте да Фонсека. В доме никого не было, за окнами в клетках прыгали птички. Еще несколько поворотов, и молодые люди, запылавшись от быстрой ходьбы, неожиданно остановились.

Перед ними среди вырубленного леса расстилалась Жабакуара.

Там проживало около пятисот беглых негров, которые до создания киломбо укрывались по всему Сантосу. Многие прибыли только недавно. Ежедневно реку Каскейро переплывали десятки беглых рабов. Но куда же пришли юные друзья? Тото Бастос объяснил Лаэрте, что дозорные у дороги уже сообщили о мирном характере этого посещения и поэтому их присутствие ни у кого не вызывает беспокойства. Появись это не они, а лесные капитаны, из-под земли, как по волшебству, выросли бы вооруженные негры.

Они увидели примитивные, наскоро сколоченные хижины, маленькие плантации и кое-где даже скот. Ремесла были представлены производством корзин, решет и соломенных шляп. Здесь уже были построены длинные ряды дощатых бараков, крытых железом, где на первое время устраивались беглецы, непрерывно прибывавшие в киломбо...

Дядюшка Фелипе, глава беглых рабов с энженьо Невес, тоже перебрался в Жабакуару со всеми своими людьми. Однако он не захотел подчиняться Кинтино де Ласерда и обосновался неподалеку. Сейчас – это поселение было отсюда видно, Тото Бастос указал на него концом палки – дядюшка Фелипе со своими неграми исполнял батукэ.⁴³

* * *

В первое время после основания Жабакуары дела здесь шли неважно. Киломболам, поселившимся в этом райском уголке, нужен был руководитель. У аболиционистов для этой роли подходил только Кинтино, родом из Сержипе, повар семьи Ласерда Франко. Освобожденный невольник, как в то время было принято, взял себе фамилию хозяина. Под этой фамилией и завоевал себе популярность Кинтино, или, как называли его товарищи, Тинтино.

В период расцвета монархического режима он объявил себя президентом «республики» Жабакуара. Раньше всего он занялся обороной территории своего «государства», что

⁴³ *Батукэ* – негритянский танец, сопровождаемый игрой на ударных инструментах.

немало облегчалось топографией местности. Вскоре у него уже имелся небольшой вооруженный отряд в двести человек, готовых защищать свою свободу.

У Сантоса Гаррафана, с которым Лаэрте познакомился в пансионе Брандины, была небольшая лавка, и, воодушевившись идеей помощи киломбо, он стал снабжать беглых рабов продовольствием. Каждый день в Жабакуару отправлялись корзины с сушеной треской, куски вяленого мяса, жгуты табака, мешки с фасолью и мукой. В результате Гаррафан, как все это и предвидели, разорился. Имущество его было продано с молотка, и после расплаты с кредиторами у Гаррафана хватило денег только на то, чтобы купить повозку и осла. Но несчастье не сломило его – он по-прежнему душой и телом был предан делу освобождения. Каждое утро он объезжал город, собирая продовольствие для киломбо. Когда тележка наполнялась доверху, он упаковывал продукты в мешки и отправлялся в Жабакуару, где его встречали радостными восклицаниями и песнями...

Тото Бастос и Лаэрте шли по киломбо. При их приближении из хижин выглядывали беглые рабы. Кое-где перед лачугами уже обжившиеся здесь негры плели корзины и решета. Дынные деревья сгибались под тяжестью плодов. Стволы бананов склонялись к хижинам, как бы предлагая свои зеленоватые гроздья. Кудахтали куры. Тощие собаки неистово лаяли на прохожих.

Негритянки в кое-как сшитых платьях, стянутых у пояса полосой ярко-красной материи, с кувшинами воды на голове возвращались от источника к своим хижинам. Дорога огибала холмы и, казалось, пропадала в направлении Сан-Висенте; от нее шли тропинки к хижинам. Повсюду рос густой кустарник, попадались кокосовые пальмы. Над вершинами деревьев стлался слабый дымок. С наступлением вечера запели цикады, обосновавшиеся в верхушках жака-тиранов.

Случалось, что в городе выдумывали всякие небылицы; вполголоса рассказывали о беспорядках и даже тайных колдовских радениях в киломбо. Сторонники рабовладения в сюртуках и с седеющими бородками настойчиво доказывали, что белые помогают киломболам только из развратных побуждений. Но никто не верил этой клевете, ибо свобода была у сантистов в крови. Даже школьники, носившие сапоги с короткими голенищами и галстуки бантиком, в своих рукописных газетах призывали к освобождению негров. Даже простые, неотесанные люди, что напиваются До бесчувствия, и те присоединялись к аболиционистам. Каж-

дый вечер на площади Ларго-до-Розарио Камаринья обращался к народу... Этого человека не спутаешь ни с кем. У него была необыкновенная, надолго запоминающаяся внешность: создавалось впечатление, будто молния разорвала его тело пополам; одна половина умерла, а другая, высохшая, восковая, расхаживала по улицам, продавая лотерейные билеты. Но как он говорил! Какой это был оратор!

Двое друзей еще по пути в «республику» беглых негров встретили здорового мулата с боровом; человек считал, что он ведет борова, а на самом деле боров вел человека. Животное шло на привязи и, переходя на бег, тянуло верзилу за собой. Тот упирался, приседал, кряхтел, но скотина брала верх. Наконец боров залез под колючий кустарник и потащил мулата за собой. Ветка вцепилась в шляпу и сбросила ее на землю. Мулат пытался вытащить борова из кустов, чтобы поднять шляпу, но животное все дальше и дальше забиралось в колючие заросли. Наблюдая за этой неравной борьбой, Лаэрте не мог удержаться от смеха и, движимый любопытством, поднял шляпу и передал ее владельцу.

– Дикий зверь, а?

– Чума, сеньор!

– Что ты с ним собираешься делать?

– Это для киломбо. Подарок от сеньора Фонтеса.

Лаэрте так и не удалось ничего больше узнать: боров с новой силой устремился вперед, таща за собой мулата. Дальше, уже у самого поселка, они встретили несколько повозок с продуктами. Впереди шел полный человек с короткой шеей... Тото Бастос обнял его. Это был Сантос Гаррафан. Лаэрте спросил:

– Это для киломбо?

– Да, сеньор.

– Кто же посылает им дары?

– Да я сам. Хожу по городу и собираю съестное. Потом везу все беднягам...

В это время из лесу вышел негритенок и, увидев Гаррафана, запел:

А вот мешок и жбан –

Дар богородицы

Да Консейсан...

Из хижин, из-под сени банановых зарослей, из глубины дворов начали появляться негры всех возрастов и обли-

чий. Они выходили на дорогу в надежде получить кусок мяса и куйю муки.

А негритенок продолжал прыгать и петь:

Дар богородицы
Да Консейсан
Везет в тележке
Сантос Гаррафан!

Португалец, уже не обращая внимания на Лаэрте и его друга, принялся распределять между неграми часть своего дневного урожая. Гаррафан знал всех киломбол по именам; он расспрашивал о больных, справлялся, приходил ли врач, доставлены ли лекарства...

Вечерело. Негры с кофейных плантаций и грузчики – все обнаженные до пояса, в широкополых соломенных шляпах с загнутыми полями – возвращались в свои хижины. Они еще не совсем отвыкли от рабских привычек, которые им долгие годы прививались в зензалах, но уже говорили громко, не таясь, и здоровались, как это принято у свободных людей – «добрый день» или «добрый вечер». Вместе с тем они со всеми держались скромно и почтительно. Негры обычно ненавидели своего хозяина, но не белых вообще, ибо негры – это раса, которая не умеет ненавидеть. Бог для того и дал им самые красивые зубы в мире, чтобы они всегда улыбались.

Когда совсем стемнело и на небе появились первые звезды, юноши вернулись в город.

В тот же вечер в здании «Освободительного общества» состоялось многолюдное собрание аболиционистов. Лаэрте, представленный присутствующим, передал местным руководителям привезенные им письма. В них содержались важные вести: Антонио Бенто сообщал о подъеме освободительного движения и ставил перед своими единомышленниками в Сантосе новую задачу: помогать legionам беглых невольников, которые, начав массовое переселение, придут искать свободу на земле, где с 27 февраля 1886 года больше нет рабства. Хотя в письмах не содержалось подробных разъяснений, аболиционисты понимали, что назревает нечто важное.

Собрание закончилось поздно. В дверях Лаэрте увидел поджидавшего его Кастана. Они пошли домой вместе.

Фонари излучали мертвенно-бледный свет. Уже ушли в парк последние трамваи. Однако на стоянках еще изредка встречались извозчики. На улицах не было ни души. В этот

час в душевной тишине, словно предвещавшей бурю, Сантос спал. Неожиданно сердце Лаэрте сжала тоска, навеянная этой ночью, этим пустынным городом, всем, что окружало его. Кастан шел молча, загадочно улыбаясь, не объясняя причин тоски, наполнявшей их души. Но вот, остановившись перед каким-то домом, он обратил внимание студента на желтый флажок, наспех приколотенный к двери.

– Видишь?

– Да... Что это?

– Желтая лихорадка...

В эту минуту на улице показалась черная, длинная карета с таким же желтым флажком.

– Это катафалк, – объяснил Кастан, – он сейчас развозит и мертвых и живых. Когда работы много, покойников просто перекидывают через ограду кладбища. Закапывать не хватает времени.

Они дошли до часовни на улице Сал. У входа спали нищие. В этот поздний час в темноте слышались хриплые голоса пьяных и любовные вздохи. Из-за оград доносились крики ночных птиц, писк крыс, стрекотанье сверчков. Сбоку показался дом с мезонином; на его выкрашенной черной краской стене виднелись два отверстия для вентиляции – два слепых глаза. Подальше, у поворота в переулок, под фонарем разговаривали несколько человек. Кастан был с ними знаком.

– Вышли подышать свежим воздухом?

– Нет, ожидаем катафалк.

– А-а...

– Умер Паланка; еще двое при смерти...

– Так лихорадка свирепствует? – отважился спросить Лаэрте.

– Да, прямо опустошает город... Санитарные кареты не управляют с перевозкой больных. Могильщики не успевают хоронить.

Освещая путь спичками, они поднялись к Кастану. Вошли в комнату и сразу же открыли окна из-за нестерпимой духоты и дурного запаха. Издали донесся характерный комариный писк. Зажглось робкое, как бы дрожащее от страха, бледное пламя стеариновой свечи. Хуже всего была овладевшая ими обоими какая-то неопределенность, тревога, тоска. Кастан, не раздеваясь, бросился на постель. Лаэрте подошел к окну. Вид неба изменился: среди низких и тяжелых облаков, несшихся на уровне вершины Монте-Серрате, открылся большой просвет, и в нем показалась чистая прозрачная луна. Лаэрте, которому еще не хотелось спать,

принялся наблюдать за двором. До него донесся аромат поджаренного хлеба, который неожиданно пробудил в нем аппетит. Ах, да, ведь там пекарня...

При слабом, неверном свете луны двор ожил. Как? Неужели больного оставили на улице, в ночной сырости? Да, на тюфяке под простыней угадывались очертания тела. Вокруг двигались и скользили какие-то крошечные тени. А! Это был уже не больной, а труп. Жители барака оставили покойника на земле. И под простыню забрались крысы; они там возились, шуршали, испуганно попискивали...

Он отошел от окна. Кастан спал. На другой постели кто-то безмятежно храпел. Должно быть, это кубинец Бенито. Лаэрте лег на предоставленную ему койку, с головой накрылся простыней, но не мог заснуть. Всю ночь он слушал бой часов на колокольне церкви Санто-Антонио.

На рассвете у дверей остановилась какая-то повозка. Послышались голоса... Не приехал ли катафалк за покойником? Нет, это в пекарне начали выдавать клиентам хлеб. О, эта земля, где жизнь и смерть смешиваются до такой степени, что мы не в состоянии их различить!

Он встал и распрощался с товарищами по комнате. Кастан со свечой в руке проводил его до двери. Выйдя на улицу, Лаэрте быстрыми шагами направился к вокзалу. На углу под фонарем люди из барака все еще продолжали курить и разговаривать...

Повернув за угол, он столкнулся с Тото Бастосом и обнял своего нового друга.

– А где Артур Андраде? Почему он не пришел?

– У него желтая лихорадка. Вчера вечером свалился. Здесь это дело обычное...

И они, не сказав больше ни слова, вошли в здание вокзала, заполненное ранними пассажирами, преимущественно бедно одетым людом. С путей доносились гудки паровозов.

IX

Поход

Старый помещичий дом в Пайнейрасе выглядел заброшенной хижинкой; при каждой буре то отпадал кусок штукатурки со стены, то обрушивались стропила. Тогда Алвим останавливаясь во дворе, смотрел на разрушения и давал себе слово после уборки урожая заняться перестройкой дома.

Но время шло, и ничто не менялось. После отъезда Лазерте в Сан-Пауло жизнь здесь стала еще более унылой; дона Ана все дни проводила среди негритянок в хлопотах по хозяйству, а муж с самого утра расхаживал по плантациям и наблюдал за работой негров. Только вечером после кофе с домашним печеньем он развешивал газету и комментировал события в провинции и в столице. В хорошую погоду он выходил на веранду и проводил там долгие часы, размышляя над счетами, наблюдая за далекой спящей зензалай.

Однажды взволнованная дона Ана оторвала его от дум. Она уже собиралась ложиться, но вдруг услышала потрескивание и сразу же на кровать посыпалась сверху земля и обломки черепицы. Дом рушится! Муж побежал в спальню, зажег лампу и, задржав голову, принялся разглядывать балку, стропила и обрешетку. После этого он на всякий случай решил передвинуть супружескую кровать в боковой альков. На следующее утро фазендейро послал Салустио в Капивари за подрядчиком. Через несколько дней в Пайнейрас прибыли мастера с лестницами и инструментами. Среди них был плотник Жоан Пашеко. Их поместили ночевать в сарае.

И вот начались работы, сопровождаемые руганью негритянок по адресу каменщиков, которые таскали по всему дому ящики с известью, черепицу и кирпичи. Рабочие ходили по комнатам, не спрашивая разрешения, и шаркали по полу своими сапожищами, облепленными глиной. Пол покрылся коркой грязи толщиной в два пальца.

После обеда эти люди усаживались возле сарая, покуривая самодельные толстые сигареты. Однако Жоан Пашеко предпочитал разгуливать по фазенде: его видели то у жернова, то на пастбище, куда Салустио каждый вечер приходил сгонять разбредавшийся за день скот. Как-то во время одной из таких прогулок Жоан будто невзначай завел с парнем разговор:

– Куришь?

– Курю. Да вознаградит вас господь...

Жоан Пашеко вытащил кремень с трутом и принялся терпеливо высекать огонь.

– Много тут негров в зензале?

– Всего двадцать восемь...

– Почему же вы не бросите ее? Ты знаешь, что есть люди, которые не щадят своих сил для вашего освобождения?

– Знаю, сеньор.

– Так пользуйтесь случаем, бегите все из зензалы и направляйтесь в Сан-Пауло, остальное устроится...

– Но как?... Когда?

– Да в любой день; предупреди товарищей, и скоро вам скажут, что надо делать.

– Правда?

– Правда.

Издалека слышался голос Алвима, звавшего Салустию.

Парень побежал на зов хозяина.

После этого молодой негр и плотник встречались неоднократно и договорились об уходе с фазенды всех негров. Такие же приготовления к побегу происходили в это время и на других фазендах.

Ремонт помещичьего дома занял больше недели. Накануне отъезда каменщиков Салустию спросил своего нового друга:

– А если мы доберемся до Сан-Пауло, кого там искать?

– Сеньора Антонио Бенто из «Реденсан».

– От чьего имени к нему обратиться?

– От имени Антонио Пасиенсия... Но не понадобится ни к кому обращаться. Мы будем извещены о побеге, и каи-афы сами позаботятся обо всем. Извозчики, студенты, приказчики и печатники – все они ваши друзья. Не сомневайтесь в этом. Главное – начать действовать здесь, в зензале.

Они простились. Немного погодя мастера, забрав свои инструменты, покинули фазенду. Дом теперь стал надежнее, но, по словам Женовевы, превратился в хлев. Много дней кряду она и другие служанки мыли и скребли замазанный известью пол, на котором отпечатались следы сапог каменщиков. Однако спокойствие не вернулось в Пайнейрас. Каждый вечер, когда Алвим погружался в чтение газеты, надсмотрщик подходил к веранде и хлопал в ладоши. Женовева приглашала его войти.

– Добрый вечер, сеньор Антонио!

– Добрый вечер, Симон. Какие новости?

– Да не очень хорошие. Зензала – что осиное гнездо. Только и слышно жужжание.

– Ну, а ты что?

– Прислушиваюсь, наблюдаю, пока больше ничего...

Алвим ударил кулаком по столу.

– А как на других фазендах?

– Я спрашивал: всюду негры ходят взбудораженные.

– Это все они...

– Кто они?

– Аболиционисты. Доходят до того, что пробираются в зензалы и сбивают негров с толку. Чего доброго, кто-нибудь из них уже побывал и у нас...

– У нас этого нет, головой отвечаю!

– Но со дня на день они могут появиться, вот увидишь...

– Я сразу же открою огонь...

На следующий день шум в зензале был такой, что Симон пришел к фазендейро раньше обычного и признался, что он уже не в состоянии удерживать негров в повиновении. Несколько заковал в кандалы, надеясь таким путем допытаться, что же происходит, но понял, что невольники скорее умрут, чем развяжут языки. С другой стороны, поведение старого Муже и остальных негров стало совсем иным: он заметил, что они с трудом сдерживаются, чтобы не вцепиться ему в горло, защищая закованных товарищей.

Алвим решил действовать.

Каждое утро перед отправкой в поле Симон раздавал невольникам пингу. Они становились в очередь во дворе зензалы, и надсмотрщик наполнял им кружки. В один прекрасный день раздачей водки занялся сам Алвим, надеясь в это время что-нибудь выведать. Когда он вошел во двор, все, как обычно, смиренно приветствовали его. Он взял бутыл с водкой и, прежде чем начать раздачу, обратился к невольникам со следующими словами:

– Мне сообщили, что некоторые из вас собираются бежать. Тому, кто расскажет, что происходит, я обещаю освобождение.

Алвим подождал. Никто не шелохнулся.

Он закусил губу, сдерживая злобу, и снова заговорил:

– Если кто-либо из вас намерен бежать, пусть не подходит за водкой.

Подождал... ничего. Объяснил лучше:

– Кто не подойдет за своей порцией, тот, значит, готовится к побегу...

Негры переглянулись, но продолжали молчать.

– Понятно?

– Да, сеньор, – ответило несколько голосов.

Не имея возможности выместить злобу на всех, хозяин не хотел признать себя побежденным. Передав бутыл надсмотрщику, он приказал выдать всем обычную порцию. Однако в это утро ни один из невольников не взял водки. И на фазенде Пайнейрас положение приняло характер открытого бунта.

После завтрака к воротам подъехали несколько всадников и заявили, что хотят переговорить с сеньором Алви-

мом. Речь шла о том, чтобы собрать фазендейро всей округи для обращения к правительству за помощью, так как всем им угрожала потеря рабов, более того – их жизнь была в опасности. Алвим принял фазендейро на веранде, поскольку все они не могли поместиться в гостиной. Женовева подала кофе. После беседы Алвим велел Салустио оседлать коня и отправился с прибывшими в соседние поместья.

Близился вечер, а он все еще не возвращался. Обеспокоенная дона Ана послала за Симоном. Надсмотрщик появился, поминутно оглядываясь по сторонам. Она поняла, что этот человек, хоть и храбрится, на деле просто трус. Он был бледен, глаза его беспокойно бегали; при любом шорохе он машинально хватался за револьвер. Обменявшись с женой хозяина несколькими словами, он пошел по дороге, ведущей на пастбище, и исчез. Наступила ночь. Во дворе зензалы негры разожгли костер. Из господского дома было видно лишь зарево и рыжеватый столб дыма, от костра не слышалось ни пения, ни игры на музыкальных инструментах. Царила тишина, полная тревоги.

Дона Ана заперлась в доме на все задвижки и засовы и забаррикадировала дверь тяжелой мебелью. Затем вместе с верными негрятками ушла в молельню и стала там просить бога о спасении. Было уже очень поздно, когда во дворе зашумели ветви и послышался цокот подков. Она встала, открыла створку окна и выглянула наружу. Ночь была тихой и ясной. Хрустальная луна висела над ошестинившейся деревьями Мундой. Алвим привязал лошадь к стене дома, увитой плющом, и, звеня шпорами, поднялся по каменным ступеням на веранду. Жена побежала открыть дверь, но из предосторожности спросила:

– Это ты, Антониньо?

– Я. Открой.

Послышался шум отодвигаемой мебели. Затем дверь отворилась, и он вошел, встревоженный и мрачный.

– Что нового?

Муж почесал бороду и оскалил зубы.

– Негры покидают фазенды. «Они» появляются, проникают в зензалы и поднимают невольников на бунт. В Пайол-Гранде убили надсмотрщика и повесили труп на столбе. Негры собираются на дорогах, организуют банды и врываются на фазенды, чтобы загнать рабов в свое стадо... Где Симон?

Дона Ана нервно засмеялась.

– Я его позвала, но он от страха ничего не мог сказать, ему мерещатся по углам призраки. Ничего толком не объяснив, он быстро ушел. Вот туда, в лесок...

– Странно, до сих пор он держался храбро...

Фазендейро постарался убедить жену, что по крайней мере этой ночью бояться нечего. Заставил ее улечься в постель, зажег лампадку – каплю света у подножья распятия, взял керосиновую лампу и пододвинул к двери на веранду качалку.

Время от времени он открывал дверь и вглядывался в ночь. Луна озаряла пейзаж своим холодным светом – все было словно в серебре. Таинственная тишина окутала пастбище, гору, зензалу. Только когда ветер дул со стороны реки, слышался стук жернова и шум падающей воды. Временами лаяла на тень какая-то заблудившаяся собака. Было уже далеко за полночь, когда лай стал доноситься от зензалы... Что бы это могло значить? Конечно, это «они» – каи-афы Антонио Бенто, которые тайком пробираются на фазенды, проникают в зензалы и поднимают бунты. Ему казалось, что он слышит шум, споры, бранные выкрики...

Алвим направился в дальнюю комнату и снял висевшее в углу ружье. Принялся разглядывать его, потом взял шомпол и зарядил ружье порохом и крупной дробью. Затем вернулся на свой пост и приоткрыл дверь, чтобы посмотреть, не видно ли чего-нибудь подозрительного.

В это время в коридоре появилась донна Ана в широком пеньюаре со складками. Рыдая, она умоляла:

– Нет, Антониньо, ты не выйдешь наружу. Пусть они убивают, пусть кромсают друг друга... Господь бог охранит нас от этих проклятых...

Она крепко ухватилась за мужа. Напрасно Алвим объяснял, что не собирается выходить из дому, а только чуть приоткрыл дверь, чтобы посмотреть в щелку, что происходит снаружи. Шум, который встревожил его, оказывается, производила лошадь, тершаяся о стену. Поставив ружье в угол, Алвим отвел жену в спальню. Так они там и просидели всю ночь при слабом желтом свете лампадки, вслушиваясь в подозрительные шорохи вокруг дома, где собака продолжала гоняться за тенью.

Под утро веки измученной доны Аны отяжелели и она задремала. В окнах забрезжил рассвет. Немного погодя на кухне послышались мягкие шаги Женовевы и сухое потрескивание щепок, которыми она разжигала плиту.

Фазендейро открыл дверь и вышел на веранду. Солнце золотило зеленую чашу Мунды и освещало зензалу. По до-

роге расхаживали негры, но среди них были и чужие, не из его поместья. Что они здесь делали в такой ранний час? И пока Алвим раздумывал, что бы это могло значить, он увидел, как Женовева вместе с двумя другими негрityнками в сопровождении незнакомых ему женщин пошла по направлению к проезжей дороге. Заметив хозяина, она, очевидно, заколебавшись, остановилась, но сразу же побежала догонять своих товарок.

Затем помещик увидел любопытную сцену: у ворот стоял старик Теренсио, который проработал на его фазенде больше пятнадцати лет. Очевидно, он хотел остаться и пытался на своем языке уговорить остальных, но никто не обращал на него внимания – все покидали зензалу. Вдруг Салустио, который, судя по всему, был зачинщиком бунта, спросил:

– Что это старик там бубнит?

Только тогда негры заметили старого невольника и слышали его слова. Старый Муже подбежал к Теренсио, схватил его за руку и увел с собой.

Вскоре зензала опустела, и на дороге до самого поворота тоже никого не было видно.

У Алвима не хватило мужества пойти к жене и рассказать ей о случившемся. Но она уже успела заглянуть на кухню и теперь вышла оттуда расстроенная и обескураженная.

– Бедная Женовева!..

Муж вопросительно посмотрел на нее.

– Она ушла с остальными, но накрыла стол и приготовила кофе.

* * *

Когда негры Пайнейраса выбрались на шоссе, они встретили там своих товарищей – невольников с других фазенд. Мужчины шли с серпами на плечах; женщины, не считаясь с расстоянием, которое им предстояло пройти, несли на голове объемистые узлы белья. Некоторые из них тащили за руку детишек, а были и такие, что усаживались на обочине дороги покормить грудью младенцев. Участники похода задавали друг другу вопросы.

– Ну как, все ушли?

– А где же остальные?

Маленькая, подвижная негрityночка застыла на дороге с обращенными к небу руками:

– Санта-Рита, мать обездоленных, взгляни на нас!

А другая ей вторила:

– Пресвятая богородица Монте-Серрате! Я обещаю тебе на коленях спуститься с гор в Сантос! – Ее звали Лузия, и вот ее история...

Родилась она в Сантосе, и хозяева давно освободили ее. Она трудилась, скопила кой-какие деньги и открыла пансион, где жили молодые приказчики. Через некоторое время ее сбережения достигли уже двух-трех conto. Но она влюбилась в одного из своих жильцов, коммивояжера, из тех, что непрерывно разъезжают по провинции. С этого и начались все беды. Он уговаривал Лузию продать пансион, объединить с ним капитал и переехать в провинцию. Покорная и доверчивая негритянка подчинилась. Они уедут из Сантоса, откроют в одном из провинциальных городов гостиницу, поженятся и будут счастливы. Лузия поехала с ним. Но, истратив все ее деньги, малый продал ее одному фазендейро. На следующий день у нее произошел выкидыш... С тех пор бедная женщина думала только об одном – как бы вернуться в Сантос. Когда ей наконец представилась эта возможность, она дала обет, столь же выстраданный, как и ее стремление к свободе! И ушла с остальными...

Наиболее энергичные и решительные шагали впереди, время от времени оборачиваясь и подбадривая отстающих. У развилки дороги они останавливались. Если не находили там невольников с соседних фазенд, ожидавших их, как это было условлено, то посылали гонцов для переговоров с колеблющимися зензалами. Через некоторое время гонцы появлялись, окруженные шумными, возбужденными неграми; но возвращались они не всегда. В таких случаях распространялся слух, что их убили надсмотрщики на фазенде. И тогда в поредевших рядах рабов, которые шли добывать себе свободу, начинался ропот.

Но вот у дороги, ведущей к фазенде, их встречали собратья негры – мужчины и женщины – и от радости принимались танцевать тут же на глинистой земле, изборожденной колесами повозок. Находились знакомые. Сыпались расспросы о тех, кто не пришел.

Салустио и Теренсио изредка останавливались передохнуть; опершись на ручки серпов, разминали сигареты и не спеша курили. Так они оказывались в тылу колонны, но, спохватившись, вскоре догоняли ее и, легко шагая, выходили вперед. Проходя мимо женщин, сгибавшихся под тяжестью узлов, они ободряли их и помогали тащить ношу...

Негры шли и шли... Останавливались у речек, в апельсиновых рощах, у придорожных пашен.

К полудню толпа невольников значительно увеличилась. Было невыносимо жарко. Отвесные лучи солнца отражались в дорожной пыли искорками слюды. Матери срезали листья каэте и укрывали ими головы детей. Некоторые старики и больные не могли продолжать путь и остались у дороги, уходящей к холмам. Они не смели взглянуть в глаза товарищам, будто совершили что-то постыдное. Но товарищи не тратили времени на уговоры: они понимали, что слабым и малодушным все равно придется отступить – так лучше сделать это сейчас, в самом начале похода, не обременяя остальных его участников.

На повороте показалась хижина. Толпа, подобно муравьям, расползлась по участку.

– Эй, кто там в доме?

– Кто здесь живет?

Стояла тишина. В зарослях сахарного тростника испуганно залаяла собачонка. В клетке над дверью, как сумасшедшие, метались птички. Над крышей поднималась струйка дыма. Кто-то толкнул ногой дверь – она открылась. На глинобитном полу стояла на коленях перед божницей старая негритянка.

– Здравствуй, матушка!

Она не отвела глаз от святого, даже не посмотрела на них. Негры не нашлись, что сказать; пожали плечами и пошли дальше.

Ближе к вечеру, когда жара начала спадать и в лицо им пахло сыростью болот, слышалось треньканье гитары.

К этому времени среди невольников успели выделиться наиболее энергичные негры, которые мало-помалу приняли на себя руководство походом. Чаще всего слышалось имя Салустиио. Однако, когда к нему обращались, спрашивая, что делать, как накормить столько людей, он уклонялся от советов: пусть каждый сам заботится о себе и о своей семье – это не прогулка, а поход для завоевания свободы.

Приближалась ночь. Дорога вилась вверх по склону холма, так что шедшие впереди, обернувшись, могли определить число участников похода. Людской поток сначала растянулся на расстояние примерно в пол-лиги. Толпа, редевшая в задних рядах, двигалась медленно. Косые лучи заходящего солнца придавали лицам огненно-красный оттенок, отражались в жестяных тазах, которые негры несли на голове или на плечах.

Один из невольников, выделявшийся среди остальных своим ростом, приложил к глазам руку козырьком и, восхищаясь многолюдным шествием, с гордостью воскликнул:

– Вот это муравейник!

Окружающие рассмеялись. Какой-то негр спросил соседа:

– Кто это?

– Это Пио!..

– А-а...

Ночь пахла гнилыми апельсинами. Луны не было, но светили звезды. Дорога становилась все тяжелее. От засухи глина затвердела, глубокие колеи от повозок напоминали канавы. Некоторые женщины облегчали свою ношу, оставляя на дороге все, без чего можно было обойтись. Другие, те, что шли с детьми, заходили отдохнуть в пустые дома у дороги, обитатели которых убежали в лес при первых вестях о появлении киломбол.

На следующий день под полуденным солнцем рабы пересекли покинутый, словно вымерший, городок: это был Порто-Фелиз. Услышав о приближении невольников, все население обратилось в бегство, бросив дома и имущество на произвол судьбы. Через низкие, открытые настежь окна были видны комнаты, в которых совсем недавно бурлила жизнь. Кое-где перед божницами горели свечи. У дверей лаiali испуганные собаки.

Посреди главной площади находилась водопроводная колонка. Мучимые жаждой негры окружили ее. Однако кран оказался сухим, то ли потому, что пересох источник, то ли потому, что жители города перекрыли воду. Толпа еще обсуждала этот вопрос, когда из казавшегося покинутым дома раздался выстрел; за ним другой, третий. Пули свистели в воздухе, врезались в землю, отскакивали от камней, высекая искры. Послышались крики женщин и детей, стоны. Затем все бросились бежать.

– К оружию! – крикнул негр Пио.

Группа невольников, вооруженных револьверами, стала отстреливаться. Стычка длилась недолго, но за это время те, кто напал на негров, успели скрыться за поворотом дороги. Пио скомандовал отступление и понес на руках раненого товарища, как несут потерявшего сознание ребенка.

Толпа дошла до берега реки, мост через которую был разрушен, и заколебалась. Тогда Пио перешел реку вброд, причем вода доходила ему только до пояса, и вынес раненого на другой берег. Затем, так как в тылу снова началась стрельба, не мешкая, переправил вброд всех. Для этого он выстроил цепочкой от берега до берега рослых негров, – вода им была по грудь, – они помогали женщинам, старикам и детям.

Пио распорядился также, чтобы двое обессиленных от тяжелого пути вместе с раненым свернули на одну из боковых дорог; раненого он велел оставить в первой же хижине, которая попадется им на пути. Видит бог, он не мог поступить иначе. И поход продолжался...

К этому времени Пио стал признанным руководителем и вождем беглых рабов. Он шел с серпом за спиной, время от времени останавливался и, опершись на ручку, давал советы, которые постепенно стали восприниматься как приказания. Тот, у кого появлялась какая-либо идея, возникало сомнение или подозрение, обращался к Пио. Пио выслушивал всех с одинаковым спокойствием и старался всем помочь.

Однажды в вечерний час он велел остановиться и подождать отставших. Негры шли по лесистой равнине, в густых зарослях в случае опасности можно было легко укрыться. Пио приказал расставить часовых, опасаясь внезапного нападения со стороны местных фазендейро, которые уже встретили их выстрелами, или какого-нибудь отряда из Сорокабы, посланного против восставших. Отдав распоряжения, он отправился в обход.

Изможденные женщины устраивались на ночлег в траве и мгновенно засыпали. Полдюжины костров выбрасывали в небо пламя. Немного погодя около них слышались звуки гитар и чуть было не началась пляска. Но люди слишком устали и валились с ног. Вскоре тяжелый сон сомкнул им веки и заставил забыть об усталости и голоде. Только дозорные под командованием Пио не спали, охраняя их покой, покой рабов, мечтающих о свободе.

Сколько их было здесь?... К вечеру отряд значительно пополнился, в него влилось много новых групп. Правда, были среди участников похода и ослабевшие и малодушные, которые не выдержали и дезертировали. Пио подсчитывал в уме. Сколько же может еще отсеяться? Сколько осталось от того маленького отряда, что вышел из Пайнейраса? Размышляя над всем этим, он неожиданно заснул, словно провалился в глубокий колодец.

Перед рассветом над Пио нагнулся человек, освещенный головешкой догорающего костра. Пио испуганно вскочил. То был Салусто, его помощник, который пришел сообщить о положении дел. Пио отдал необходимые распоряжения, разослал людей разведать дорогу и проверить, нет ли опасности с тыла. Вскоре негры с удвоенным воодушевлением пустились в путь. Пио с вершины холма наблюдал за растянувшейся по дороге толпой, чтобы определить,

сколько же в ней людей. Он с трудом верил собственным глазам. Легион беглых рабов непонятно каким образом за ночь увеличился еще больше. Откуда взялось столько народу?

Он был занят этими размышлениями, когда увидел вдали под развесистым деревом несколько всадников. Их было четверо. Это еще не та сила, которая может преградить рабам путь. Возможно, эти люди посланы на разведку. Не успел он высказать это предположение, как всадники, убедившись, что вдали действительно движутся негры, повернули и ускакали галопом в сторону Иту. Пио обдумал положение и сказал:

– Приготовьтесь – оттуда надо ждать пуль!

Затем он вывел отряд с шоссе на проселок, с тем чтобы пройти через город не центром, как это предполагалось раньше, а окраинами, мимо бедных домишек и лачуг. Действуя таким образом, Пио, правда, терял возможность использовать помощь многочисленных аболиционистов Иту, которые, по имевшимся сведениям, были готовы к защите беглых рабов, но зато избавлял своих людей от вражеского нападения.

Об этом плане тут же сообщили в город друзьям-аболиционистам, и, когда часом позже невольники дошли до первых домов на северной окраине города, некий каиафа предупредил Пио, что большой отряд полиции устроил засаду по пути следования негров. Пио посоветовался с товарищами, а затем, повернувшись к гонцу, спросил:

– А что делают для нас каиафы?

– Они стараются убедить полицейских... Тогда Пио вернулся к толпе и воскликнул:

– Вперед, негры! Впереди свобода!

И невольники твердым шагом последовали за ним. Войдя в город, они собрались в плотную толпу. Теперь эта людская масса продвигалась медленнее, но зато была единой и сплоченной. Неожиданно толпа очутилась на небольшой площади, где стояла часовня; позади часовни собрался народ. Полицейские с ружьями в руках и юноши в галстуках бабочкой, казалось, о чем-то горячо спорили. Недалеке лежали сложенные штабелями доски. Рядом стоял какой-то мулат в пиджаке, надетом на голое тело, и наблюдал за тем, что происходит на площади. Когда первые рабы, робко, тревожно поглядывая на полицейских, вступили на площадь, сержант – пожилой широколицый мулат – дал команду, и полицейские залегли в траве, наведя ружья на дорогу, по которой двигались невольники...

– Слушай команду, – раздался голос сержанта, и он выступил вперед.

В эту минуту мулат поднялся на штабель досок и громовым голосом обратился к сержанту, с которым, видимо, был знаком:

– Что же ты делаешь, Бастиан? Не стреляй в этих несчастных бедняков, что бегут из неволи! Они ведь нашей расы! Разве у тебя нет жены? Нет детей? Нет братьев?

Сержант медлил в замешательстве. Тогда мулат бросил ему последний довод:

– Если откроешь огонь, можешь убить одного из своих братьев!

Полицейские замерли, готовые к бою. Но команды не последовало. А по площади, тесно прижавшись друг к другу, шли и шли беглые.

Эта заминка, словно по волшебству, изменила положение: откуда-то стали появляться корзины с хлебом и колбасой, связки бананов, все то, что простой люд мог дать участникам похода за свободой. Немного спустя полицейских увели. На площади появился оркестр и прошел по улицам, останавливаясь у домов республиканских и аболиционистских руководителей. До поздней ночи в разных концах города слышались возгласы:

– Да здравствует сержант Бастиан!

– Да здравствуют полицейские Иту!

А далеко за городом невольники при свете костров располагались на ночлег, чтобы немного отдохнуть до рассвета.

Прошел еще один день похода...

Еще одна ночь при свете звезд...

На заре отряд двинулся дальше. Теперь на его пути встречались фермы, издалека доносились фабричные гудки. Невольники подходили к большому городу. Первые дома оказались покинутыми. Негры прошли мимо, ничего не тронув. Дальше простиралось кукурузное поле... Сколько там было спелых початков!.. Легкий утренний ветерок колыхал это море зелени, напоминавшее далекие волнующиеся воды. Одна худенькая негритянка выбежала вперед и, остановившись перед Пио, воскликнула:

– Мы голодны. Мы хотим есть, а здесь полно кукурузы!

За ее спиной эхом откликнулись негры:

– Мы голодны!

И Пио, опершись на ручку серпа, вынес решение:

– Так давайте собирать кукурузу!

Группа негров, среди которых были Салустио и Муже, начала срывать початки.

Фермер, решивший защищать свою плантацию, показался за изгородью и, не в силах сдержаться при виде этого нашествия, стал истошно вопить:

– Моя кукуруза! Моя кукуруза!

Невольники остановились в нерешительности, ожидая, что скажет Пио. Вожак подумал немного и затем объявил владельцу поля:

– Негр посеял, негр и съел!

И негры стали скандировать: «Негр посеял, негр и съел, негр посеял, негр и съел...» Этот припев подхватила толпа, растянувшаяся по дороге на целую лигу, и эхо разносило его по холмам и долинам.

В тот же день после полудня Пио увидел с вершины холма Сорокабу. Тогда, как и перед Иту, Пио велел неграм свернуть на проселки, чтобы обойти стороной этот богатый, большой город, где фазендейро наверняка вырыли окопы и вооружили людей.

Х **Стена**

«Негры идут! Негры идут!..»

В последние дни эта фраза только и слышалась в Сан-Пауло. Ее испуганно повторяли женщины, стирая белье. Об этом судачили богатые коммерсанты, покуривая сигареты и отпуская насмешливые замечания. Об этом у входа во Дворец правительства политики, которые поднимались по лестнице, предупреждали политиков, которые спускались вниз.

Газеты вопили на разные голоса: одни выступали против рабовладельцев, другие – против аболиционистов. По мере того как отряд приближался к столице, возбуждение росло. Народ собирался у редакций газет, читая по складам последние бюллетени.

Однажды утром Лаэрте, проходя по улице, увидел толпу, собравшуюся возле редакции вечерней газеты Вейги Кабрала. Он подошел, чтобы узнать, в чем дело.

На дверях было прикреплено написанное крупными буквами сообщение:

«Сорокаба, 23-го. Невольники, которые покидают в настоящее время фазенды и массами направляются в Сантос, обходят Сорокабу стороной, ибо там они наверняка были

бы рассеяны лейтенантом Вандерлеем, прибывшим в город во главе крупного военного отряда».

Студент улыбнулся: ему отлично были известны факты. Он как раз возвращался с собрания каиаф, на котором договорились о помощи беглым. Улыбаясь, он смотрел на листок, когда какой-то старик в сюртуке и с пенсне на кончике носа начал разглагольствовать по поводу похода:

– Киломбол тысячи!.. Они вооружены серпами, ножами, даже ружьями. Где они проходят, там опустошают все: убивают, грабят, насилуют, поджигают! Что делать, сеньоры?

И он тревожно огляделся, ожидая ответа. В этот момент какой-то негритенок, засунув пальцы в рот, издал оглушительный свист. В толпе послышался смех. Старик, оскорбленный в своих лучших чувствах, нахлобучил шляпу и ушел, бормоча под нос ругательства. Лаэрте обернулся и увидел хохотавшего до упаду Калунгу – это он свистел. Лаэрте дружески подмигнул ему. Мальчишка подошел и сказал:

– У нас новости. Из Кампинаса сбежал целый оркестр, захватив с собой инструменты. На радостях негры заняли вагон в поезде, который шел в Сан-Пауло, и доехали до Жундиаи. Здесь Томазиньо Пик, сын начальника станции, прицепил вагон к первому отходящему поезду. Товарищи прибыли на вокзал Луз. Кое-кого я отвел в «Калдо верде»; другие укроются в особняке Карлоса Гарсия, в доме Бутуиры, на квартирах наших друзей в Бразе.

Поделившись этими радостными новостями, Калунга вбежал в типографию «Газета до Пово», где уже работала печатная машина, издававшая такой грохот, что с четырех часов дня на улице нельзя было даже разговаривать. Он схватил пачку газет и помчался распространять очередную статью Вейги Кабрала, который смелостью и неожиданностью своих выступлений тревожил даже своих единомышленников-аболиционистов.

– Негры идут! Негры идут! – кричал Калунга и быстро распродал еще сырые, пахнущие типографской краской газеты.

Лаэрте шел по улице и улыбался. Рассказ мальчика о негритянском оркестре доставил ему удовольствие. Он вспомнил о басе. Эта медная труба была своего рода пропуском для беглого негра. Кто бы ни встретил на улице или в поезде негра с басом на шее, у него сразу же начинали возникать мысли о празднике, о приветственной манифестации, но ни в коем случае не о рабе, который собствен-

ными руками добивался освобождения. Поэтому каиафы часто использовали бас для того, чтобы провезти беглого. Чуть ли не каждую неделю какой-нибудь негр садился с этим инструментом в поезд, отходивший с вокзала Норте, и совершал путешествие до Кашоэйры. Никто не спрашивал, кто он, откуда и куда едет. В Кашоэйре его встречали местные каиафы и отводили в надежное место. На следующий день другой негр, бежавший из провинции Рио-де-Жанейро, вешал на шею бас и отправлялся в Сан-Пауло, где его тоже встречали юноши с белой камелией в петлице. Со станции они шли в «Калдо верде». Так бас без конца разъезжал по стране.

«Калдо верде» был небольшой, до чрезвычайности грязный ресторанчик, где подавались всевозможные диковинные блюда. У этого притона, собственно говоря, не было никакого названия: «Калдо верде»⁴⁴ его окрестили каиафы. Он помещался в глухом переулке. Таверна, занимавшая нижний этаж дома, имела два выхода. На грифельной доске ежедневно объявлялись блюда, которыми гордилось это заведение. Написанное мелом меню неизменно начиналось: «Калдо верде». Отсюда и название, которое дали каиафы этому ресторану и гостинице при нем. Вход в гостиницу был с другой стороны дома. Широкая, низкая дверь вела на грязную лестницу, которая терялась в темноте второго этажа. На ночь здесь зажигали фонарь.

Не всем, однако, было известно, что над этим разделенным тонкими перегородками помещением второго этажа, где владелец сдавал койки запоздавшим приезжим по мильрейсу за ночь, имелся еще мезонин. Если уж гостиница была третьеразрядная, то легко вообразить, что представляла собой ночлежка в мезонине. На полу, покрытом слоем мусора толщиной в два пальца, были постланы изорванные циновки. Тот, кто лежал на них, мог видеть темную крышу, расчерченную стропилами, и проглядывавшее сквозь широкие щели небо. В плохую погоду в мезонине дождь лил так же, как на улице... Здесь-то каиафы и помещали беглых негров до того, как устроить им лучшее убежище. Киломболы проходили через черный ход по лестнице, о существовании которой знали только хозяин и прислуга.

Но не так давно секрет этого места был раскрыт, и здесь время от времени стали появляться лесные капитаны. Они

⁴⁴ «Калдо верде» – в переводе означает «зеленый (овощной) суп».

забирали в полицию большие группы негров, а затем возвращали их на фазенды.

Хозяина «Калдо верде» заподозрили в том, что он, получая с каиаф за предоставление приюта их питомцам, одновременно брал деньги с лесных капитанов за выдачу невольников. Но это осталось только предположением; прямых доказательств не было.

Размышляя об этом, Лаэрте вышел на площадь Сан-Гонсало. В Церкви богородицы целительницы звонили колокола. Отсюда должна была начать свой путь церковная процессия. Вуали девиц облаком заслонили двери храма. Падре с непокрытой головой суетился, отдавая распоряжения, стараясь построить толпу в ряды. Из выходящих на площадь улиц подходили мужчины и женщины, которые никогда не пропускали таких церемоний. Лаэрте наблюдал за толпой, когда перед ним остановилась коляска и из нее вышли две дамы. Одна из них была дона Лу, другая, как всегда, ее тень – мадемуазель Жувина. Девушка поздоровалась с ним.

– Так-то вы работаете?

– Делаю, что могу...

– Мало, очень мало...

– Я был на собрании.

– Хорошо; теперь вместе посмотрим шествие.

Они остановились у дверей театра Сан-Жозе.

Колокола перестали звонить. Площадь была заполнена верующими. Падре по-прежнему суетился, переходя от монахов к монахиням, от мальчиков, одетых ангелами, к непорочным девам.

Наконец процессия тронулась. Но она не совсем походила на обычное церковное шествие. Первыми шли дети, которых вели за руки родители; в этот час, когда уже начинало смеркаться, они со своими легкими крылышками действительно казались ангелочками, спустившимися с колоколен. За ними чинно двигались непорочные девы, с опущенной головой, держа в руках восковые свечи, обернутые в цветную бумагу; еще дальше с той же медлительностью шествовали монахи. Одни несли толстые дымящиеся свечи, другие выставляли напоказ оковы, тиски, бакальяу, кольца – бесконечное количество орудий, изобретенных рабовладельцами, чтобы мучить невольников. Толпа теснилась вокруг этих орудий пытки, стараясь лучше разглядеть их. Люди возмущались, слышались гневные возгласы. Каиафы собирали группы верующих и произносили речи...

Голова процессии находилась уже очень далеко, когда из церкви вынесли носилки с распятием в блеске золота и огней. Колокола зазвонили веселее, в вечернем небе взрывались ракеты, зазвучали нежнейшие песнопения, подхваченные тысячью голосов. Носилки остановились на площади. И тут дона Лу воскликнула так, чтобы все слышали:

– Вот он! Вот негр Антонио, которого подвесили за шею, он три дня должен был стоять на цыпочках, чтобы не умереть!

И она показала на подобие человека, который, едва не падая, стоял на коленях у носилок. Ее возглас привлек всеобщее внимание. Все взоры обратились к этому негру, народ заинтересовался несчастным. Несколько монахов попытались поднять Антонио, но бедняга с трудом держался на ногах. Он испуганно озирался по сторонам и, по-обезьяньи кривляясь, стал протирать кулаками глаза и скалить зубы. Он боялся всего: и людей и вещей. Страдание свело его с ума, и он перестал быть человеком.

Толпа теснилась вокруг мученика:

– Три дня быть подвешенным за шею, все время стоя на цыпочках, чтобы не задохнуться!

Послышались возгласы ужаса. Женщины вытирали слезы концом шали. Процессия, озаряемая лучами заходящего солнца, тронулась в путь. Ветер колебал пламя свечей, нередко гася их. Снова наступила глубокая тишина, словно эти люди провожали мертвеца. Только вдалеке непрерывно звонил колокол. На Соборной площади в окнах домов толпились целые семьи. Отовсюду слышался один и тот же вопрос:

– Где он?

Все хотели видеть невольника Антонио. Недоверчивые пробирались сквозь толпу и, подойдя к негру, воздевали руки, взывая к божественному милосердию. Многие рабовладельцы, даже самые жестокие, увидев негра-мученика, испытывали чувство стыда и раскаяния и переходили на сторону abolitionистов.

Человек в сюртуке и с пенсне на кончике носа, которого Лаэрте видел несколько часов тому назад у редакции газеты, и здесь выступил с речью: очевидно, это была его слабость. Он говорил:

– Перочинным ножом вырезали кресты на его ладонях! Оставили несчастного без еды и питья! Он умер бы под пыткой, если бы сострадательные граждане города не выступили в его защиту! Вот что такое рабство!

Калунга, который поспевал повсюду, сунул прямо в лицо оратору свежий номер газеты «Реденсан» и закричал:

– Негры! Негры идут!

Старичок не рассердился, хотя несколько часов тому назад он наверняка бы отругал прервавшего его мальчишку. Он пристально взглянул на негритенка и воскликнул:

– Пусть приходят! Я выйду на дорогу обнять их!

И он удалился, воинственно размахивая газетой над подавленной толпой.

Процессия в тишине следовала по центральным улицам и площадям города. Жители окраин устремились к центру, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Перед такой толпой полиция не решалась принять меры против каиаф Антонио Бенто. Шествие длилось почти два часа.

Один из репортеров того времени писал, что при виде негра-мученика многие плакали. И смеялся только один человек – сам несчастный негр, ибо пытки лишили его разума.

Лаэрте был счастлив – ему удалось сопровождать дону Лу и долго идти с ней рядом, время от времени выслушивая недовольное брюзжание мадемуазель Жувины... На углу улицы Табатингуэра к ним подошел негритенок и, улыбаясь, остановился перед девушкой.

– Что тебе нужно, Калунга?

– О, только то, о чем я вас просил...

– А! С удовольствием. Получай!..

Он просил придумать какой-нибудь лозунг, чтобы написать его на стене. Только сейчас Лаэрте узнал, что автором надписей на стене против окна его мезонина был продавец газет – Калунга; именно он стал мучителем злополучного домовладельца. Время от времени хозяин приказывал заново побелить стену, но на следующее утро на ней снова появлялись крамольные слова и повторялась та же, однажды виденная Лаэрте трагикомическая сцена. Эти слова были намалеваны краской из типографии газеты «Реденсан».

Получив от доны Лу записку с текстом нового короткого красноречивого лозунга, который так и просился на стену, газетчик повернулся и исчез за углом. Он жил, не зная ни минуты отдыха, сочетая борьбу за кусок хлеба с борьбой за аболиционистское дело. Молодая изящная паулистка, обитательница улицы самых элегантных особняков, относилась к продавцу газет, к извозчику и беглому негру, как сестра к братьям; ее роднило с ними одно и то же горячее стремление к свободе.

Продолжая свой путь, они прошли мимо знаменитой стены, на которой писал свои лозунги Калунга. Ее только что покрасили. Сеньор Тейшейра, домовладелец, с палкой за спиной, расхаживал взад и вперед, тщетно стараясь схватить таинственную руку, которая с потрясающей регулярностью малевала аболиционистские лозунги на белой стене. Все обитатели Табатингуэры с усмешкой наблюдали, как сеньор Тейшейра борется с призраком.

Говорят, что на стенах домов, как в зеркале, отражается душа города. Обычно на них красуются рекламные объявления или какие-нибудь детские каракули; нередко здесь появляются надписи, отражающие мрачные настроения отдельных индивидуумов. Чаще всего это фразы, нацарапанные острием ножа, беспомощные рисунки, которые не в силах смыть дождь. Но, когда на стене появляются политические надписи, это означает, что в городе назревают серьезные события. Стена – газета народа. Сан-Пауло в те дни был охвачен одним помыслом – освободить рабов. И стена на улице Табатингуэра отражала чаяния народа. Намалеванные на ней лозунги становились общим достоянием: студенты несли их в аудитории, рабочие – на фабрики, рабы – в зензалы и на плантации. А разъяренный сеньор Тейшейра каждые две недели оплачивал новую побелку и проклинал свою жизнь.

Проходя мимо домовладельца, который по-прежнему мерил шагами мостовую, дону Лу многозначительно улыбнулась Лаэрте. Тот так этому обрадовался, что незаметно сжал ей кончики затянутых в перчатки пальцев. Но тут же быстро отпустил их, так как шествовавшая сзади мадемуазель Жувина в нужный момент легким покашливанием напомнила о своем присутствии.

Так они подошли к месту, где дону Лу и ее тетушку уже несколько часов ожидал экипаж. Лаэрте помог мадемуазель Жувине взобраться на подножку и хотел поддержать дону Лу, но та вдруг быстро вскочила в коляску, с неожиданной энергией втощила туда юношу и заставила его сесть рядом с собой. Он с восторгом подчинился, не обращая внимания на сверкающие гневом взгляды мадемуазель Жувины. Экипаж тронулся. Был светлый, прозрачный, душистый вечер.

– Хотите выйти за меня замуж? – неожиданно прошептал Лаэрте.

– Да.

– Но когда?

– Через месяц после отмены рабства... – и она улыбнулась.

– Слово?

– Слово.

Лаэрте согревал в своих ладонях озябшую ручку доны Лу. Мимо них с обеих сторон проносились богатые особняки с длинными каменными стенами, покрытыми вьющимися растениями – эрой и жимолостью, с широкими воротами, украшенными алебастровыми львами. В глубине располагались резиденции паулистской знати. Встречая на своем пути коляску доны Лу, не один всадник осаживал лошадь и широким жестом снимал шляпу, приветствуя проезжавшую мимо него Ее Высочество – Любовь...

Поздно вечером, когда Лаэрте возвращался от доны Лу, он обратил внимание на необычайное оживление на улице близ особняка Карлоса Гарсия, где обычно аболиционисты укрывали преследуемых негров. Первый же встреченный им каиафа рассказал, что бежавший из Кампинаса оркестр перебирается с площади Луз в особняк Гарсия. Но это не так просто: лесные капитаны разъярены и, как говорят, готовятся к бою. Извозчики – эти гонцы аболиционистов, – нахлестывая лошадей, носились по городу, передавая сообщения. Как раз только что, объяснил каиафа, знаменитый Касапава поехал в университет, чтобы призвать на помощь студентов.

– Касапава? – переспросил Лаэрте, вспоминая свой приезд в Сан-Пауло.

– Да, Касапава. Он один из самых активных каиаф. У него особая ненависть к фазендейро.

– ...И к их сыновьям, могу вас заверить, – добавил Лаэрте.

Молодые люди направились к вокзалу Луз, чтобы в случае необходимости помочь неграм. У вокзала Норте орали мальчишки, продавая вечерние газеты. Слабо светили фонари. К юношам подошел какой-то извозчик и произнес:

– Жабакуара?

– Жабакуара! – г ответили они.

Тогда он открылся им и рассказал, что негры-музыканты пустились в путь, но лесные капитаны с оружием и собаками устроили на них засаду. Как быть?

– Пойдем туда! – в один голос ответили каиафы.

Извозчик свистнул. К нему подошли несколько человек. Перекинувшись парой слов, все они миновали площадь с возвышавшимся на ней зданием цирка, где пред-

ставление было в самом разгаре, и вышли на боковую улицу, которая только застраивалась и где еще не было табличек. Домишки здесь отстояли друг от друга на добрых сто метров, а пространство между ними занимали огороды. По обеим сторонам были прорыты глубокие канавы, наполненные зеленоватой дождевой водой. От домов к проезжей части улицы были проложены деревянные мостки. Через несколько домов освещения уже не было, да и вообще оно, казалось, служило лишь затем, чтобы сделать улицу еще темнее.

В темноте шли осторожно. Время от времени приближалась какая-нибудь тень и спрашивала:

– Жабакуара?

Они отвечали «Жабакуара!» и шли дальше. Вскоре их встретил Антонио Бикудо, аболиционистский руководитель из Браза, и пожаловался:

– Мы здесь уже несколько часов. Негры вышли с площади Луз еще в сумерки, но от них до сих пор нет известий. Если их вовремя не предупредить о засаде, они попадут прямехонько в лапы этих подлецов лесных капитанов...

Не успел он произнести эти слова, как вдалеке появилась наконец группа негров. Встретив первых каиаф, негры остановились, переговорили и уже вместе с ними осторожно двинулись дальше. Толпа росла – подходили все новые каиафы. Однако не успели негры дойти до первого фонаря, как послышался лай и огромные псы, специально обученные для охоты за рабами, бросились на них. Негры в ужасе прыгали в канавы, расплескивая дурно пахнущую, грязную воду. Сразу же вслед за собаками появились лесные капитаны в сапогах и широкополых шляпах и кинулись на негров, нанося им удары дубинками. Однако каиафы – извозчики, печатники, студенты и мелкие торговцы – взялись за оружие. Началась стрельба.

Касапава, который уже не раз оказывался в таких переделках, посоветовал неграм не сворачивать с пути и, пока каиафы сдерживали лесных капитанов, быстро вывел их с поля боя. Когда негры добежали до здания цирка, он собрал их и спросил;

– Все здесь?

Проверили, не отстал ли кто.

– Все.

Как было заранее договорено, Касапава провел беглых музыкантов в цирк, и, пока шло представление, он и другие извозчики постепенно вывели их, одного за другим, и проводили в убежища.

Это происшествие весь вечер оживленно комментировалось в кафе и тавернах города. Рассказывали, что в схватке было ранено несколько лесных капитанов.

Во время стычки Лаэрте потерял своего спутника и решил вернуться домой. Он был по колено в глине. Этот вечер запомнился ему на всю жизнь не только потому, что он впервые участвовал в схватке с лесными капитанами, но и потому, что впервые объяснился в любви и узнал, что ему отвечают взаимностью. Он был вне себя от радости, время от времени останавливался, улыбался усеянному звездами небу и повторял слова Лу, которые пели у него в душе.

После долгого пути он вышел к театру Сан-Жозе, где еще продолжалось собрание аболиционистов. Студенты, охранявшие входы в театр, узнав Лаэрте, окликнули его.

Он рассказал им о происшедшей стычке, и это известие быстро распространилось среди аболиционистов, заполнивших театр. Лаэрте вошел внутрь и поднялся на галерку. Ораторы говорили о том, что невольники, направляющиеся в Жабаквару, приближаются к городу. Необходимо помочь им. Вопреки распространяемым слухам они не напали ни на одно поместье, хоть и испытывали жестокие муки голода. К Сан-Пауло подходит больше тысячи голодных людей, они падают от истощения на дорогах.

Зал зашумел. На сцену вышел Шисто Баия. Лаэрте вспомнил, что он уже видел этого прославленного комика в «Корво». Его выступления особенно ценились молодежью. Актер был в сюртуке и домашних туфлях. Изображая заядлого фазендейро, он принялся вовсю ругать аболиционизм и аболиционистов. Каждая его фраза сопровождалась взрывами хохота присутствующих. Иронически комментируя события – якобы с точки зрения рабовладельца, – он преподносил аудитории острые политические анекдоты, которые на следующий день повторял весь город.

Лаэрте покинул театр и, перебросившись несколькими словами со студентами, стоявшими на углу, направился домой. Улица Табатингуэра выглядела пустынной. Злополучная стена снова была покрашена и при свете луны казалась серебристой. Лаэрте захотелось написать на ней что-нибудь, он поискал в карманах карандаш, но не нашел. Так, в приподнятом настроении он дошел до дома сеньора Нунеса, открыл дверь и, повесив на вешалку шляпу, поднялся по лестнице к себе.

В комнате на столе он нашел письмо от отца. Дома все здоровы, свое обычное недомогание он приписывает старости. Несколькими строками ниже сеньор Алвим сообщал

о побеге невольников, они ушли все поголовно. Даже Женовева, которая выросла на фазенде, даже Салустио, с которым обращались, как с сыном!.. Отец называл их неблагодарными. Теперь, добавлял он, ему приходится нанимать беглых рабов с других фазенд.

Лаэрте на минуту прервал чтение и задумался: «Значит, Салустио среди тех, кто направляется сюда... Завтра, не позднее, я его встречу среди беглецов...» – и затем продолжал читать дальше. Отец жаловался на все ухудшающееся финансовое положение семьи. Он советовал сыну усердно учиться и быстрее закончить университет, ибо иначе ему придется вызвать его на фазенду. Письмо завершалось следующими словами: «Вот результат аболиционизма, твоего и других безумцев, сбивать с толку негров и обрекать фазенды на запустение!»

Лаэрте почувствовал горечь от этих слов и, улегшись в постель, предался размышлениям о доме. Мать теперь уже не расхаживает по кухне среди негритянок. Отец, сидя по вечерам в столовой с развернутой «Провинсия», уже не слушает доклады надсмотрщика; конечно, Симона – эту чуму – выгнали с плантации. И мысли о стариках родителях навевали на Лаэрте глубокую печаль. Наконец он заснул, и в глубине его сердца возникла песенка, которой мать убаюкивала его в детстве...

Вылезай из-под крыши,
Злой маленький бука...

Ему снилось пастбище ночью. От лунного света под деревьями вытягиваются темные тени. Трава покрыта жемчужинами росы. Зензала не подает никаких признаков жизни, и, словно биение сердца, в тишине отчетливее, чем всегда, слышится шум жернова... Ах, какое бесконечное спокойствие!..

Неожиданно Лаэрте проснулся и сел на постели. В ночной тишине на улице раздались два выстрела, один за другим. Кто-то хрипло закричал:

– Вот тебе, получай, мошенник!

Затем послышались крики ужаса и стоны.

Лаэрте подбежал к окну и распахнул его. Легкий туман окутывал улицу. В предрассветном сумраке он увидел трагическую сцену: сеньор Тейшейра, домовладелец, с ружьем в руке, взволнованный, расхаживал из стороны в сторону. У стены ничком лежало худое, черное тельце в лохмотьях, с бумажной шапкой на голове. В руке у негритенка еще была

зажата кисть, рядом на мостовой лежала перевернутая банка с краской.

– Калунгу убили!

На побеленной стене явственно было видно первое слово недописанной фразы:

СВОБОДА...

В соседних домах тоже открылись окна. По улице бежали люди. Кто-то вскрикнул:

– Держите убийцу!

Только тогда сеньор Тейшейра, видимо, понял, что он наделал, и бросился бежать, стуча толстыми подошвами по камням мостовой. Несколько человек кинулись ему наперерез. В нежно-опаловом предутреннем тумане удалялись тревожные, бередящие душу крики:

– Держите убийцу!

Сеньор Нунес и дона Синьяра вбежали к Лаэрте и оттащили его от окна. Затем плотно закрыли створки.

Так трагически погиб самый маленький, самый скромный революционер.

Смерть Калунги прошла незамеченной; город бурлил – колонна беглых рабов приближалась.

XI

Власти принимают меры

Чем ближе подходили негры, тем большее беспокойство охватывало город. Из уст в уста передавались различные нелепые слухи. Сторонники рабовладения, стремясь запугать добросердечных жителей города, не останавливались перед клеветой. Они опубликовали в газетах, что в Иту, Сорокабе и в небольших поселках по пути негры нападали на жилые дома, грабили лавки и склады, убивали и насиловали.

Выступления аболиционистов, которые отрицали это и утверждали, что, наоборот, негры падают от голода и усталости, но не покушаются на чужую собственность, не могли успокоить население.

Власти провинции приняли свои меры: послали отряды под командованием младших лейтенантов Вандерлея и Гаспарино Карнейро Леана с приказом во что бы то ни стало рассеять беглых рабов в окрестностях Сан-Пауло. Младший лейтенант Вандерлей, сочувствовавший аболиционистам, постарался опоздать, поэтому он упустил возмож-

ность напасть на колонну оборванцев, что вполне отвечало его желаниям. Посчастливилось и его товарищу Гаспарино Карнейро Леану, не менее благородному офицеру, – он не встретил негров. Получив приказ ждать беглых рабов в окрестностях Котии, поскольку они должны были обойти Сан-Пауло стороной, как делали это, встречая на своем пути другие города, Леан ломал голову над тем, как, повинувшись велению сердца, не нарушить при этом приказа своего начальства. Он разбил со своим отрядом бивак и принялся ждать.

В Сантос имперское правительство направило саперный батальон под командованием майора дона Жоакима Балтазара да Силвейра. В одно ясное жаркое утро какая-то шхуна вошла в порт и стала на якорь неподалеку от здания таможни. Послышались звуки рожков, раздался барабанный бой. Что бы это могло означать? Население Сантоса, в то время небольшого, беспокойного города, всполошилось – новости здесь распространялись с молниеносной быстротой. Не прошло и получаса, как все уже были в курсе замыслов центральных властей. Когда несколько позже отряд высадился и продефилировал к казармам, почти все жители города высыпали на улицу, с любопытством и настороженностью разглядывая бравых солдат.

Аболиционисты Сантоса проводили собрание за собранием. Пансион Брандины был переполнен каиафами; многие прибыли из Сан-Пауло. У всех возникал один вопрос: что же делать? Дон Жоаким Балтазар да Силвейра, как храбрый, честный офицер, считал своим долгом до конца выполнить то, чего хотело правительство. А хотело оно ни много ни мало, как разрушения Жабакуары, ибо само это слово в те времена считалось опаснейшим: оно означало свободу. Что же делать? Что делать? Вот тогда-то Америко Мартине вспомнил, что он учился в офицерской школе вместе с доном Жоакимом Балтазаром. Не могло быть ничего естественнее посещения старого товарища...

К этому сводилась последняя надежда аболиционистов Сантоса.

В тот же день после обеда Мартине явился в казарму и велел доложить о себе. Через несколько мгновений в дверях собственной персоной показался командир саперного батальона. Они обнялись и идя руку направились в комнаты майора, где мало-помалу беседа перешла на щекотливый вопрос. Когда командир рассказал о возложенной на него миссии, Америко Мартине взволнованно спросил:

– И ты все это сделаешь?

– Сделаю, – ответил офицер с такой решимостью, что надежды аболициониста сразу рухнули.

– Не может быть...

– Почему? Не понимаю...

Америко Мартине осмотрелся по сторонам, подошел к двери кабинета, выйдя в коридор, и закрыл ее. Потом, стоя перед старым другом, протянул руки и спросил его с необыкновенной мягкостью, задушевностью, восторженностью, которые не вязались с обликом этого атлетически сложенного человека:

– Но, Кинвиньо, знаешь ли ты в самом деле, что собой представляет Жабакуара?

В эту минуту майор понял все: Америко Мартине – аболиционист и пришел, чтобы склонить его на свою сторону. Офицер обнял Мартинса и рассмеялся, но, вспомнив, что он военный и находится при исполнении служебных обязанностей, нахмурился и ничего не ответил. Америко Мартине пробыл у майора еще несколько минут, беседуя о разных пустяках, потом, почувствовав себя неловко, стал прощаться. Майор не удерживал его и вежливо проводил до двери. В нем появилась какая-то отчужденность. Мартине вышел и поспешно зашагал по узким улицам, насыщенным запахом моря, который ветер доносил с побережья.

В тот же вечер состоялось заседание «Освободительного общества». Было решено, что негры должны покинуть киломбо и снова укрыться у каиаф: в жилых домах, на фермах, в бедных лачугах. Но ни в коем случае не следовало уничтожать Жабакуару.

Над городом нависла удушливая жара; в зале, где собрались аболиционисты, нечем было дышать, и они вынуждены были беседовать у открытых окон, хотя и здесь не чувствовалось прохлады. Шафрановая луна безжизненно висела в неподвижном воздухе. От порта доносился запах гниющих водорослей.

Всех угнетало предчувствие неминуемой беды. Шавиер Пиньейро вышел на балкон и стал вглядываться в тускло освещенный луной город. В домах были раскрыты окна и двери. Жители вынесли матрасы на улицу и спали там, обливаясь липким потом, который увлажнял простыни. В мертвенном свете фонарей прошел отряд полиции. Сержант вызывающе и злобно крикнул:

– Мы идем в горы, подождем там негров. Ручаюсь, им не сносить головы!

Полицейские расхохотались.

Аболиционисты встревожились. Полиция Сантоса пользовалась дурной славой, поэтому-то ее и послали в горы, к перевалам, чтобы дать бой колонне. Зная великодушные чувства армии, губернатор провинции никогда не доверил бы ей такой миссии. Отряды пехоты, кавалерии и саперных войск, должно быть, расположатся лагерем у подножья и примут участие в разгроме невольников, только когда над этим как следует потрудятся лесные капитаны и полиция...

В городе снова воцарилась тишина. Аболиционисты стали выходить группами. Тиан, который иногда выполнял обязанности привратника, остался потушить лампы и запечатать двери на засов. Последними около трех часов ночи вышли Шавьер Пиньейро, Америко Мартине и Жулио Маурисио. В это время на углу появилось несколько молодых журналистов, закончивших работу по выпуску очередного номера «Диарио де Сантос». Один из них, Гастон Буке, тут же объявил:

– Батальон майора Жоакима Балтазара неожиданно выступил по направлению к Каскейро!

Никто из аболиционистов этого не ожидал. Батальон вышел ночью, очевидно, чтобы не двигаться в жару, но ведь войска обычно перевозились специальными поездами. Хотя для оптимизма и не было особых причин, все же аболиционисты разошлись не очень встревоженные. Небо со стороны моря начало бледнеть. Чтобы не наступать на спящих, которые расположились на тротуаре, они зашагали по мостовой.

Саперный батальон действительно получил приказ перехватить беглых негров у подножья гор. Так как перебросить отряд специальным поездом не удалось, командир решил преодолеть эти две с лишним лиги походным порядком.

Это была приятная прогулка. Батальон выступил через несколько часов после выхода отряда полиции. На восходе солнца саперы подходили к мосту у Каскейро. В воздухе со стороны мангровых зарослей уже веяло горячим дыханием норд-веста. Корни деревьев были обнажены, и по ним ползали крабики. Как всегда после отлива, слышалось потрескивание высыхающей почвы. Большие ярко-желтые цветы тянулись к солнцу.

Вскоре поднялся ветер. Телеграфные провода пели, как арфы. Из расположенных вдоль шоссе таверн выходили

кайсары⁴⁵ в широкополых шляпах и настороженно наблюдали за прохождением батальона. Некоторые предпочли спрятаться за изгородями, опасаясь, как бы их не забрали в солдаты.

Когда батальон по крытому с перилами мосту перешел реку, жара стала просто невыносимой. Командир приказал сделать привал, чтобы солдаты могли утолить жажду. Две негритянки предложили им кувшины с водой и латунные кружки. Коровы, пасшиеся поблизости, подняли головы и недоверчиво посмотрели на солдат, потом снова уткнулись мордами в траву. На изгороди выгона сидела стая ану, птицы издавали пронзительные крики. После короткого отдыха солдаты двинулись дальше. Они пересекли топь, где во время дождей стада быков целыми часами не могли выбраться из трясины, бывало, что приходилось даже оставлять здесь увязшее животное. В таких случаях погонщики тут же прирезали его, внутренности бросали собакам, а мясо отдавали кому придется. Окрестное население всегда дожидалось этих подачек, и, когда дорогу размывало дождями и по ней должен был пройти скот, многие мечтали о том, чтобы быки попали в беду.

К майору подсказал ординарец, который передал ему бумаги и сообщил, что в ту же ночь из Сан-Пауло вышел отряд кавалерии под командованием Густаво Борбы и пехотная часть под начальством Константино Шавиер э Бездерра. Оба эти отряда разбили биваки у подножья горного хребта. Командиры получили строгий приказ не пропускать в Сантос отряд беглых рабов, «даже если для этого понадобится применить оружие».

Дон Жоаким Балтазар да Силвейра, видя, что приморская дорога надежно защищена, решил направиться по дороге Серра-Велья, которая сворачивала влево. Миновав какие-то лачуги, из которых выглядывали испуганные кайсары, он со своим отрядом достиг предгорья, где текла речка с ржавой водой. Солдаты прошли мимо большого дома, за которым начинались густые бамбуковые заросли. Норд-вест подул с особенной силой; под его обжигающими порывами бамбуковая роща вся сгибалась и трещала, словно дрова в печке. В воздухе пахло мятой листвой. Перед солдатами расстилался темно-голубой горный хребет с зияющей кровавой раной – оголенным глинистым склоном. Здесь соскальзывали в пропасть быки, и на следующий день местные жители отправлялись запасаться мясом,

⁴⁵ *Кайсара* – метис, живущий на побережье в районе Сан-Пауло – Сантос.

уже пахнущим и, возможно, зараженным столбняком. Горный хребет выростал прямо на глазах. На расстоянии лес, росший по его склонам, казался синим бархатом. Когда невидимая рука ветра начинала шевелить листья, цвет склонов менялся...

На опушке бамбуковой рощи высилась сложенная из камня ограда, окаймлявшая старый приземистый дом. Вдали, у подножья хребта виднелся темный лес. Напротив дома, над почерневшей крышей которого вился дымок, находилось энженью, построенное еще в 1842 году. Сложенное из камня, это здание напоминало крепость; черная четырехскатная крыша покрывала его, как панцирь черепахи. Сквозь дыры виднелись концы балок, стропил и обрешетка. В широкие двери энженью свободно могла въехать тележка с сахарным тростником. Прямо против входа стоял жернов, куда в прежние времена весь день подавался тростник в пучках; выдавленный из него сох стекал в чаны. В глубине здания находилось водяное колесо. Между домом и энженью виднелась хижина погонщиков скота.

Гуртовщики, встречавшиеся на пути, всю нахлестывали быков, освобождая отряду дорогу. Отовсюду сбегались люди, чтобы посмотреть на солдат. В окнах дома показались хозяева – сеньор Энрикиньо, кайсара со светлой бородой, его жена и взрослая дочь; сынишка вылез на порог и остался там стоять с вытаращенными глазами. Мать испуганно закричала:

– Ньоньо, не выходи из дому... Слышишь?

Отряд продвигался по заброшенной, размытой дождями дороге с острыми камнями и колючками, по ней теперь даже не гоняли скот. Несколько инженеров осматривали дорогу, делая заметки в блокнотах: производились изыскания по отводу воды для Сантоса. Предполагалось использовать и водопадик, приводивший в движение жернов энженью; впоследствии поместье пришло в упадок, владельцы его разорились.

Появление отряда несколько встревожило обитателей поместья, однако вскоре жизнь потекла своим чередом.

Для кайсар война с Парагваем еще не закончилась,⁴⁶ поэтому, увидев людей в военной форме, они решили, что начинается очередной набор рекрутов...

Вечером четыре командира, прогуливаясь, подошли к энженью. Сеньор Энрикиньо появился на пороге.

⁴⁶ После окончания войны еще долгое время возникали пограничные инциденты.

– Это первый дом, который встречается на пути беглых негров после перевала, – сказал он.

– И как вы к ним относитесь, сеньор?

– Я их угощаю фейжаном⁴⁷ и кофе. Это их первая трапеза на земле свободы.

Все добродушно рассмеялись. Продолжая беседовать, офицеры вошли в дом. На веранде был накрыт стол для кофе. Хозяин дома представил им свою семью: «Моя жена, моя дочь, мой сынишка...»

За столом разговор шел о чем угодно, только не о рабах. Подавала кофе дочь, девушка двадцати лет, с тонкой талией, уже невеста. Она была одета в платье из дамасского шелка цвета бордо, волосы у нее были светлые и по тогдашней моде зачесаны назад. Когда она расхаживала по утрамбованному земляному полу веранды, под оборками платья мелькали ее миниатюрные ножки, обутые в изящные туфельки.

Уже смеркалось, когда офицеры покинули дом.

Ветер стал утихать, но его порывы еще раскачивали бамбук, извлекая из него нежнейшую музыку. На плантации сахарного тростника прозвучал рог. Из лесной чащи послышался звенящий крик арапонги, перелетающей с дерева на дерево...

* * *

Мне довелось быть свидетелем упадка и гибели этого энженью. Когда остановилось водяное колесо, работа на фазенде замерла, а когда наступило разорение, рассеялась и семья; вторгшиеся сюда чужаки захватили земли фазенды. Вот уже много лет, как наша семья влачит жалкое существование; умирает старшее поколение, переживая за тех, кто остается. И все это происходит потому, что однажды утром некий инженер в пробковом шлеме в сопровождении большой группы людей появился возле энженью и, пройдя перед домом, направился к горному хребту. Сеньор Энрикинью, высунувшись из окна, спросил его:

– Могу я узнать, куда вы направляетесь?

– К вашему водопаду.

И ушел.

⁴⁷ *Фейжан* – черная фасоль, из которой приготавливаются многие бразильские национальные блюда.

В то время я еще не появился на свет, но много лет спустя, в 1929 году, опубликовал свои впечатления о последних уцелевших камнях нашего энженьо:

«Совсем недавно решение суда положило конец тяжбе между одной английской компанией в Сантосе и Энрике Жералдо Мунизом де Гусман Рункен, начавшейся еще в 1881 году. Этот старый сантист, или, вернее, висентинец,⁴⁸ доводился мне дедом. Его почтенное длинное имя было укорочено соседями, называвшими его просто «сеньор Энрикиньо».

Он умер в бедности, восьмидесятилетним стариком, в доме еще более старом, чем он сам, у энженьо, которое и послужило поводом для чуть ли не пятидесятилетней тяжбы. Я хорошо запомнил мое посещение фазенды в 1909 году. Дед стоял в дверях, скручивая длинную сигарету из кукурузного листа. Старик был одет в полосатую куртку и брюки из дешевой полосатой материи; брюки у него были закатаны выше колен, так удобнее пробираться по глухим лесным тропам. Он носил серебристую длинную бороду на манер последнего императора, это, видимо, льстило его тщеславию.

Дом показался мне не только старым, но и маленьким... Негр Марселино, игравший на санфоне,⁴⁹ подбежал отворить ворота, чтобы коляска въехала во двор.

Перед моими глазами снова возникли знакомые картины детства. Вокруг расстилались волнистые луга; на островках в тени развесистых, старых деревьев укрывались быки, они помахивали хвостами, отгоняя слепней; вдали виднелись высокие и темные бамбуковые заросли, где стволы гнутся и раскачиваются, словно в агонии, а тонкими, длинными листьями постоянно играет ветер; за ними среди молодого леса поднимались крыши далеких ранчо, покрытые золотистой травой сапе, над которыми медленно таяли султанчики дыма; и, наконец, совсем далеко вставали высокие горы. В знойные дневные часы к нам доносилось влажное дыхание леса, пахнущее цветочной пылью и древесной смолой, и солнце, склоняясь к закату, бросало на крутой синеватый склон горной цепи причудливые пятна теней, которые все удлинялись и удлинялись.

Напротив, на пастбище, где в былые времена ночевали погонщики и подкармливался уставший от длинного пути

⁴⁸ Висентинец – уроженец города Сан-Висенте, близ Сантоса.

⁴⁹ Сайфона – подобие гармоники.

скот, виднелась роща многолетних пайнейр, широкие кроны которых казались красными, так много было на них цветов; из самых глубоких тайников листвы, как гимн лету, как торжественная месса, доносилось пение цикад.

Но особенно яркие воспоминания о прожитых здесь днях вызвала у меня картина, открывавшаяся по другую сторону дома. Там по-прежнему стояло старое энженью с толстыми, уже потрескавшимися каменными стенами, с четырехскатной крышей. Уже во времена моего детства оно было мертво. Оно бездействовало много лет, с тех пор как его лишили воды и обрекли на неподвижность водяное колесо. На колесе проросла трава, некогда крепкие лопасти сгнили, и теперь птицы стали вить там гнезда; куски гнилого дерева, постепенно разрушаясь от времени, падали вниз, в зеленую стоячую воду, покрытую плоскими листьями кувшинок и темной шевелюрой водорослей. Под ослепительным полуденным солнцем там попискивали ящерицы с мягкими, скользкими спинами, а по вечерам выводили свои рулады лягушки.

...Дед сбил траву своей тяжелой палкой, вырезанной из молодого дерева, когда в древесине еще не разводятся вредители. Мы вошли в энженью. Меня окутал мрак, я ощутил на руках и лице леденящее прикосновение многолетней ночи. Воздух здесь был пропитан запахом плесени, земли, разлученной с солнцем. Глаза, привыкшие к яркому свету, отказывались различать детали машин. Там, где стоял пресс, на котором некогда давили измельченную маниоку, я увидел только спираль из коричневого дерева, все остальное растворялось в полумраке.

На крыше под натиском частых бурь стали прогибаться балки и стропила, черепицы налезали одна на другую, открывая дорогу свету. И солнечные стрелы, подобно золотым стилетам, прорезали полумрак и освещали дальние уголки, заваленные пыльным старым железом, где теперь, наверное, спали змеи жараракусу. Эти золотистые лучи выхватывали из темноты какие-то странные орудия былых времен, возможно, кольца для пыток невольников, инструменты, брошенные сюда наспех в тот памятный день, когда остановилось большое колесо и навсегда умолкли крупорушки.

В проломах стены происходила ожесточенная битва: оранжевый свет заката вливался, подобно воде, которая победоносно прорывает укрепления плотины, когда река выходит из берегов. Да, именно победоносно, ибо в открытом просвете стены шириной в метр виднелось какое-то

приросшее к камню и вытянувшееся к небу красноватое болотное растение, оно походило скорее на окровавленное знамя, которое развевается на ветру.

– Что это за повозка, дедушка?

– Это дилижанс твоего прадеда. На нем разъезжали между Сантосом и Сан-Пауло еще до постройки железной дороги.

От древнего экипажа остались только колеса, верх да единственное дышло, поднятое, как крест.

Мы стояли перед жерновом, который приводился в движение водяным колесом, расположенным по ту сторону стены. Сахарный тростник подавался в пучках – так его привозили с поля, – и сок стекал струйками по желобу, сколоченному из трех досок, в чаны, находившиеся в другом помещении.

Там отстоявшийся после процеживания и брожения сок переливался в медные перегонные кубы. На выжимки сахарного тростника, падавшие позади цилиндров, устремлялись мухи и пчелы. Эти выжимки вывозились в больших телегах на фазенду: ими удобряли тощие земли и кормили коров, свиней и мулов.

Между жерновом и колесом внизу помещались в один ряд пять крупорушек для риса. Планки, отходившие от оси, словно разбросанные во все стороны лучи, захватывали рычаги, на которых были укреплены пестики ступок; пестики поднимались на одну брасу, а потом падали в ступки, наполненные зерном; ступки были сделаны из особо прочного дерева, крепче железа, и бросали вызов времени. Для спуска в это отделение в былые времена имелась лестница, от которой теперь остались только первые ступени.

Здесь я вспомнил о Марселино, негре с санфоной. Никогда я не встречал человека, который рассказывал бы столько всяких небылиц. Как-то, зайдя со мной в энженьо, он остановился у этого места и разыграл целую комедию.

– Вы уже здесь? – спросил он угрожающим тоном, глядя в угол, где никого не было. И, так как ответа не последовало, бросил в темноту какую-то планку. Послышался таинственный шорох: это разбегались крысы.

– Это что, соседские мальчишки?

– Какое там! Это дети старых негритянок, которые уже сто лет живут в безделье.

Помню, что, по словам Марселино, один такой негритенок, которого впоследствии раздавило пестиком, однажды наклонился над ступкой и пестик опустил на него.

Мальчишка болтал в воздухе черными ножонками и кричал:

– Я уронил свой берет! Я уронил свой берет!

Марселино якобы поднял пестик, и негритенок, освободившись, поскреб на дне ступки, вытащил свой красный берет, напялил его до ушей и убежал, подпрыгивая по пыльному полу.

У лестницы стоял большой деревянный ящик, отполированный от долгого употребления. В нем находился вентилятор с большими латунными крыльями, изъеденными ржавчиной; от сит остались одни обода. Этот аппарат приводился в движение руками. Я был им в детстве просто зачарован. Мне нравилось смотреть, как с глухим шумом, похожим на завывание ветра, в этом таинственном ящике вращаются лопасти.

Через широкое овальное отверстие в стене проходила ось, которая соединяла водяное колесо с жерновом. Этот вал вращался на деревянных подшипниках, когда-то скользких от тавота и еще сейчас, спустя столько лет, блестящих, словно лакированные.

В отверстие видно было колесо, покрытое высокой травой, и на заднем плане – обрыв, поросший жуазейро, в листе которых мелькали золотые шарики.

Мы вошли в другую часть энженьо – обширное темное помещение. Долгое время взгляд едва различал узкие щели в толстых стенах, сквозь которые вливался, подобно растекающимся чернилам, красный свет заката.

Вспугнутые летучие мыши беспорядочно заматались, едва не задевая крыльями за стены, чуть не касаясь нас своими холодными перепонками.

Мой дед, шедший впереди, остановился у входа и посоветовал мне соблюдать осторожность, потом проскользнул внутрь и исчез.

Когда мои глаза понемногу привыкли к полумраку, я понял, что нахожусь на краю пропасти. Бури окончательно разрушили эту часть здания. В полу на своих местах остались лишь вырубленные топором просмоленные балки – доски провалились. Старик скользнул по тонкой перекладине и исчез где-то в глубине.

Во мраке слышалось чирканье спичками. Наконец одна зажглась и вслед за этим появился огонек керосиновой лампы. Он освещал небольшой круг, центром которого была рука деда, державшего лампу высоко над головой. Обломки черепицы и куски штукатурки с бульканьем падали вниз, в зеленую воду.

Я испуганно ступил на балку, покрытую осыпавшейся землей, и увидел разложенные в углу, где разрушений было меньше, рваные джутовые и рогожные мешки; там дед устроил себе жилье. Иногда он подолгу оставался в энженьо, здесь же хранил всякую всячину: ларь с пожелтевшими от времени бумагами и жестяные коробки со склянками гомеопатических лекарств.

При красноватом призрачном свете лампы я увидел двенадцать чанов, стоящих в ряд на крепких балках. Каждый из них был выдолблен из целого ствола. Эти чаны казались лодками без кормы и носа. Они, как объяснил старик, сохранились еще со времен иезуитов.

На балках стоял и огромный, чуть не с комнату, ящик на четырех квадратных подпорках. Он был плотно сбит из узких досок, между которыми еще виднелись черные полосы конопатки. Это был куб, где в свое время всегда хранилось для торговцев из-за перевала двадцать бочонков прозрачной водки.

Внизу, в подвале, лампа чуть осветила стоячую воду, в которой плавали какие-то обломки. В углах, где мрак казался еще гуще, скользили привлеченные светом ящерицы. У задней стены вода постепенно высыхала – там виднелся выросший на скользкой почве анемичный цветок. Из сумрака выступали остовы котлов, на них выстроились четыре перегонных медных куба, поверхность которых уже покрылась слоем окиси. Из колпаков в форме перевернутых курительных трубок выходили, перекручиваясь во мраке, металлические змеевики, похожие на каких-то допотопных животных.

Недавно я как-то проезжал на автомобиле по приморскому шоссе и снова посетил это развалившееся здание. Теперь я обнаружил только кусок стены среди цветущих жакатиранов. Я сорвал один из ростков самамбайи, которые больше походят на зеленых морских улиток, чем на растения. В конце концов после полувековой тяжбы, закончившейся во всех инстанциях победой нашей семьи, должно же было мне что-нибудь остаться!.,»

XII

Негр Пио

Лаэрте, Лу и мадемуазель Жувина ранним утром выехали в коляске к Пиньейросу, чтобы встретить там отряд беглых негров. В пути они обгоняли группы направлявшихся туда же каиаф. Освобожденные негры несли на головах

большие корзины с продовольствием. Когда у них спрашивали, для чего это, они хитро улыбались, но из страха перед полицией не отвечали.

Прибыв в Пиньейрос, мадемуазель Жувина сочла путешествие оконченным. Нельзя было придумать предлога, чтобы увести старуху куда-нибудь в сторону от размытой дороги на Иту. Примерно в одиннадцать часов, уже изрядно надоевшая молодым людям, она нашла средство снова завоевать их расположение. Она отправилась к экипажу, который они оставили около какой-то лавки, и принесла оттуда завернутую в салфетку жареную курицу, начиненную поджаренной маниоковой мукой, вареные яйца и маслины. Позади нее шел извозчик с корзиной, где были тарелки, столовые приборы и бутылка вина. Предусмотрительная старуха позаботилась обо всем.

Как ни искренен был их аболиционизм, как ни сильно желание присутствовать при прохождении негров и помочь им кое-какими деньгами, у влюбленных разыгрался аппетит, и они радостно встретили тетку с угощением. Пройдя вперед по дороге, они остановились у старого ветвистого дерева, под которым ковром раскинулась тень, уселись и, словно это был приятный пикник, принялись завтракать.

Они уже заканчивали завтрак, когда проходившие мимо каиафы сообщили, что невольники обходят Сан-Пауло стороной и в эту минуту головная часть колонны уже находится, вероятно, в Имбу. До сих пор не произошло никаких инцидентов, и с наступлением вечера негры, очевидно, начнут спускаться с перевалов через ущелье Санто-Амаро...

Получив эти сведения, молодые люди, а с ними и мадемуазель Жувина, решили возвратиться в город, поскольку поездка оказалась бесполезной, и, кроме того, им хотелось поскорее узнать, как разворачиваются события. Они снова сели в коляску. Мадемуазель Жувина и Лу открыли зонтики из розового шелка, обшитые широкими кружевами. Лаэрте, сидевший между ними, чувствовал себя на седьмом небе, совершенно забыв об освобождении рабов, о походе негров и о всех своих идеалах.

Въехав в город, они увидели на улицах возбужденную толпу. У редакций «Провинсия», «Коррейо» и «Газета до Пово» скопилось много народу. Шли горячие споры. Время от времени неизвестно откуда появлялся какой-нибудь человек и сообщал последние новости, которые толпа внимательно слушала.

В этот час невольники двигались уже по направлению к Сантосу, или, вернее, к холмистому району между Котией и

Санто-Амаро, за которым вырастают горы, обрывающиеся крутыми спусками в ущелье.

Если Лаэрте и Лу не удалось увидеть беглых рабов, то другие каиафы оказались счастливее. Еще накануне они направились в пункты, где, по полученным ими достоверным сведениям, обязательно должны были пройти негры. Здесь они пробыли всю ночь и утро, пока последний невольник не миновал ровное поле, покрытое густым бородачом. Аболиционисты вытаскивали из корзин и мешков продукты и объявляли:

– От Антонио Бенто!

И негры отвечали им:

– Да здравствует Антонио Бенто! Ура!

Наиболее крепкие невольники, еще сохранившие силы, проходя мимо, взваливали на плечи мешки и корзины. Однако даже они шли пошатываясь, изнуренные голодом, бессонницей и усталостью, их поддерживало только мучительное желание добраться до обетованной земли, которая, как им говорили, была землей свободы.

Солнце поблескивало на засохшей глине дороги. Деревьев не было. Уже давно в пути не попадалось ни одного источника, лишь изредка встречались темные и глубокие промоины в земле. От засухи трава на лугах выгорела. Встречавшиеся вдоль дороги ранчо были, как обычно, пусты; кое-где владельцы плантаций, уходя, отравляли колодцы мышьяком, который применяют для истребления паразитов у животных. Негры боялись водоемов как огня: некоторые из них, напившись из таких колодцев, падали на дороге, корчась в муках и кусая траву, в то время как уходящая вперед колонна терялась вдали.

В районе Санто-Амаро негры встретили группу рослых, но хилых деревенских жителей, все они были светловолосыми. Крестьяне улыбались, показывая гнилые зубы. По-видимому, это были потомки первых немецких колонистов. Увидев шагающих негров, они присели на корточки у обочины дороги и стали наблюдать за ними молча, с нескрываемым удивлением.

Наконец один юноша спросил старика, который сидел рядом:

– Что это за люди, сеньор Келлер?

– Это невольники, которые освобождают себя... – Вытащив трубку изо рта, старик далеко сплюнул и добавил: – Это люди, которые не хотят жить в рабстве...

Вечерело. К младшему лейтенанту Гаспарино Карнейро Леану, еще на прошлой неделе прибывшему в указанное

место во главе отряда из пятидесяти кавалеристов с приказом рассеять беглых рабов, явился дозорный, который наблюдал за дорогой в двух километрах от бивака. Он прискакал галопом, бросил поводья часовому и вбежал в хижину, где расположился командир, с сообщением, что через несколько часов должны подойти негры.

Младший лейтенант, у которого был светлый ум и доброе сердце, оказавшись в затруднительном положении и колеблясь между чувством и долгом, был очень огорчен этим сообщением. Он все время таил надежду, что беглые рабы среди многих открывающихся перед ними дорог выберут не ту, на которой поставили его. «Вандерлею, тому повезло, – подумал он. – Повстанцы пройдут стороной, минуя расположение его отряда».

Поразмыслив, он вызвал младшего сержанта Жусто. Это был негр, которого армия освободила от неволи, тик как военная форма означала конец рабства. Младший лейтенант знал, что Жусто аболиционист, потому что тот уже однажды из-за беглых негров попал в неприятную историю.

– Жусто, сюда идут киломболы... – дружески обратился он к сержанту.

Жусто вздрогнул.

– Только ты можешь уладить дело. Возьми с собой шестерых солдат, на которых можно положиться, и отправляйся с ними поджидать негров на первом повороте. Постарайся переговорить с их вожаками. Скажи, что мы друзья и зла не желаем никому. Пусть они пройдут другой дорогой и постараются ничем себя не выдать...

Младший сержант сразу понял, чего хочет начальник, и благодарно улыбнулся, как если бы милость была оказана ему или всей его расе. Ему захотелось броситься на шею офицеру и крепко обнять его, но командир, произнося такие добрые слова, вместе с тем держался холодно и даже строго. Жусто козырнул, вышел во двор, перекинулся парой слов с солдатами, и вскоре несколько всадников затрусили по дороге, извивающейся среди чахлых деревьев на холмах.

* * *

Вечерело...

Появились негры.

Впереди, на некотором расстоянии друг от друга шли мальчишки, в их задачу входило разведывать путь. За ними

метрах в пятистах – группа крепких и решительных негров, среди которых выделялась высокая, сильная, властная фигура Пио. Тут же был и Салустиио, в облике его уже не осталось и следа от мальчишки с фазенды Пайнейрас.

Все были в лохмотьях, почти обнаженные; дорожная пыль покрывала потные тела и лица, превратившиеся в серые неподвижные маски. В двухстах шагах шла новая группа. Еще примерно на таком же расстоянии двигалась толпа, вооруженная серпами, топорами и ножами. Дальше колонна редела: попеременно брели мужчины, женщины и дети, с трудом передвигая натруженные, исколотые колючками, изодранные о комья засохшей глины ноги. В хвосте тащились выбившиеся из сил люди, они безнадежно отстали от основной массы беглецов. Их еще можно было называть киломболами только потому, что, полуобнаженные, серые от пыли, согнувшись, волоча тяжелые, будто налитые свинцом ноги, они все-таки старались догнать колонну. Когда им навстречу попадался всадник, они расспрашивали его, в каком направлении пошли их товарищи.

До Санто-Амаро было еще далеко, когда один из разведчиков подбежал к Пио и передал ему какие-то известия. Пио, стоявший на вершине холма, стал пристально вглядываться вдаль, но ничего не увидел. Тогда он обернулся и, сложив руки рупором, сообщил товарищам, что вскоре им предстоит столкнуться с военным отрядом. Инстинктивно негры отпрянули было назад, толпа сгрудилась. Пио, опираясь на серп, добавил:

– Они там внизу... идут сюда...

Видя спокойствие вожака, люди после короткого колебания еще решительнее двинулись вперед.

А негр, чтобы воодушевить товарищей, продолжал:

– Видите этот горный хребет? За ним море...

Колонна снова пришла в движение; в синем, спокойном вечере слышалось тяжелое дыхание изможденных людей. Однако вскоре беглецов охватило смятение. У ближайшего поворота, освещенного закатными лучами солнца, неожиданно появился кавалерийский патруль.

Негр Пио остановился и стал ждать.

За ним замерли и растянувшиеся по холмистой местности беглецы. Патруль приближался шагом. Увидев, что они замечены, один из кавалеристов спешился, передал поводья ближайшему солдату и пошел вперед пешком. Это был младший сержант Жусто; он подходил все ближе, все ближе... Примерно за двести шагов он стал что-то говорить, но Пио не мог его расслышать.

– Не подходить! – потребовал вожак.

Младший сержант, видимо, не слышал.

– Предупреждаю – не подходить!

Человек приближался; он хотел что-то сказать.

Тогда негр Пио отступил на шаг, размахнулся серпом и коротким, точным ударом обрушил его на человека, словно это был ствол бананового дерева; голова младшего сержанта качнулась на плечах, потом упала в одну сторону, а тело в другую. Оставшиеся позади всадники прицелились и выстрелили; негр Пио выронил серп, склонился вперед, согнул колени и рухнул на землю, как выпущенный из рук мешок.

Как только послышались выстрелы, началось беспорядочное бегство. Негры с криками бросились в разные стороны и рассеялись по полю. Когда стемнело, видны были только метавшиеся, как безумные, тени. Невольники спотыкались о стебли бородача и падали. Над горным хребтом возшла огромная зеленая звезда – та, которую поэт назвал «светящейся слезой, что катится по лицу невольника». Негры знали, чувствовали, что по ту сторону гор – свобода, и в безумном беге стремились вперед, словно ведомые звездой...

Услышав выстрелы, отряд прискакал и хотел было отомстить за смерть товарища, но младший лейтенант не разрешил. Он сделал даже больше: велел перевезти тело негра Пио в Сан-Пауло и передать его полиции. В морге судебный врач произвел вскрытие и отметил в протоколе, что «...покойный более трех дней ничего не ел. Вскрытие, таким образом, показало, что этот негритянский руководитель, который отбивался от отрядов регулярных войск, который, подобно завоевателю, проходил через богатые города и фазенды, отдал жизнь за свободу своей расы, испытывая муки голода».

Младший лейтенант Гаспарино Карнейро Леан был предан военному суду, но единогласно оправдан. Губернатор провинции поздравил офицера с оправдательным приговором, но тот отказался принять поздравления.

Все эти события вызвали бурные отголоски в стране и ускорили отмену рабства.

* * *

Вернемся, однако, к колонне, которая была рассеяна близ Санто-Амаро.

На рассвете первые партии беглых рабов дошли до горной цепи. Отряд полиции, вышедший несколько дней назад из Сантоса, находился здесь в засаде. Лесные капитаны, которых народ прозвал кровавыми капитанами, тоже выбрали удобные стратегические позиции для охоты на рабов.

Их задача была несложной. Несчастные беглецы подходили сюда измученные, беспорядочными группами – одни, нагруженные узлами, другие с детьми на плечах. Когда перед ними, окутанные туманом, вырисовывались далекие энженьо и поселки, где была свобода, многие падали на колени и целовали землю, обливая ее слезами. Некоторые вглядывались в темные скалы, испуганно тараща глаза.

Невольники, как безумные, бросались вниз по крутым склонам, по ягуаровым тропам, стремились во что бы то ни стало добраться до земли, где царствует свобода. Время от времени слышался характерный сухой треск, и черные тела скатывались в пропасть, оставляя на каменистых склонах капли крови. Довольно молодая негритянка, шедшая впереди других женщин, достигла края ущелья и, хотя все говорило о необходимости сохранять молчание, принялась кричать:

– Сантос! Это Сантос!

Из леса вышел бородатый человек с ружьем и спросил:

– Это что еще такое?

– Я – Лузия!

Женщина опустилась на землю и начала на коленях ползти под гору.

Человек с ружьем не выдержал:

– Остановись, полоумная!

Негритянка обернулась и поведала ему:

– Я дала обет пресвятой деве Монте-Серрате доползти до святой земли на коленях!

Человек с грязной бородой и в большой шляпе стоял, приложив ложе ружья к лицу, готовый выстрелить, но, услышав эти слова, почувствовал угрызения совести, сплюнул в сторону и стал наблюдать, как негритянка с трудом пробирается по руслу пересохшего потока, обдирая себе до крови колени. Так он следил за женщиной, пока она, словно больное животное, не скрылась из виду среди темных деревьев.

Одна из негритянок хотела спуститься с горы с ребенком на руках, цепляясь за лианы. Внизу зияла пропасть, под зеленым шатром слышалось журчание воды. Она стала спускаться, но сзади появился другой человек, тоже с гряз-

ной бородой, в большой шляпе, с двустволкой в руке. Женщина в ужасе оглянулась. Она стояла на краю обрыва, подняв ребенка над головой. Лесной капитан решил, что может сэкономить патрон. Он подошел и пинком сбросил женщину с ребенком вниз, в пропасть. Потом приблизился к краю и заглянул в бездну, но ничего не увидел. Лишь чуть дрожала самабайя, из-под ее пыльных листьев по-прежнему слышалось тихое, таинственное и жалобное журчание.

Собаки лесных капитанов лаем будили лесные дебри.

То тут, то там раздавался выстрел, затем крик, шум камней. Больше ничего...

Последние беглецы, преследуемые лесными капитанами, сумели выйти на приморскую дорогу, по которой в те времена еще перегоняли скот. Она начиналась среди вершин, скрытых облаками, и, зажата между скалами и пропастями, тянулась, как глубокая прорезь в горном хребте. Потом дорога исчезала между склонившимися деревьями, суживалась, словно от страха перед пропастями, так что путешественникам приходилось прижиматься к обрывистым склонам, позеленевшим от плесени, курчавым от трав, слезящимся от стекающей воды.

Местами дорога достигала двух брас ширины, местами – не превышала и полбрасы. На ней всегда была вязкая грязь, которую месили проходящие стада. Деревья часто падали на дорогу, стволы оставались там гнить, словно туши издохших быков, и в их сырости находили себе убежище похожие на серые камни жабы. Здесь можно было нередко заметить таинственные движения в опавшей листве, что указывало на присутствие змей.

Дорога бежала все дальше. Она сжималась в горловинах, извивалась на поворотах, снижалась в резких спусках, обходила стволы и скалы, перебиралась через коварные водопады, ниспадающие с высоты, – белые, трепетные, покрытые фатой, словно невесты. Иногда спуск становился настолько крутым, что путешественник слышал над головой топот гуртов скота и крики погонщиков.

Беглые негры, ничего не видя от усталости и страха, продирались сквозь дикие заросли; они уже считали себя навсегда затерянными в лабиринте гор, когда оказались на краю обрыва, где как раз в тот момент проходил, прижимаясь к скале, гурт скота. Так как в лесу стреляли, негры, поглощенные одной мыслью – спрятаться где угодно, – бросились к стаду и замешались среди быков. И, затерявшись в этом движущемся лесу ног, морд и рогов, они сумели не пе-

репугать дикий и недоверчивый скот. Однако это длилось лишь мгновение, пока стадо не повернуло в сторону, следуя за извивами дороги. Быки подняли морды и замычали; слышался стук сталкивающихся рогов; животные, шедшие впереди, внезапно остановились. Но там, позади, на повороте, над их головами слышались голоса погонщиков:

– Оа, бык! Оа, бык!

Они заметили беспокойство животных. Подкованные лошади поскакали по камням. Приземистые кривоногие собаки рассвирепели и, оскалив клыки, неистово залаяли. И стадо рванулось вперед. Негры ползком, увертываясь от копыт, пробираясь между взмыленными, покрытыми клещами животными, сумели достигнуть края дороги и, прячась за деревьями и камнями, переждали, пока не прошел последний бык. Погонщики были разъярены. Увидев укрывшихся негров, один из них закричал:

– В другой раз оставайтесь под стадом и подышайте там! Слышите?

Никто ему не ответил.

– Вы с плантации Текос?

По-прежнему молчание.

– Вот увидите, расскажу хозяину!..

И он умчался.

А стадо подошло к следующему повороту, за которым начиналась трясина. Быки прижимались к скале и скользили по камням, которые время от времени катились вниз, подпрыгивая, ударяясь о деревья, запутываясь в лианах и наконец навсегда исчезая в пропасти. Пройдя поворот, первый бык попал в трясину, и его затянуло по брюхо. Новое беспокойство в стаде, жалобное мычание, разъяренный лай собак. Стадо снова заколебалось и остановилось. Над рыжим морем бычьих спин погонщики увидели мохнатую зыбь поднятых хвостов; передние быки попятились и остальные, сгрудившись, стали налезать друг на друга.

Погонщик, угрожавший невольникам, закричал:

– А ну-ка, подстегни их, Лазиньо!

Рослый краснолицый погонщик, тоже верхом на лошади, откликнулся ему в тон:

– Подстегиваю, Жоан Пала!.. Что там случилось? Прибежавший мальчишка-кабокло сообщил, что завяз один бык. Собаки, как бы поняв его слова, опустив головы и глухо лая, бросились в самую гущу стада к трясине. Пробравшись к застрявшему быку, они принялись тянуть его за хвост, кусать ляжки; бык, стараясь найти точку опоры, мычал и хрипел, в отчаянии выгибая спину. Наконец, послед-

ним рывком животное поднялось сначала на задние, потом на передние ноги и, разбрызгивая жидкую красноватую грязь, стремительно бросилось вниз по склону. Шедшие сзади быки помчались вслед, расплескивая грязь и стараясь боднуть собак, которые злобно хватали их за складки на груди. По лесу разносился запах пота, горячего навоза.

Лазиньо поднял лошадь на дыбы и закричал:

– Оа, бык! Оа, бык!

Спуск заканчивался. Внизу расстилалась равнина, виднелись стальные блестящие полосы рек и зеленовато-медные мангровы. Можно было даже различить каменное здание энженью, хижины, загоны для скота. Пройдя еще немного, стадо наконец удалилось от пропасти. Когда Лазиньо и Жоан Пала подъехали к пересекавшему дорогу потоку, где в хижине жили прокаженные, они натолкнулись на отряд кавалеристов, которые, судя по всему, кого-то поджидали. Вперед выступил младший лейтенант, остановил погонщиков и спросил:

– Не видели ли вы по дороге беглых негров?

– Видели. Они спускаются.

– Можете следовать дальше.

Младший лейтенант вернулся на свой пост; погонщики поскакали догонять стадо, которое уже ушло далеко вперед. Их палы развевались по ветру.

XVIII

Свобода

Затерявшиеся в горах невольники – остатки колонны Пио – стали собираться вместе. Обсудив положение, они решили переночевать на лужайке, покрытой толстым ковром из сухих листьев. Небо нависало над самыми вершинами. Было темно и душно. Туман, уносимый ветром, рвался на тончайшие белые лоскуты. Постепенно становилось холодно. Негры сбились в кучу, тесно прижимаясь друг к другу, кутаясь в лохмотья.

Беспокойная негрятяночка, которая неподалеку от Пайнейраса патетически взывала к покровительству Санта-Риты, не выглядела усталой. Она расхаживала взад и вперед, размахивая длинными худыми руками, показывая сквозь рваную юбку костлявые ноги. Она разговаривала сама с собой и смеялась...

Неожиданно в разрыве между облаками показалось ясное небо, на котором сияла полная луна, прозрачная, как

мыльный пузырь. Ночь расстилала над пропастями свои льняные покрывала.

Просвет между облаками стал расширяться. Появились первые звезды, казавшиеся цветами, рассыпанными по небосводу. И погода стала меняться. Порывы теплого ветра шевелили листья деревьев. Туман стал оседать, словно его притягивал к себе темный склон горной цепи, поредел и наконец рассеялся. Небо совсем очистилось; оно было высокое, глубокое, светлое, как звездный сад.

Негритяночка, забравшись на камень, воздела руки и воскликнула:

– Смотрите, что там!

Разбредшиеся тени сбежались к ней.

– Что такое?

И она исступленно выкрикнула:

– Крест господа нашего!

Эхо повторило ее слева всюду: на ложе из сухих листьев, в просветах между деревьями, в самамбайях, нависших над обрывами. Казалось, ночь шепотом молится: «Крест господа нашего, крест господа нашего...»

Когда последние обрывки тумана вознеслись к небу, серебристый свет луны озарил застывшую горную цепь и коленопреклоненных негров, молящихся Южному кресту. Кресты земные не раскрыли им свои объятия; они молились небесному кресту, который ближе к богу и весь из звезд.

Потом они повалились на землю и забылись тяжелым сном.

Чудовищные массы облаков реяли между землей и небесным сводом. Иногда они подплывали к горному хребту, углублялись в чащу деревьев и слегка, совсем слегка касались их обожженной коры, будто бог хотел нежно укутать их прохладным душистым горностаевым покровом. На небе это были облака, на земле – туман. Кузнечики наполняли ночь своим тонким стрекотанием, птицы перелетали с ветки на ветку, пели водопады, и, наконец, – чудо здешних гор – глубокой ночью в самые мертвые часы звучала праздничная песнь цикад...

Негры, стоявшие на страже, разбудили спящих, чтобы и те послушали эту волшебную музыку. И, когда они тихо перешептывались между собой, тише, чем журчит источник, примерно за двадцать брас от них послышалось долгое и глубокое мяуканье. Это был ягуар. Матери старались заглушить на груди плач детей. Луна скрылась, ветер уснул в пещерах, горный хребет оцепенел от страха.

Начало светать.

Негры зашагали к Сантосу, к солнцу. Спускаясь по обрывам, они раздирали распухшие, воспаленные ноги; по стонам можно было сосчитать раны. В желтоватом утреннем свете блестели серпы на плечах. Горячий ветер с запахом древесной смолы пахнул им в лицо, всколыхнул серебристую листву велама, протяжно застонал в отрогах горного хребта; то был норд-вест.

Негров вел Салустио. Почувствовав жажду, он опустился на колени у родника и, зачерпнув воды в пригоршни, принялся пить. Остальные негры последовали его примеру. Потом они пошли дальше легким охотничьим шагом, останавливаясь при каждом подозрительном шорохе. Ягуар, должно быть, расхаживал где-то поблизости. Но надо было идти вперед. Вдали сияло золотое пятно – это был Сантос, это была свобода.

На одном из поворотов они увидели медленно ползущую по земле темную фигурку. Они содрогнулись.

– Кончились горы? – измученным голосом спросила фигурка.

– Почти; еще немного и конец, – ответил Салустио.

Это была Лузия, негритяночка, которая дала обет спуститься с горного хребта в Сантос на коленях; двигаясь ползком по руслу потока, Лузия в конце концов выбралась к дороге, которую он пересекал, и в несколько дней совершила рискованный спуск по гальке и острым камням, перебираясь через болота, речки, лужи грязи. Она встретила нескольких путников; те приняли ее за парализованную нищенку и не обратили на нее внимания. Лузия уже потеряла человеческий облик, ноги ее представляли сплошную язву; одежда в пути превратилась в лохмотья.

Услышав, что горы кончаются, она сделала над собой усилие и снова поползла к этому сияющему пятну, которое стало все ярче.

Дорога стала расширяться. Вот встретилась лужайка, покрытая лилиями; чахлые деревца воздевали свои худые руки к небу.

Раздался громкий окрик:

– Стой!

Негры оглянулись по сторонам. На лужайке залегли солдаты и целились в них.

Женщины настолько испугались, что даже не пытались бежать. Но мужчины инстинктивно образовали тесную группу и подняли серпы, намереваясь защищаться. Они, словно обреченные, были готовы бороться насмерть.

Кавалерийским отрядом командовал Густаво Борба, а офицерами у него были Маркондес де Брито и Олегарио Моура; пехотный отряд возглавлял Константино Шавиер э Безерра. Все они договорились проявить к беглецам максимальную терпимость, беспрепятственно пропустить остатки колонны.

Константино Шавиер много лет спустя поведал в одном письме развязку этого эпизода:

«Борба вступил в переговоры с невольниками, сказав, что они могут свободно пройти и с ними ничего не случится. Тогда все – мужчины, женщины и дети, которые готовились оказать сопротивление, – разом склонив колени, торжественно произнесли:

– Да благословит вас Иисус Христос, сеньоры!

И снова потащились вниз по горам, едва переступая окровавленными ногами...»

Тут послышался чей-то стон. Это была Лузия. Увидев людей, она повторила свой вопрос:

– Кончились горы?

Один из сержантов подошел взглянуть, в чем дело, и ответил:

– Уже, сестра моя!

Лузия попробовала подняться, но не смогла; колени у нее словно окаменели. Тогда она выгнулась, простерла руки и громко провозгласила:

– Да будет благословенна богородица Монте-Серрате, моя покровительница!

Она походила на ствол обгоревшего дерева, ветер рвал остатки ее рубища, обнажая страшные язвы.

Негры продолжали путь на Сантос. Когда они дошли до равнины, их встретил черный человек на белом коне. То был Кинтино де Ласерда – он привез им продукты и одежду.

До Сантоса дошли немногие.

За мостом дорога потянулась вдоль железнодорожной линии. Стадо быков, встреченное невольниками накануне, переночевав в Кубатане, прошло по этой же дороге незадолго до появления на ней рабов: следы копыт еще только наполнялись водой.

Негры брели полумертвые от истощения. Кинтино купил две корзины, навьючил на лошадь, устроил в них четверых детей, чтобы дать отдых их матерям. И повел лошадь под уздцы.

Во второй половине дня негры подошли к Каскейро.

Здесь их ожидала новая беда: мост находился под охраной полиции, прибывшей из Сантоса с приказом не пропускать негров, задерживать их и возвращать фазендейро – их законным владельцам. Командовал этим отрядом бывший сержант, честный и храбрый воин.

Командир позволил неграм приблизиться к мосту... Послышался звук горна... Отряд построился... Солдаты примкнули штыки...

– Стой!

Беглецы на этот раз и не думали сопротивляться: это уже было им не под силу, они совсем пали духом. Но Кинтино де Ласерда не растерялся. Он успел привыкнуть к таким положениям. Еще в 1883 году правительство распорядилось охранять мост Каскейро, чтобы не допускать проникновения беглых негров в Сантос. В то время получил широкую огласку эпизод с негром Адамом. Офицер с оружием в руках под угрозой смерти потребовал, чтобы никто не проходил по мосту... «Но, – добавил он другим тоном, – если хотят пройти стороной, мне до этого нет никакого дела, так как полученные мною распоряжения касаются исключительно моста в Каскейро...»

Эта история с дядюшкой Адамом и его спутниками стала притчей во языцех; ее повторяли со многими подробностями всякий раз, когда группа беглых рабов намеревалась пересечь Каскейро. Поэтому Кинтино де Ласерда не слишком встревожился, увидев здесь отряд полиции.

– Сеньор сержант!

– Что вам?

– Приказ касается только моста?

– Именно так я и сказал...

– А если наши братья пройдут под мостом?

– Это меня не касается; это дело господ нашего Иисуса Христа.

Больше говорить было не о чем. Кинтино де Ласерда не стал ждать и направил лошадь к реке сбоку от въезда на мост. Испуганные негры последовали за ним. Там внизу их ждали каиафы, прибывшие из Сантоса под видом рыбаков для встречи невольников. У моста стояла целая аболиционистская флотилия, состоявшая из лодок всех видов, на которых были люди, готовые предложить свою помощь мирным беглецам.

В одно мгновение все лодки вышли на речной простор и взяли курс на Сан-Висенте. Солнце освещало кудрявый ковер мангров и сверкающую гладь реки. Флотилия была уже далеко, когда на одной из лодок, поскольку голод давал

себя знать, двое кайсар, перегнувшись через борт – река здесь была очень мелкой, – начали доставать со дна крупных, как устрицы, моллюсков и кидать их беглецам. Те вскрывали ножом раковины и с удовольствием поедали их содержимое.

– Что это такое? – спросил Теренсио у Салустии, но тот не знал.

– Амейжоа, – сказал один из кайсар.

Негр машинально повторил это слово. В конце концов, какое значение имеет для него название? Моллюск был вкусен и пришелся очень кстати...

Когда причалили в Сан-Висенте, наступил вечер. Луна озаряла землю бледным молочным светом. Между двумя холмами, где открывалось беспокойное море, они заметили освещенные дома побережья.

Тинтино, который был из Сержипе, вспомнил свое детство и затянул молитву из макумбы:⁵⁰

Санта-Барбара на небе,
Сан-Жеронимо на море,
Такое величие на земле,
И бог везде, повсюду!

Спутники с чувством повторяли припев.

Весла рассекали черные воды. Звезды танцевали в зеркале моря.

Распевая песни, они прибыли в порт Морро, откуда направились в Жабакуару.

На рассвете беглые невольники вступили в киломбо, проходя между шпалерами приветливо улыбающихся, прыгающих от радости негров. В ознаменование встречи был устроен праздник – в Жабакуаре такие праздники были делом нередким...

В глинобитной хижине,
Заброшенной лачуге колдуна,
Ганза поет свой шикешике,⁵¹
Грохочет бомбо,⁵² спряталась луна...

⁵⁰ *Макумба* – негритянский религиозный обряд, сопровождающийся плясками под звуки барабанов.

⁵¹ *Шикешике* – звукоподражание ганзе.

⁵² *Бомбо* – большой барабан.

Новый день, что лесное пожарище,
В драке много побоев и ран,
Кровью почва обильно полита!
Негр танцует, смакуя кентан.

Блекнут звезды за рощей кокосов,
День приходит желтее шафрана,
Золотит гуаншумы, усадьбу
И танцующих негров у чана!

XIV

Медовый месяц

После того как описанные нами события получили широкую огласку, были прокомментированы в газетах и воспиты поэтами, аболиционистская кампания вступила в новую фазу. Губернатор провинции, не зная, что предпринять в связи с массовым уходом негров с фазенд, телеграфировал правительству в Рио-де-Жанейро, сообщая, что «невозможно больше сдерживать бегство рабов, так как солдаты проявляют солидарность с аболиционистами и пропускают беглецов».

Пресса перессорилась, газеты печатали пасквили друг на друга. Котежипе подал в отставку. Позиции сторонников рабства оказались подорванными. Люди, ранее проявлявшие безразличие к негритянскому вопросу, теперь оказались захваченными высокими идеалами дела освобождения; ряды его сторонников множились. Каиафы проявляли неслыханную отвагу. Для успокоения общественного мнения были изданы некоторые законы, облегчающие положение невольников.

Но Лаэрте был поглощен другим. Однажды у дверей редакции «Реденсан» он набрался смелости и потребовал у доны Лу ответа:

– В конце концов, когда же вы решитесь стать моей женой?

– Я уже сказала...

– Когда? Повторите!

Юноша был бледен, весь дрожал. Она рассмеялась. Потом все-таки ответила:

– Разве вы не помните? Так и быть, повторю: я выйду за вас замуж через тридцать дней после отмены в Бразилии рабовладения.

И они продолжали работать в аболиционистском движении. Проходили месяцы. Не дожидаясь закона, невольники сами освобождали себя, массами покидая плантации и зензалы. Тогда правительство вынуждено было наспех издать закон, который получил название «Закона 13 мая».

Лу выполнила свое обещание.

Венчание состоялось в Церкви богородицы-целительницы, с которой у молодых было связано столько прекрасных воспоминаний.

Медовый месяц они провели в Сантосе, в особняке с верандой, окруженной жасмином, откуда можно было наблюдать, как прибывают и отплывают корабли. Там они, упоенные любовью, прожили счастливейший месяц своей жизни, радуясь тому, что гуманное дело, за которое они боролись, увенчалось победой.

Однако настал день, когда они почувствовали, что соскучились по Сан-Пауло, по морозящему дождю, по колокольчикам конки, по всему, с чем они так сроднились. По Антонио Бенто, по друзьям-аболиционистам.

Бедный Калунга! Он уже больше не продает газет. Сейчас он уже, вероятно, сгнил в братской могиле на кладбище обездоленных, где хоронили невольников, заключенных и нищих, умиравших у порогов домов...

Они решили в тот же день вернуться в Сан-Пауло. Для этого им надо было пойти в торговую фирму, с которой был связан отец Лаэрте, и взять там деньги, переведенные Антонио де Кастро Алвимом в распоряжение сына. Они выпили кофе и пошли.

Над оградами домов, подобно колоннам, возвышались стройные жеривы. В пальмах пел морской ветер. Небо было голубым и безоблачным, как их счастье.

Они сели на конку – «спичечную коробку», как ее называли в Сантосе, – и доехали до площади. Город трудился. Слышался непрерывный грохот повозок, везущих кофе в порт. У закусочной стояли празднично одетые негры. Один из них играл на гитаре, другой пел:

Рабства кончился обман,
И теперь свободны все!
Славен Сантос Гаррафан!
Сложим песню о борце!
Потрудились мы усердно,
И теперь свободны все!
Храбр Кинтино де Ласерда!
Сложим песню о борце!

У этой аболиционистской песни не было конца. Она воспевала всех героев победоносного движения. Люди останавливались послушать ее. Несколько юношей-энтузиастов поднесли неграм по стаканчику. Кто-то спросил:

– Давно празднуете? Негры расхохотались.

– Больше двух месяцев, с тринадцатого мая, – ответил негр с гитарой.

Танцуя, парни двинулись дальше, снова зазвучал речитатив аболиционистской песни.

Лаэрте и Лу свернули на улицу Санто-Антонио, где были расположены оптовые склады. На узких тротуарах, преграждая путь прохожим, работали сотни полуголых негров. Нагруженные мешками кофе – иногда двумя, иногда одним, – они бегали от складов к повозкам, от повозок к складам. Сантос пах потом, машинным маслом и морем.

Торговая фирма помещалась в невысоком здании с изразцовым фасадом и тремя внушительными подъездами. Здесь же был и склад. Служащий, штемпелевавший мешки, сообщил Лаэрте, что контора откроется через полчаса.

Они решили прогуляться в парке. Словно позолоченный солнцем, он был почти пуст. Какое-то семейство, пассажиры стоявшего на рейде парохода, любовалось вековыми деревьями. Пароход прибыл из Аргентины. Старик в берете, чесучовом плаще и грубых ботинках был, видимо, главой семьи. Толстая краснощекая женщина с челкой интересовалась обезьянами. Юноша в бархатном костюме и круглой шляпе, одетой набекрень, увидев Лу, смутился. Он провел рукой по еле заметным бакенбардам, затем закурил сигарету, но сделал это так неумело, так неуклюже, что Лу даже остановилась посмотреть на него.

Фламбойяны, усыпанные красными цветами, казались окровавленными. Опавшие лепестки кружились в воздухе и устилали землю. Лаэрте и Лу уселись на скамейке и, слушая пение птиц, треск цикад и отдаленный шум города, тихо беседовали. Им надо было столько сказать друг Другу...

Они еще пребывали в этом сладком забытии, когда мимо прошел старый, оборванный негр в шутовском цилиндре, напыленном на седую курчавую голову. Лаэрте узнал его и окликнул:

– Муже!

Негр не слышал – он казался глухим.

– Муже! Подойди сюда! Я синьозиньо Лаэрте!

Негр ничего не ответил.

Тогда Лаэрте подбежал и схватил его за полу пиджака. Муже обернулся и с невинной улыбкой заговорил:

– Негр задремал, трубка упала...

– Ты не помнишь меня?

– Э... э...

Перед Лаэрте был безумный.

В этот момент далеко разнесся веселый возглас мальчишки:

– Индюк в цилиндре!

Муже бросился бежать, надеясь поймать обидчика. Лаэрте вернулся к Лу. Обоим стало грустно. После долгого молчания Лаэрте спросил:

– Неужели «они» правы, говоря, что в нашей стране миллионы никчемных граждан?

– Возможно. Такими их сделали белые. Наказание – в самом преступлении. Но настанет день...

На обратном пути они снова встретили семью аргентинцев. Старик в чесучовом плаще очищал севиляной⁵³ апельсин...

Они вернулись на улицу Санто-Антонио. В помещении склада после яркого света казалось совсем темно. В воздухе носилась пыль. Грузчики негры лихорадочно, с гомоном и шумом орудовали лопатами. Было жарко, как в печке. Тела рабочих блестели от пота.

Контора находилась в глубине и была отгорожена от склада дощатым барьером с металлической сеткой наверху. Лаэрте представил письмо и получил деньги. Когда он под руку с Лу направлялся к выходу, ему преградил дорогу высокий, почти обнаженный негр с холщовой тряпкой вокруг пояса...

– Да это никак синьозиньо?

Грузчик, вытирая пот со лба, обрадовался, как ребенок. Засверкали его живые глаза, лицо озарилось счастливой улыбкой.

– Салустियो! Это ты, Салустियो!

Белый и негр обнялись, как братья, встретившиеся после долгой разлуки. У растроганной молодой женщины на вернулись на глаза слезы.

⁵³ Севиляна – длинный тонкий нож изогнутой формы.

**«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ» РОМАН КАК УЧАСТОК
КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ПАМЯТИ В БРАЗИЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1940-Х ГОДОВ**

Политическая идентичность в Бразилии республиканского периода, в отличие от Империи, базировалась в большей степени не на лояльность политическому режиму и не на принятии политических институтов и процедур, а на постоянной рефлексии со стороны бразильских интеллектуалов относительно исторического и политического опыта Бразилии. Эта рефлексия имела принципиально важное значение в контексте формирования новых политических идентичностей и лояльностей. Период правления бразильского президента Жетулиу Варгаса⁵⁴ не стал исключением. В научной литературе относительно политического характера режима бразильского лидера высказываются различные мнения. Тем не менее, мы можем констатировать, что усилиями Ж. Варгаса и верных ему элит политическое поле в Бразилии подверглось значительным трансформациями. Сфера политического – политического участия, политического протеста, политического несогласия – была существенно сужена. Это привело к трансформации дискурса политического, его перемещению из сферы собственно политической в сферу культуры и литературы, интеллектуальных дебатов и философских исканий.

Литературная деятельность и интеллектуальный труд стали не только в значительной степени воображаемым пространством бытования политического дискурса, но и теми сферами в функционировании бразильского социума, которые имели принципиальное значение для формирования новых идентичностей, а также связанных с ними лояльностей и легитимностей. Важным каналом для формирования подобных идентичностных проектов была литературная деятельность, которая базировалась, в том числе, и на переосмыслении исторического прошлого и политического опыта. Сознательно подвергая интеллектуальное, культурное и политическое пространство фрагментации, бразильские интеллектуалы предлагали новые идентичности, диапазон кото-

⁵⁴ О режиме Жетулиу Варгаса см.: Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.

рых мог варьироваться от левых до правых. Историческая проза играла значительную роль в формировании подобных идентичностей. Историческая проза, посвященная поздней Империи, проблемам отмены рабства, имела крайне важное значение в контексте развития республиканской идеи как нового идентичностного проекта. Именно поэтому в настоящем разделе мы обратимся к проблемам исторической памяти и политической идентичности в Бразилии первой половины 1940-х годов в контексте романа бразильского писателя Афонсу Шмидта⁵⁵ «Поход» («A marcha. Romance da abolição»).

В центре «Похода» – динамично трансформирующееся и изменяющееся бразильское общество поздней Империи и ранней Республики, где сфера традиционного и нового не разведены, а политические и социальные перемены способствуют разруше-

⁵⁵ В советский период Афонсу Шмидт в рамках официальной перцепции бразильской литературы имел статус «прогрессивного писателя» (Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 5). В предисловии к публикации его произведений на русском языке в 1958 году подчеркивалось, что «народ и современность – такова основная тема большинства исторических и современных романов Афонсу Шмидта. Они пронизаны любовью к простому человеку» (Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. Г. Калугина. – М., 1958. – С. 5). Советские популяризаторы творчества Афонсу Шмидта подчеркивали, что «он последовательно разоблачает и клеймит буржуазный строй, законы человеческого бытия в условиях капиталистического общества» (Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 5). Для советских критиков и цензоров было важно то, что А. Шмидт – «активный борец за демократию, за мир между народами», для которого характерно «большое чувство симпатии к советскому народу» и вера «в светлое будущее человечества» (Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. Г. Калугина. – М., 1958. – С. 7, 8). Подчеркивалось, что А. Шмидт позитивно отнесся к захвату власти в России большевиками: «приветствуя Великую Октябрьскую социалистическую революцию и восхищаясь народом, ее совершившим, он провидел ее мировое значение для судеб человечества и в ней усматривал единственную и верную панацею против бед и зол старого мира» (Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 6).

Вероятно, именно это стало основным стимулирующим фактором перевода его произведений на русский язык. С другой стороны, литературное наследие Афонсу Шмидта сложно вписать в эти идеологические рамки, выработанные в рамках советского канона: протест против капитализма для А. Шмидта был важен в большей степени не как проявление левых предпочтений, но в контексте кризиса и разочарования традиционным западным обществом. В этом отношении, вероятно, продуктивной может стать попытка прочтения текстов А. Шмидта не в контексте «прогрессивной литературы», но как части модернистской бразильской литературной традиции.

нию архаики. Переходное общество – это социум, где права собственности не закреплены, степень миграции населения высока, а его политическое участие носит скорее стихийный, нежели направляемый характер: «в коридорах судебного присутствия спорили адвокаты-крючкотворы... они без конца твердили о том, что права землевладельцев гарантируются военной силой, возмущались актами произвола и со стороны помещиков и со стороны строителей и угрожали при получении компенсации за землю содрать три шкуры с хозяев железной дороги. Несмотря на опасность захвата, земля в районе строительства дорожала с головокружительной быстротой. Каждая пядь отстаивалась с оружием в руках. Пришельцы не подчинялись решениям суда – для них все земли были “ничейными”. Это определение их очень устраивало и не сходило у них с языка»⁵⁶. В романе мы сталкиваемся с обществом, где политический центр стремился к формализации политического процесса и процесса принятия решений, а периферия, игнорируя унификаторские мероприятия центра, по инерции, унаследованной от более раннего периода, склонна активно применять насилие.

Трансформирующийся социум ранней Республики предстает как мир почти полного и безраздельного доминирования мускулинности, и связанной с ней брутальности – наемного и стихийного насилия: «в тавернах с развешанными у входа гирляндами лука наемные головорезы, капанги, строили дерзкие планы. Все они были вооружены. Кроме револьвера, который они, садясь за стол, откидывали на бок, капанги носили также большой нож...на углах улиц мужчины в высоких сапогах, широкополых шляпах и порыжевших от пыли парусиновых костюмах рассказывали друг другу анекдоты, судачили о тех, кто не расставался с мотками колючей проволоки: если этим людям попадалась подходящая земля, они разматывали проволоку, сколачивали ранчо, выпускали на огороженный участок кур и на следующий день уже требовали закрепления за ними земли»⁵⁷. Социальным центром периферии была вовсе не церковь, а местная таверна, на которой смыкались социальные, политические и культурные связи – формальные и неформальные. Именно таверна / кабак стала топосом мускулинности и освоения новых территорий, а самовольный захват земли становился средством изменения статуса, институционализации его повышения.

Социальный мир поздней Империи представлял собой мир не только политических и социальных, но и расовых ролей. В

⁵⁶ Шмидт А. Поход / А. Шмидт // Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. Г. Калугина. – М., 1958. – С. 11.

⁵⁷ Шмидт А. Поход. – С. 11.

романе «Поход» Афонсу Шмидта мы находим немало образов негров⁵⁸. Негр почти всегда лишен самостоятельности, а его существование без белого человека, без господина почти не имеет смысла: «жена Алвима готовила с помощью невольницы сласти, которые двое негрятят продавали на улице»⁵⁹. Мелкий чиновник Алвим и его жена, разумеется, были белыми. Именно белые в сложной структуре социальных и экономических связей поздней Империи выступали, как правило, в качестве инициаторов торговых операций, где объектом были негры: «для начала он купил партию из восьми забитых вшивых невольников, с которыми бродячий работороговец застрял в Тиете. Негры никудашные, но, если их немного подкормить, они, пожалуй, смогут копать и рыхлить землю»⁶⁰. Негр предстает как фигура в значительной степени символическая, которая олицетворяет отношения доминирования и подчинения, институционализированные не только, социально, но и расово.

Социальный статус негра, социальная психология черного бразильца в романе «Поход» почти примордиально выдержана в категориях зависимости⁶¹. Социальный мир негра ограничивается отношениями подчинения, другие социальные модели и стратегии для них, вероятно, не были знакомы: «ради хозяина негры не щадили сил. Освоение Пайнейраса стало не только делом плантатора, но и их личным, кровным делом. Они без устали трудились, терпели голод и, если бы это понадобилось, пожертвовали жизнью, лишь бы их белый хозяин стал богатым фазендейро»⁶². Образ негра – это образ человека, который нуждается в заботе и покровительстве со стороны своего белого господина: «негры

⁵⁸ В бразильской литературе созданы и весьма неприятные образы негров, в частности – мы можем упомянуть роман Ж. Рибейру «Плоть». Об особенностях негрятяньских нарративов у Ж. Рибейру см. раздел «Гендер и секс, раса и принуждение: “A Carne” Жулиу Рибейру как участок социальной памяти в поздней Бразильской Империи» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, «Научная книга», 2008. – С. 122 – 133.

⁵⁹ Шмидт А. Поход. – С. 12.

⁶⁰ Шмидт А. Поход. – С. 13.

⁶¹ О феномене зависимости в контексте развития идентичности, его отражении в бразильской литературе, в частности – в текстах Машаду дэ Ассиза см. раздел «*Império infantil: дискурс детства в контексте «высокой культуры» в Бразильской Империи*» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи*. – С. 94 – 99.

⁶² Шмидт А. Поход. – С. 15.

обычно ненавидели своего хозяина, но не белых вообще, ибо негры – это раса, которая не умеет ненавидеть. Бог для того и дал им самые красивые зубы в мире, чтобы они всегда улыбались»⁶³. Социальные функции и связи негра были весьма ограничены: его обязанность состояла в работе на господина⁶⁴. Социальный мир негра начинался за дверью сензалы и ограничивался ее стенами: «вслед за домом построили сензалу. Она стояла у речки неподалеку от жернова для размолы кукурузы. Это был квадратный барак, разделенный на каморки, где ютились невольники и их семьи. Негров загнали в сензалу и перестали о них думать. Если уж все они черные, пусть и живут вместе»⁶⁵.

Мир белых, вероятно, в восприятии негра в значительной степени был дифференцирован: белые играли разные роли – не только господ, но и почти господ. В качестве такого почти господина предстает фигура надсмотрщика: «наняли надсмотрщика. Поговаривали, что он прибыл издалека, его преследовала полиция за то, что он разрядил револьвер в непослушного негра. Но разве это дурно? Скорее похвально»⁶⁶. Отношения с белыми носили вертикальный, а с другими рабами – горизонтальный характер: «негры трудились не покладая рук. Они выходили на работу чуть свет и возвращались, когда солнце уже садилось. Результаты не замедлили сказаться: лес постепенно редел»⁶⁷. Цвет кожи продолжал играть одну из важнейших ролей в определении социального статуса, а негр воспринимался в меньшей степени как человек, но в большей степени как товар, который свободно подлежал купле и продаже. Негр в значительной степени оказался интегрированным в систему социальных и культурных связей, но не как участник, но как составляющая экономических и социальных коммуникаций белых бразильцев.

Социальный мир поздней Бразильской Империи не отличался прочностью, о чем, например, свидетельствовали проявления негритянского ребела и протеста, как стихийного, так и организованного. Примечательно, что в «Походе» поводом для начала насилия послужила не просто эксплуатация белыми негров, но то, как плантаторы прореагировали на попытку части белых и негров разрушить сложившуюся систему социальных связей:

⁶³ Шмидт А. Поход. – С. 93.

⁶⁴ Об особенностях статуса и места негров в культуре Бразильской Империи см. раздел «Escravos и de ganhos: антиимперский протест в Байе на раннем этапе существования Бразильской Империи» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи.* – С. 64 – 70.

⁶⁵ Шмидт А. Поход. – С. 17.

⁶⁶ Шмидт А. Поход. – С. 18.

⁶⁷ Шмидт А. Поход. – С. 14.

«повсюду на берегу – иллюминация, церковные песнопения, танцы, костры, кентан. В течение нескольких часов белые и черные братались между собой. Соседним плантаторам это не нравилось, и после многократных угроз они подослали надсмотрщика Антонио Жоакима поджечь церковь. Это случилось... не могу вспомнить точно в каком году... ночью сензалы проснулись от звона колоколов. Высокое пламя озаряло небо. Невольники сразу же поняли, что это дело рук белого, взбунтовались и в свою очередь подожгли энженью, помещичий дом, склад... Фазендейро с трудом удалось бежать и добраться до Сантоса. Остаток ночи бунтовщики провели, танцуя вокруг костров. На рассвете они вспомнили о надсмотрщике, бросились его разыскивать и наконец нашли; спрятавшись под рогожей, он стучал зубами от страха. Негры привязали его к жерди и, как кабана из леса, притащили на пепелище энженью. Здесь облили его керосином, подожгли и отпустили. Объятый пламенем, этот живой факел побежал к морю, стремясь броситься в воду. Но это ему не удалось. Он упал. От надсмотрщика Антонио Жоакима осталась лишь черная, скрюченная, дымящаяся головешка»⁶⁸. Отношения между белыми и неграми обострялись, а модель социальной и культурной коммуникации, основанная на доминировании белого и подчинении черного постепенно стала распадаться. В этой ситуации сложились благоприятные условия для радикализации негритянских сообществ. Немалая доля ответственности за это лежала и на белых, которые принудительно ограничили социальный мир негра сензалой.

Социальные связи и отношения в поздней Империи не отличались стабильностью: «негры бегут с фазенд. Монархия оказалась в затруднительном положении, ей приходится лавировать. Если не отменить рабства, может вспыхнуть всеобщее восстание, с которым власти не в силах будут справиться, – армия уже сейчас отказывается арестовывать беглых негров»⁶⁹. Сторонники традиционных отношений выступают за сохранение отношений между белыми и неграми, поостренных на принципах доминирования и подчинения, не понимая противников рабства: «вся нынешняя молодежь любит негров. За спиной любого черного им видятся крылья ангела. А при дворе и в Сан-Пауло и подавно: даже паркетные шаркуны и те шумят о свободе для черномазых»⁷⁰. С другой стороны, белые герои начинают понимать не только необходимость отмены рабства, но и то, как сложно будет неграм адаптироваться к свободе: «среди фазендейро только уп-

⁶⁸ Шмидт А. Поход. – С. 88.

⁶⁹ Шмидт А. Поход. – С. 29.

⁷⁰ Шмидт А. Поход. – С. 28.

рямые ослы отстаивают рабовладение. Единственный, кто может искренне стоять за сохранение рабства, – это раб. Вы еще молоды, друзья, но придет время, и вы увидите на улице освобожденного невольника, который будет тосковать по хозяину и сензале»⁷¹. В романе Афонсу Шмидта движение за освобождение рабов играет роль катализатора перемен, постепенно ослабляя и разрушая традиционное общество. Вместе с распространением идей аболиционизма ревизии подвергается и сам образ негра: на смену негру приходит бразилец. Именно поэтому в финале романа «белый и негр обнялись, как братья, встретившиеся после долгой разлуки»⁷², что, вероятно, можно рассматривать как один из эпизодов рождения бразильской политической нации.

Социальный мир поздней Империи и ранней Республики в значительной степени продолжал функционировать в традиционной системе координат. Насилие, брутальность и убийства на территории аграрной периферии были вполне обыденными явлениями. С другой стороны, убийство могло стать причиной институционализации новых традиций, которые порой обретали и черты религиозного культа. В частности, убийство фазендейро Педроки положило начало такой традиции местного религиозного поклонения и почитания: «на месте убийства был поставлен деревянный крест, перевитый лианами. На следующий год крест заменили другим, получше. Три года спустя, выполняя данный обет, сын поставил новый крест, на этот раз железный. Каждый путник, проходивший мимо, клал к подножью креста камень. И крест этот творил чудеса. Через некоторое время здесь построили часовню. День убийства Алвима – третье мая – стал церковным праздником Святого Креста Чащи. Возле часовни строились хижины и лавки. Часовня со временем превратилась в церковь»⁷³. Примечательно и то, что появление местного культа оказывало значительное влияние на расширение социальных связей и границ сообщества, в которое (через приобщение к культу) интегрировались новые члены. В этом контексте традиционная народная религиозность играла роль мощного консолидирующего и конструирующего фактора.

С другой стороны, если аграрная периферия продолжала оставаться преимущественно традиционной, бразильский город в гораздо большей степени подвергался изменениям, постепенно трансформируясь и меняясь. В городе, в отличие от аграрной периферии, не было столь строгого следования социальным, расовым и гендерным ролям. В то время как в рамках периферийных

⁷¹ Шмидт А. Поход. – С. 59.

⁷² Шмидт А. Поход. – С. 155.

⁷³ Шмидт А. Поход. – С. 20.

сообществ доминировали традиционные идентичности, связанные с социальными и гендерными ролями или расовой принадлежностью, в городе эти роли постепенно размывались⁷⁴. На смену социальным ролям белых и черных приходила новая идентичность, основанная на идеях республики и гражданского бразильского национализма, носителями которого могли быть не только белые, но и негры, не только мужчины, но и женщины. Подобная социальная и культурная трансформация в значительной степени отразилась на гендерных ролях. В романе «Поход» Лаэрте, приехавший в Сан-Пауло испытывает своеобразный культурный шок, когда узнает, что женщина не только может быть свободна («Лу не замужем. Всю свою жизнь она посвящает делу аболиционизма. На это она тратит и свою молодость и все свои деньги»⁷⁵), но и может выступать за установление Республики и отмену рабства

Подводя итоги настоящего раздела, следует акцентировать внимание на нескольких факторах. Роман «Поход» появился в первой половине 1940-х годов не случайно. В первой половине 1940-х авторитарный режим Ж. Варгаса, политический эксперимент по строительству «нового государства» и связанной с ним новой политической идентичности столкнулся с серьезными препятствиями и возросшей оппозиционностью со стороны противников и оппонентов Ж. Варгаса. Политический кризис режима Ж. Варгаса был связан с тем, что политические концепты бразильского президента и его оппонентов базировались на идее политического республиканизма, точнее – на различных прочтениях и понимании республиканской идеи. Политический язык и стиль Ж. Варгаса в значительной степени был выдержан в стиле авторитаризма. Политические нарративы его оппонентов в большей мере апеллировали к общедемократическим трендам и ценностям в республиканской идее.

В этой ситуации литературные тексты, связанные с проблемами установления республики не на тех началах, на которых стремился выстраивать ее Жетулиу Варгас оказались в значительной степени востребованными. Поэтому, роман Афонсу Шмидта, получившего именно за него в 1942 году Премию Бра-

⁷⁴ О женских нарративах, выдержанных в традиционной системе координат, в период Бразильской Империи см. разделы «Linda Marcela: феминность, мускулинность и культурно-социальный империализм в Бразильской Империи» и «Феминность в тени доминирующей мускулинности: женские образы в бразильской литературе эпохи Империи (на примере малой прозы Машаду дэ Ассиза)» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи*. – С. 100 – 106; 107 – 112.

⁷⁵ Шмидт А. Поход. – С. 54.

зильской Академии Словесности, был весьма позитивно встречен и воспринят оппозиционными критиками и интеллектуалами, которые понимали, что Республика нуждается не просто в новых политических основах, но и в новых политических мифах и исторических символах. В этом контексте «Поход» в некоторой степени способствовал не просто ослаблению той идентичности, которая предлагалась в рамках авторитарного режима, но и мифологизации и символизации бразильского исторического пространства. С другой стороны, «Поход» и подобные тексты оказали значительное влияние на фрагментацию культурного и интеллектуального пространства в Бразилии, стимулируя появление новых текстов, предлагавших другие идентичности, спектр которых варьировался от магистральных до маргинальных, от умеренных до радикальных, от правых до левых.

Республиканский роман в Бразилии в
первой половине 1940-х годов

сост. и вступительная статья М.В. Кирчанов

На русском языке

Воронеж, 2009.

Электронное издание
<http://ejournals.pp.net.ua>